

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО- ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК III

Сборник научных статей по материалам
XI Всероссийской научно-практической конференции
(Красноярск, 20 сентября 2018 года)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Юридический институт

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей по материалам
XI Всероссийской научно-практической конференции
(20 сентября 2018 г.)

Электронное научное издание

Красноярск
СФУ
2018

УДК 34
ББК 67.3
Е63

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, профессор И.В. Шишко;
канд. юрид. наук А.Ф. Васильева;
канд. юрид. наук Г.Л. Москалев

Е63 Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции (20 сентября 2018 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. – Электрон. дан. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2018. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-9500618-3-7

Представлены статьи участников XI Всероссийской научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения», которая состоялась в Юридическом институте Сибирского федерального университета 20 сентября 2018 года.

Предназначено для преподавателей и обучающихся юридических вузов и всех, кто интересуется современными проблемами права.

ISBN 978-5-9500618-3-7

УДК 34
ББК 67.3

© Сибирский федеральный университет, 2018
© Оформление Е.А. Акунченко, 2018

Электронное научное издание

Подписано в свет 28.12.2018. Заказ № 4
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Красноярская региональная общественная организация
«Общественный комитет по защите прав человека»
660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6

УДК 343.9

**«ПРОДАЖНОСТЬ» ИЗБИРАТЕЛЕЙ
КАК ВИД КОРРУПЦИОННОГО ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ
В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

© Е.А. Акунченко

Сибирский федеральный университет

Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе – феномен правовой действительности, который заслуживает пристального внимания. Представляя собой формально законное использование субъектом избирательного процесса своего служебного положения (специального правового статуса) в целях извлечения любой выгоды для себя и (или) третьих лиц вопреки предназначению определенного института избирательного права, указанная модель реализации права, на наш взгляд, не образует состав конституционного правонарушения в силу коррупциогенности норм законодательства о выборах, но вместе с тем неминуемо влечет причинение материального и (или) нематериального вреда другим субъектам избирательного процесса либо избирательному корпусу в целом [1, с. 39]. «Продажность» избирателей является одним из наиболее ярких примеров коррупционного злоупотребления правом в избирательном процессе. Указанному виду, как и его роду, в полной мере присущи следующие характерные черты.

Во-первых, действующее законодательство Российской Федерации не содержит прямой запрет на совершение деяний, составляющих объективную сторону рассматриваемого девиантного поведения в избирательном процессе, несмотря на их (деяний) противоправный характер. Подобная ситуация, именуемая в литературе как «слабо конкретизированное нормативно-правовое регулирование, не позволяющее ясно определить допустимые правовые возможности и основания их реализации» [5, с. 11], по сути, обеспечивает формальную законность «торговли» голосами избирателей. Юридически наказуемым в настоящий момент являются лишь действия «потребителей» таких «товаров».

Во-вторых, коррупционная цель рассматриваемых деяний заключается в извлечении носителями активного избирательного права материальной выгоды вопреки предназначению института демократических выборов. Процедура голосования призвана обеспечить конкурентный политический процесс, основанный на свободном волеизъявлении избирателей. Противоправное

вторжение в процедуру формирования и объективного выражения политических предпочтений граждан в период избирательной кампании искажает их действительное содержание, чем препятствует легальному и легитимному формированию и обновлению государственной власти в стране. Как отмечают А.П. Забайкалов и Е.Н. Лоторев, «избиратель, продавая свой голос, наносит ущерб общественным интересам, поскольку способствует нарушению основных принципов организации системы государственной власти» [4, с. 959].

В-третьих, избиратель как субъект коррупционного злоупотребления правом в избирательном процессе обладает специальным правовым статусом, а именно активным избирательным правом, реализация которого при получении «избирательной взятки» находится под влиянием коррупционной выгоды. Исходя из положений Конвенции ООН против коррупции, субъектом коррупционных отношений может являться любое лицо, «выполняющее публичную функцию» (подпункт «ii» пункта «а» статьи 2). В свою очередь, публичный статус избирателей как представителей учредительной власти проистекает из положений статьи 3 Конституции Российской Федерации, согласно которым единственным источником власти в стране выступает многонациональный народ, а ее высшим проявлением – свободные выборы и референдум. Следует согласиться с Н.В. Щедриным в том, что «продажа голосов "загрязняет" всю систему публичной власти в самом ее истоке» [6, с. 91].

В-четвертых, в результате совершения рассматриваемых деяний отдельным субъектам избирательных отношений, а также избирательному корпусу в целом причиняется существенный вред, имеющий как материальное, так и нематериальное выражение. И в данном случае речь идет не только об экономических последствиях необходимости повторных выборов. Важное значение приобретает возникающая в ходе принятия судебного решения конкуренция конституционных ценностей – в случае признания результатов голосования недействительными ввиду организации массового подкупа, права избирателей «если и не нарушаются напрямую, то по крайней мере становятся трудно реализуемы: гражданам, подавшим свои голоса правомерно (а таких, как правило, большинство), требуется повторно и сформировать, и выразить свое волеизъявление» [2, с. 86].

Необходимость установления мер юридической ответственности за подобные действия (бездействие) все чаще становится предметом научной дискуссии. Вместе с тем полагаем, что помимо деликтолизации или криминализации «продажности» избирателей необходимо обратить пристальное внимание на потенциал мер предупреждения коррупции в избирательном процессе. Следует согласиться с И.А. Дамм в том, что многими избирателями

«вручение кандидатом, его представителем подарков, денежных средств, оказание услуг имущественного характера в виде организации концертов, праздников и т.п. воспринимается как помощь, демонстрация заботы и участие в их проблемах, но никак не противоправная коррупционная сделка» [3, с. 7]. Поэтому возможное применение в отношении указанных лиц мер конституционно-правовой, административной или уголовной ответственности должно сопровождаться массовым антикоррупционным просвещением, направленным на формирование «антикоррупционного иммунитета» у данной категории субъектов избирательных отношений.

Список использованных источников:

1. Акунченко, Е.А. Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе / Е.А. Акунченко // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 1. – С. 34–40.
2. Белов, С.А. Признание выборов недействительными: конфликт правовых ценностей в судебной практике / С.А. Белов, Ю.А. Мелихова // Петербургский юрист. – 2016. – № 2. – С. 81–97.
3. Дамм, И.А. К вопросу об уголовной ответственности за подкуп избирателей // Следователь. – 2007. – № 12. – С. 5–8.
4. Забайкалов, А.П. Ответственность за получение «избирательной взятки» / А.П. Забайкалов, Е.Н. Лоторев // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 9. – С. 958–962.
5. Шарнина, Л.А. Злоупотребление конституционными правами и злоупотребление полномочиями: общее и особенное / Л.А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 12. – С. 9–15.
6. Щедрин, Н.В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» / Н.В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 89–92.

УДК 343.7

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК ХИЩЕНИЯ

© А.А. Боровков, А.Н. Тарбагаев

Сибирский федеральный университет

Одной из главных проблем при квалификации любого хищения является адекватное установление смыслового наполнения корыстной цели, как конститутивного признака субъективной стороны составов этой группы имущественных преступлений.

В связи с тем, что в последнее время отдельные положения главы 21 УК РФ подверглись реформированию, а позиции Верховного Суда РФ по этим вопросам были актуализированы, научные споры вокруг содержания названного признака до сих пор не утихают [1, с. 47–52]. Суть данной дискуссии была точно определена С.А. Елисеевым, который отметил, что законодатель, обрисовав субъективную сторону хищения, в числе его субъективных признаков назвал корыстную цель. Однако он не объяснил, что же следует под ней понимать [2, с. 126].

Цель преступления – это идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к причинению которого стремится правонарушитель посредством совершения преступления [3, с. 85].

В уголовно-правовой литературе неоднократно предпринимались попытки раскрыть содержание признака «корыстная цель», поэтому можно выделить несколько подходов к его определению. Согласно традиционному подходу, корыстная цель заключается в стремлении виновного к удовлетворению личных потребностей, получению личной прибыли [4, с. 39].

Отдельными учеными-правоведами корыстная цель понимается шире, чем при традиционном подходе. В частности, по мнению Н.А. Лопашенко, корыстная цель в хищении налично, если виновный стремится: к личному обогащению, к обогащению людей, с которыми его связывают личные отношения, к обогащению соучастников хищения, к обогащению людей, с которыми он состоит в имущественных отношениях [5]. Схожую позицию занимает А.И. Бойцов, который к корыстной цели также относит стремление виновного к обогащению юридических лиц, с функционированием которых напрямую связано его материальное благополучие [6, с. 294]. Тем не менее, данный подход скорее является умеренным, чем широким, т.к. в уголовно-правовой науке можно встретить еще более широкое понимание корыстной цели.

Так, А.Г. Безверхов под корыстью в уголовном праве понимает «стремление виновного противоправным путем получить реальную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, а равно незаконно извлечь иные выгоды имущественного характера для себя или других лиц» [7, с. 167]. При этом к другим относятся лица, находящиеся или не находящиеся с виновным в каких-либо отношениях.

Именно широкий подход к пониманию корыстной цели был воспринят судебной практикой для установления корыстных устремлений при совершении имущественных посягательств.

В частности, в пункте 28 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», отмечалось, что «обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц» [8]. В силу того, что перечень «других лиц» не был определен, следует констатировать, что хищение может быть совершено в пользу любого лица, не являющегося собственником или владельцем похищенного имущества. Именно так было воспринято данное разъяснение Верховного Суда РФ региональными судами [9].

Постановление от 27 декабря 2007 г. № 51 утратило силу в связи с принятием постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в пункте 26 которого высший судебный орган повторил ранее данное определение признака корыстная цель, подчеркнув, что круг других лиц не ограничен [8], в связи с чем ранее выработанный широкий подход к пониманию данного признака сохранился.

Однако такой широкий подход, в некоторых случаях, нивелирует корыстную цель как признак состава преступления, поскольку любое стремление распорядиться имуществом как своим собственным можно уже приравнять к корыстной цели [10, с. 127–130].

Вопрос корректного понимания корысти приобретает особую актуальность применительно к хищениям, совершаемым в сфере предпринимательской деятельности.

Коммерческая деятельность меркантильна по своей природе, в связи с чем для установления субъективной стороны хищений, совершаемых в указанной сфере (в первую очередь, мошенничества, предусмотренного чч. 5–7

ст. 159 УК РФ) важно не путать стремление извлечь прибыль (цель предпринимательской деятельности) и стремление извлечь незаконную выгоду (корыстная цель хищений).

Показателен следующий пример из судебной практики. Так, определением Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 9 ноября 2012 г. № 87-Д12-4 отменены все состоявшиеся судебные решения, а уголовное дело в отношении М. (генерального директора ЗАО «А»), осужденного по ч. 4 ст. 159 УК РФ, а также Г. и Ж., осужденных по ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ, прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Из содержания определения следует, что заместитель Генерального прокурора РФ выразил несогласие с состоявшимися судебными решениями, поскольку предоставление осужденным М. фиктивных документов в Департамент агропромышленного комплекса Костромской области само по себе не может свидетельствовать о нецелевом использовании кредита и наличии умысла на хищение бюджетных средств путем обмана. Удовлетворяя надзорное представление прокурора и надзорную жалобу осужденного М., Судебная коллегия Верховного Суда РФ также отметила, что в приговоре Ленинского районного суда г. Костромы не приведены доказательства в подтверждение вывода о наличии у М., Г. и Ж. корыстной цели как обязательного признака мошенничества [11]. Хотя приведенный пример посвящен проблеме доказывания субъективной стороны общего состава мошенничества, полагаем возможным использовать его в целях характеристики субъективной стороны хищений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, т.к. обвиняемыми по данному уголовному делу проходили члены органа управления коммерческой организации.

Осуществление предпринимательской деятельности всегда связано со стремлением лица к извлечению прибыли. В общем виде это означает, что предприниматель стремится минимизировать расходы и максимизировать доходы от своей деятельности, т.е. получить материальную выгоду. Именно так цель извлечения прибыли понимается в специальной литературе [12, с. 98]. Принципиальное значение в данной формуле играет указание на то, что для получения прибыли предприниматель должен понести расходы. Таким образом, отсутствие расходов (т.е. безвозмездное получение материальных выгод) является одним из важных признаков, указывающих, что лицо не стремилось к осуществлению предпринимательской деятельности, а преследовало иные цели.

На это при характеристике содержания корыстной цели при хищениях обратил внимание Э.С. Тенчов, который заметил, что она (корыстная цель) определяется стремлением субъекта не к законному извлечению материальных

выгод, а к противоправному получению этих выгод за счет обращения в собственность имущества, безвозмездно изымаемого из фондов или из владения законных собственников и иных владельцев [13, с. 211]. Эта позиция нашла поддержку научного сообщества. Так, Б.В. Волженкин в своих рассуждениях о критериях, позволяющих разграничить состав злоупотребления должностными полномочиями и состав хищения чужого имущества, совершенного должностным лицом с использованием служебного положения путем мошенничества, подчеркнул, что злоупотребление должностными полномочиями, связанное с изъятием и (или) обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц, не является хищением чужого имущества при условии, что такое изъятие носило временный или возмездный характер (например, незаконная, но возмездная передача коммерческой организации финансов и кредитов, предназначенных для государственных или муниципальных нужд, временное заимствование, незаконное приобретение имущества в кредит и т.п.) [14, с. 115]. Следовательно, если эти условия отсутствуют, то при наличии необходимых признаков лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за мошенничество. Однако отсутствие доказательств, подтверждающих вывод о наличии у подозреваемого корыстной цели как обязательного признака мошеннического посягательства, свидетельствует об отсутствии в его деянии данного состава преступления.

На практике возможны ошибки, связанные со сложностью в установлении корыстной цели применительно к преступлениям, в рамках которых виновным выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, поэтому, как представляется, следует руководствоваться критерием безвозмездности при определении стремления лица извлечь прибыль (цель предпринимательской деятельности) либо незаконную выгоду (корыстная цель имущественных преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности).

Критерий безвозмездности предполагает, что собственник (или владелец) не получает за переданное им имущество (или право на имущество) адекватную компенсацию в виде денег, иного имущества или прав требования на товарно-материальные ценности, при реализации которых имущественные притязания бывшего собственника (владельца) будут удовлетворены. Другими словами, если субъект предпринимательской деятельности при исполнении договорных обязательств не несет необходимых расходов, связанных с приобретением им имущества (или прав на него), способных покрыть «издержки», которые соответствуют стоимости отчужденного имущества (или

права на него), то он преследует корыстную цель, что является обязательным признаком субъективной стороны мошенничества.

Список использованных источников:

1. Есаков, Г.А. Корыстная цель в хищении и новое постановление Пленума о судебной практике по делам о мошенничестве / Есаков Г.А // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 47–52.
2. Елисеев, С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории) / С.А. Елисеев. – Томск: Изд-во Томского университета, 1999. – 327 с.
3. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практическое пособие / А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2006. – 220 с.
4. Ворошилин, Е.В. Ответственность за мошенничество. Статья 147 УК РСФСР : учебное пособие / Е.В. Ворошилин. – М.: РИО ВЮЗИ, 1980. – 70 с.
5. Лопашенко, Н.А. Посягательства на собственность / Н.А. Лопашенко. – М.: Норма, 2012. – 528 с.
6. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.
7. Безверхов, А.Г. Имущественные преступления / А.Г. Безверхов. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2002. – 359 с.
8. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 2.
9. Справка по результатам обобщения практики рассмотрения районными (городскими) судами Ульяновской области уголовных дел о мошенничестве (ст. 159–159.6 УК РФ), решения по которым вступили в законную силу в 2013 году. – URL: <http://uloblsud.ru>.
10. Хилюта, В.В. Идентификация признаков мошенничества, присвоения и растраты в судебной практике / В.В. Хилюта // Уголовное право. – 2015. – № 5. С. 127–130.
11. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 года : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 03.04.2013 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 7.
12. Экономическая теория : учебник / Под общ. ред. акад. В.И. Видяпина [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 714 с.

13. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М: ВолтерсКлувер, 2004. – 880 с.
14. Волженкин, Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б.В. Волженкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 560 с.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НОРМ О ТЯЖКИХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

© **И.С. Будкина**

Сибирский федеральный университет

Опасность насильственных посягательств, как известно, определяется не их долей в структуре преступности, а тяжестью и, в ряде случаев, невозможностью последствий для потерпевшего, его окружения и общества в целом.

По критерию степени общественной опасности, общности закономерностей механизма совершения, а также в связи с законодательным отнесением к категории тяжких и особо тяжких преступлений, убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью традиционно рассматриваются объединено с формулировкой «тяжкая насильственная преступность».

Как отмечает Е.В. Черных, «тяжкая насильственная преступность против жизни и здоровья нарушает общественное спокойствие, порождает у определенной части населения чувство страха за себя и своих близких, нарушают порядок и дисциплину в общественной жизни, в целом снижает порог безопасности личности, попирает основы человеческих отношений» [1, с. 17]. Перечисленные последствия совершения тяжких насильственных преступлений преумножаются в случае, если потерпевшими от них становятся дети, поскольку о благополучии общества принято судить, в том числе по степени защищенности наиболее уязвимых его представителей. Несмотря на относительно стабильную положительную динамику в регистрации указанного вида преступлений в отношении несовершеннолетних в РФ [2, с. 17] следует обратить внимание на некоторые проблемы законодательной регламентации убийства и причинения тяжкого вреда здоровью несовершеннолетним.

Уголовный кодекс РФ содержит ряд норм, в которых имеется указание на возраст потерпевшего. Как правило, речь в этих случаях идет о лицах, не достигших совершеннолетия. Часто возраст потерпевшего имеет значение квалифицирующего или особо квалифицирующего признака, существенно повышая степень общественной опасности содеянного.

При этом существует некая терминологическая и содержательная путаница в определении возрастных границ потерпевшего от различных видов преступлений. В контексте обозначенной проблемы хотелось бы обратить внимание на составы преступлений, ответственность за которые предусмотрена п. «в» ч. 2 ст. 105 и п. «б» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса РФ.

Указание на убийство и причинение тяжкого вреда здоровью «малолетнему» как видов квалифицированных составов преступлений впервые было регламентировано Федеральным законом от 27 июля 2009 года № 215-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ». Данный нормативно-правовой акт обособил малолетних из ряда других лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии, что явилось некоторым шагом вперед в деле усиления охраны прав детей на жизнь и здоровье. Однако, отсутствие законодательного закрепления понятия «малолетний», спровоцировало неоднозначность в понимании этого термина, что, в свою очередь, породило некоторые сложности при толковании.

Так, в тексте Уголовного кодекса РФ не содержится пояснения, кого следует считать «малолетним». При этом единственная имеющаяся в ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса РФ возрастная дефиниция «несовершеннолетний» – лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет [3], не способна восполнить существующий пробел даже отчасти. Происходит это по причине того, что в обозначенной норме отсутствует указание на распространение действия данного определения и на другие статьи Уголовного кодекса РФ. Отсутствие прямого указания на универсальность понятия «несовершеннолетний» (как это сделано, например, по поводу термина «хищение» в п.1 примечании к ст. 158 Уголовного кодекса РФ) [4, с. 8] не позволяет применять положение ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса РФ при толковании и дифференциации возраста потерпевшего от преступления. Кроме того, в свете данного определения открытым остается вопрос, кого же все-таки считать малолетним.

В силу отсутствия регламентации в уголовном законодательстве термина «малолетний», возможным вариантом решения проблемы является обращение к иным отраслям права. Так, ст. 28 Гражданского кодекса РФ малолетним

предлагает считать несовершеннолетних, не достигших 14 лет. Следует отметить, что судебная практика применения исследуемых норм идет именно по пути толкования малолетнего возраста в соответствии с положениями гражданского законодательства. Хотя в качестве контраргумента отмечается, что «апеллировать к нормам иной отраслевой принадлежности, в которых раскрывается содержание отсутствующих дефиниций, не совсем корректно» [5, с. 21]. Таким образом, использование в п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ и п. «б» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса РФ категории «малолетний», без определения ее смыслового значения в уголовном законе, в теории и на практике может вызывать определенные затруднения в толковании.

Все это обуславливает необходимость совершенствования норм об ответственности за тяжкие насильственные преступления, в которых в качестве квалифицирующего признака указан малолетний возраст потерпевшего.

Теперь, что касается содержательного обоснования выделения возраста потерпевшего в качестве квалифицирующего признака. Согласно изменениям, внесенным в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 27 июля 2009 года № 215-ФЗ, малолетний возраст потерпевшего является одной из возможных причин его «беспомощности» применительно к п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ и п. «б» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса РФ. В тексте указанных норм малолетний потерпевший стоит в одном ряду с «иным лицом», заведомо для виновного находящимся в беспомощном состоянии.

Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 (в ред. 3 марта 2015 г.) «к иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее» [6]. Следовательно, малолетние рассматриваются здесь не как особая в силу возраста категория потерпевших от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, а среди прочих (больные, престарелые), объединенных общим признаком беспомощности. В связи с этим возникает вопрос: означает ли не достижение ребенком возраста 14 лет автоматическое отнесение его к категории беспомощных?

Неспособность ребенка в возрасте до 7 лет оказать должное сопротивление в случае совершения в отношении него насильственного посягательства не вызывает ни у кого сомнений. Ведь несовершеннолетний в этом возрасте независимо от пола слаб физически и объективно уступает преступнику, достигшему даже минимального возраста уголовной ответственности. В отношении же лиц возрастной группы 12–14 лет беспомощность уже не так очевидна,

особенно, если речь идет о юношах. Как отмечают А.М. Плешаков, С.Е. Яковлева «некоторые дети подросткового возраста (11–13 лет) физически хорошо развиты и вполне способны постоять за себя, поэтому вряд ли их можно априори признавать беспомощными» [7, с. 32].

Кроме того, законодатель в тексте Уголовного кодекса РФ уже определил предельный возраст потерпевшего, беспомощное состояние которого презюмируется – в силу примечания к ст. 131 УК РФ им признается лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста [5, с. 23].

На основании изложенного, позиция законодателя, выделяющего малолетство в ряду признаков беспомощности, тем более не определяющего четких возрастных границ этого самого малолетства, заслуживает критики.

Кроме того, как верно отмечается в литературе, пунктом «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ помимо убийства малолетнего предусмотрена еще и ответственность за убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека, что затрудняет дифференциацию этих преступлений при статистическом учете [8, с. 66]. То же самое справедливо и по отношению к конструкции п. «б» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью малолетнему. Разница состоит лишь в том, что п. «б» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса РФ, наряду с малолетством и беспомощным состоянием содержит так же указание на особую жестокость, издевательства или мучения для потерпевшего.

Присоединяясь к позиции авторов [8, с. 67], преследующих цель совершенствования уголовно-правовых норм, путем разделения оснований, повышающих общественную опасность деяния на самостоятельные пункты, считаем возможным пойти дальше и внести следующее предложение.

На фоне того, что в последние годы в Российской Федерации проделан не малый объем нормотворческой деятельности, направленный на обеспечение и защиту прав несовершеннолетних, целесообразным было бы сделать еще один шаг и указать в п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ и в п. «в» ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса РФ в качестве признака, повышающего общественную опасность деяний не малолетний, а несовершеннолетний возраст потерпевшего (от рождения до 18 лет). Иными словами, поскольку характеристика верхней границы малолетства сомнительна применительно к категории беспомощности, а так же в силу возникновения противоречий с пониманием беспомощного состояния, содержащегося в примечании к ст. 131 Уголовного кодекса РФ, следует отказаться от отнесения потерпевших к категории беспомощных.

мощных по критерию не достижения определенного возраста. Разделяя квалифицирующие признаки «беспомощное состояние» и «не достижение совершеннолетия», уголовное законодательство могло бы содержать два самостоятельных основания для повышения степени общественной опасности убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, а именно:

а) «беспомощное состояние потерпевшего». В этом случае суд с учетом всех обстоятельств совершения преступления, а именно наличия реальной возможности потерпевшим оказать сопротивление смог бы оценить факт беспомощности, не относя автоматически возраст до 14 лет к такому состоянию. На этом основании могла быть дана объективная оценка повышенной опасности способа совершения преступления, учитываемая в качестве квалифицирующего признака;

б) «не достижение совершеннолетия». Введение данного квалифицирующего признака законодательно продемонстрировало бы позицию признака повышенной общественной опасности совершения тяжких насильственных преступлений в отношении жизни и здоровья детей (согласно ч. 1 ст. 54 Семейного кодекса РФ ребенком признается лицо, не достигшее возраста 18 лет (совершеннолетия)).

Такое законодательное решение могло бы положительно отразиться на создании системы уголовно-правовых норм, всесторонне охватывающих право несовершеннолетнего на жизнь и здоровье. Внесение предлагаемых изменений в уголовное законодательство могло бы стать еще одним шагом по направлению к усилению законотворческой деятельности в области защиты прав и интересов детей, а именно в вопросе противодействия совершению тяжких насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних.

Список использованных источников:

1. Черных, Е.В. Виктимологическая характеристика и предупреждение тяжкой насильственной преступности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Черных Екатерина Владимировна. – Иркутск, 2006. – 167 с.
2. Евсеев, А.В. Криминологическая характеристика и тенденции криминальной виктимизации в Российской Федерации / А.В. Евсеев, О.В. Радимушкина // Виктимология. – 2018. – № 1. – С. 13–24.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.

4. Пичугин, С.А. Некоторые проблемы терминологии, используемой в Уголовном кодексе Российской Федерации для определения возрастных категорий несовершеннолетних / С.А. Пичугин, А.С. Руденко // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 12. – С. 7–12.
5. Кауфман, М.А. Возрастные признаки потерпевшего: дискуссионные аспекты уголовно-правовой регламентации / М.А. Кауфман // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 19–26.
6. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс] : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 17 (ред. от 03.08.2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>
7. Плешаков, А.М. Обязанности полиции в отношении беспомощных лиц и уголовная ответственность за оставление в опасности / А.М. Плешаков, С.Е. Яковлева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 3. – С. 30–35.
8. Лунева, А.В. Проблемы законодательной регламентации ответственности за детоубийство / А.В. Лунева // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 66–70.

УДК 349.6

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

© М.В. Григорьева

Красноярский государственный аграрный университет

Атмосферный воздух является важнейшим компонентом окружающей среды и от его состояния напрямую зависит уровень качества жизни населения. В настоящее время сверхнормативное загрязнение атмосферы является практически повсеместным. Особенно сложной остается экологическая обстановка в промышленно развитых районах РФ и крупных населенных пунктах. Так, в Красноярском крае к числу наиболее загрязненных городов России относятся – Красноярск, Ачинск, Норильск.

В краевом центре – городе Красноярске, в 2016 году режим неблагоприятных метеоусловий («режим черного неба») объявлялся 6 раз продолжительностью 58 дней, в 2017 году – в течение 43 дней и уже неоднократно в течение 2018 года.

Согласно данным онлайн-карты загрязнений сайта AirVisual, г. Красноярск признан самым загрязненным городом мира. Сайт оценивает качество воздуха по балльной системе: от 0–50 – чистый, 51–100 – нормальный, 101–150 – средне загрязнен, 151–200 – загрязнен, 201–300 – очень загрязнен. Таким образом, воздух в городе оценивается в 194 балла, оставляя позади города Китая, Индии, Монголии и Бангладеш.

Такое положение вызывает острое недовольство населения, результатом которого явился многочисленный митинг «За чистое небо», который состоялся 18 марта 2017 года и собрал более двух тысяч человек. По его итогам была принята резолюция, содержание которой составляют требования к органам государственной власти края: перевод теплоэнергетики края на природный газ до 2022 года, усиление контроля за состоянием и наказанием за загрязнение атмосферного воздуха, сокращение квот на выбросы до 20% от существующего уровня, уменьшение запыленности на 50%, создание объективной системы мониторинга экологической ситуации, запрет на рубку зеленых насаждений и непродуманные градостроительные решения. Данная резолюция была разослана во все органы власти, а организаторы митинга пообещали проводить его регулярно. Одной из мер реагирования на реакцию общественности явилась разработка Министерством природных ресурсов и экологии Красноярского края проекта закона Красноярского края «Об охране атмосферного воздуха и внесении изменений в закон Красноярского края «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае» от 22.12.2016 [1].

Возможность разработки такого акта вытекает непосредственно из ст. 6 ФЗ РФ «Об охране атмосферного воздуха», в соответствии с которой к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области охраны атмосферного воздуха относится принятие законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством, а также осуществление контроля за их исполнением.

Подобного рода законы уже имеются в ряде субъектов РФ. Например, такие законы уже приняты в Брянской, Воронежской, Орловской, Кировской, Омской, Томской, Иркутской, Самарской, Нижегородской, Тамбовской областях, республиках Бурятия и Башкортостан, а в Приморском и Краснодарском краях разработаны соответствующие проекты региональных законов.

Законы субъектов РФ по охране окружающей среды не должны дублировать аналогичные федеральные законы и регулировать соответствующие общественные отношения в рамках предоставленных им полномочий, учитывая

региональные особенности. Таким образом, содержание такого законопроекта логически вытекает из объема полномочий субъекта федерации, определенных федеральным законодательством [2, с. 30]. Субъект РФ может разрабатывать и реализовывать региональные целевые программы охраны атмосферного воздуха; участвовать в организации и проведении государственного мониторинга; осуществлять мероприятия по защите населения при чрезвычайных ситуациях, представляющих угрозу для жизни и здоровья людей в результате загрязнения атмосферного воздуха; осуществлять в пределах своей компетенции координацию деятельности физических и юридических лиц в области охраны атмосферного воздуха; информировать население о состоянии атмосферного воздуха, его загрязнении и о выполнении программ улучшения качества атмосферного воздуха; принимать и реализовывать региональные программы в области охраны атмосферного воздуха, в том числе в целях уменьшения выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух, сокращения использования нефтепродуктов и других видов топлива, сжигание которых приводит к загрязнению атмосферного воздуха, и стимулирования производства и применения экологически безопасных видов топлива и других энергоносителей; организовывать и осуществлять государственный надзор в области охраны атмосферного воздуха на объектах хозяйственной и иной деятельности, подлежащих региональному государственному экологическому надзору; вводить ограничения на передвижение транспортных средств в населенных пунктах, местах отдыха и туризма, на особо охраняемых территориях в целях уменьшения выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух; устанавливать целевые показатели объема или массы выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух на территории субъекта Российской Федерации и сроков их снижения.

Содержание проекта закона Красноярского края «Об охране атмосферного воздуха» полностью вытекает из данных положений федерального закона и включает в себя общие положения, основные понятия, а также дифференциацию полномочий органов государственной власти Красноярского края в области охраны атмосферного воздуха.

В законопроекте содержатся экологические требования охраны атмосферного воздуха при проектировании, размещении, строительстве, реконструкции и эксплуатации объектов хозяйственной и иной деятельности, положения о государственных программах по охране атмосферного воздуха, требования к регулированию выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух от стационарных источников на территории Красноярского

края, к регулированию выбросов вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух при производстве и эксплуатации транспортных и иных передвижных средств, требования к регулированию загрязнения атмосферного воздуха на территории края, связанного с использованием и сжиганием нефтепродуктов и других видов топлива.

Особое место в проекте закона занимает правовое регулирование мероприятий по защите населения при изменении состояния атмосферного воздуха, угрожающего жизни и здоровью людей. В самом общем виде сформулированы меры стимулирования и государственной поддержки деятельности в сфере охраны атмосферного воздуха. Также проект закона содержит отсылочную норму об ответственности за нарушения в области охраны атмосферного воздуха, а также заключительные и переходные положения.

Однако потенциальная регулирующая роль данного законопроекта, на наш взгляд, не велика. Основные его положения либо декларативны и требуют дальнейшей детализации и развития, либо уже урегулированы в действующем федеральном законодательстве. В таком виде данный законопроект можно рассматривать только как политический инструмент, лишенный юридического смысла. К тому же в крае уже успешно действует закон Красноярского края от 20.09.2013 № 5-1597 (ред. от 21.04.2016) «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае», в котором предусмотрены правовые меры по охране окружающей среды, в том числе и атмосферного воздуха. По мнению профессора В.В. Петрова [3, с. 114] атмосферный воздух и есть окружающая человека естественная среда, поэтому реализация уже действующих положений краевого закона о планировании и финансировании деятельности в области охраны окружающей среды; об обязанностях природопользователей в области охраны окружающей среды при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности; о требованиях в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности; об эколого-хозяйственном зонировании; о краевых нормативах качества окружающей среды; о мерах экономического регулирования в области охраны окружающей среды; об организации краевого государственного экологического мониторинга окружающей среды; а также правом обеспечения информации о состоянии окружающей среды уже позволили бы изменить экологическую обстановку в крае и городе Красноярске к лучшему.

Список использованных источников:

1. Проект закона Красноярского края «Об охране атмосферного воздуха» [Электронный ресурс] // Министерство экологии и рационального природопользования. – URL: <http://www.mpr.krskstate.ru/oxrvozd>.
2. Никишин, В.В. Теоретические проблемы развития экологического законодательства субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / Никишин Владислав Васильевич. – Саранск, 2005. – 49 с.
3. Петров, В.В. Экологическое право России : учебник / В.В. Петров. – М.: Изд-во БЕК, 1997. – 557 с.

УДК 343.9

**КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ
ПРИ ПЕРЕХОДЕ С ПЛАТНОГО ОБУЧЕНИЯ НА БЕСПЛАТНОЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

© И.А. Дамм

Сибирский федеральный университет

Предупреждение коррупции стало одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [1], относит коррупцию к числу основных угроз государственной и общественной безопасности. Одним из перспективных направлений предупреждения выступает внедрение механизмов выявления, оценки и предупреждения коррупции в различных сферах.

Как сложное социально-правовое явление коррупция проникла и в сферу образования. Образование – один из фундаментальных социальных институтов, который обеспечивает передачу культурных ценностей от поколения к поколению. Опасность коррупции в данной сфере заключается в том, что процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом, сводится к сделке, в которой существенное значение имеет лишь получение представителем системы образования вознаграждения за использование своего должностного положения. В таких условиях образование напоминает отношения купли-продажи, при этом уровень приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок и практического опыта остается за рамками

коррупционной сделки. Очевидно, что развитие общества и государства при отсутствии грамотных, квалифицированных молодых специалистов имеет весьма туманные перспективы [2, с. 6]. В связи с чем выявление и предупреждение коррупционных рисков в рассматриваемой сфере приобретает особую актуальность. Различные аспекты коррупционных рисков в сфере образования уже становились предметом научного исследования в работах А.Ю. Александрова [3], И.Е. Гарбер [4], А.Н. Михайлова [5], Н.П. Советовой [6], И.В. Шишко [7] и др. Вместе с тем изучение коррупционных рисков в процедуре перехода с платного обучения на бесплатное в образовательной организации высшего образования до настоящего времени не осуществлялось.

На современном этапе развития научного знания понятие коррупционных рисков, методика их оценки, а также способы выявления и предупреждения находятся на стадии научно-методологической разработки. Различные авторы под коррупционными рисками предлагают понимать «возможность совершать коррупционные действия» (М.В. Абрамова) [8, с. 22], «вероятность возникновения коррупционного поведения» (В.В. Астанин) [9, с. 10], потенциальную возможность проявления коррупции при осуществлении чиновниками своих профессиональных функций, обусловленную наличием причин и условий, способствующих коррупционному поведению или коррупционным отношениям (П.А. Кабанов) [10, с. 471], «обстоятельства, факторы и явления <...>, создающие ситуацию возможного совершения коррупционного правонарушения» (О.В. Казаченкова) [11, с. 40], «условия для коррупционных проявлений» (А.В. Кудашкин) [12, с. 132], «обобщенную оценку вероятности возникновения коррупции и ее угрозы общественным отношениям» (Е.А. Помазюев) [13, с. 65], а также «вероятность (возможность) проявлений коррупции и наступления неблагоприятных последствий, вызываемых ими» (А.М. Цирин, Ю.В. Трунцевский и В.В. Севальнев) [14, с. 15]. Обобщив дефиниции коррупционных рисков, предложенные в научной литературе, И.М. Мацкевич, Е.А. Антонян и И.И. Аминов пришли к выводу, что «все они рассматриваются как риски проявления коррупционных явлений и/или возникновения коррупционных ситуаций и сводятся к наличию условий и обстоятельств, способствующих вступлению в коррупционные отношения» [5, с. 7].

В действующем федеральном законодательстве рассматриваемая дефиниция не раскрыта, однако, она достаточно часто используется на уровне подзаконных нормативных правовых актов и методических рекомендаций. Так, в Методических рекомендациях по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-

надзорные функции [16] определена следующая «понятийная система координат». Под коррупционными рисками предложено понимать «вероятность (возможность) проявлений коррупции и наступления неблагоприятных последствий, вызванных ими» (п. 4). Под коррупциогенными факторами рекомендовано понимать «условия, явление или совокупность явлений, объективные и субъективные предпосылки, порождающие коррупционные правонарушения или способствующие их распространению, а также положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» (п. 4). В свою очередь, оценка коррупционных рисков заключается в «выявлении условий и обстоятельств (действий, событий), возникающих в ходе конкретного управленческого процесса, позволяющих злоупотреблять должностными обязанностями в целях получения как для должностных лиц, так и для третьих лиц выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав вопреки законным интересам общества и государства».

Широкое распространение и легальные определения «коррупционный риск» получил в региональных и муниципальных нормативных правовых актах. Проведенное П.А. Кабановым исследование 276 региональных и муниципальных нормативных правовых актов свидетельствует о сложившейся юридико-лингвистической неопределенности рассматриваемого понятия [10, с. 466-470].

Изучение основных подходов к пониманию названной категории позволяет сделать вывод о том, что диаметрально противоположные позиции в определении ее содержания отсутствуют. Учитывая, что цель настоящей работы не связана с исследованием правовой природы категории «коррупционный риск», отметим, что заслуживающей внимания представляет позиция, определяющая коррупционный риск через вероятность возникновения коррупционного поведения. Следует отметить, что в зависимости от степени общественной опасности коррупционное поведение может иметь признаки девиантного, деликтного или преступного. При этом коррупционное поведение характерно для физических лиц, в свою очередь признаки коррупции могут наблюдаться и в деятельности органов власти и организаций.

Выявление и предупреждение коррупционных рисков в поведении работников образовательных организаций, а также в деятельности образовательных организаций является важной задачей, решение которой еще предстоит найти научно-практическому сообществу.

Коррупционные риски в процедуре перехода с платного обучения на бесплатное целесообразно рассмотреть применительно к ее этапам. Представляется возможным выделить следующие основные этапы: прием и подача документов, подготовка заседания комиссии, заседание комиссии, объявление результатов.

Следует отметить, что объективными детерминантами возникновения коррупционных рисков в рассматриваемой процедуре могут выступать коррупционные факторы, содержащиеся в соответствующих локальных нормативных актах образовательной организации. Например, в локальных нормативных актах могут отсутствовать или быть неопределенными сроки подачи документов, недостаточно четко регламентирована процедура подачи документов и пр. При этом наличие правового пробела или неоднозначность формулировки положения еще не означает, что при исполнении соответствующей нормы работник образовательной организации непременно злоупотребит своими должностными полномочиями. Вполне вероятно, что уполномоченное лицо, при наличии профессиональных компетенций в сочетании с высоким уровнем правовой и антикоррупционной культуры, не допустит нарушения прав обучающихся (даже при получении предложения коррупционного характера) и в процессе реализации права восполнит существующий правовой пробел (недостаток).

На первом этапе приема и подачи документов коррупционное поведение может выразиться в умышленном сокрытии уполномоченными работниками образовательной организации информации о начале приема документов, о перечне документов, о сроках, о способах и о месте подачи документов. В свою очередь при подаче документов коррупционные риски характерны для поведения обучающихся (их законных представителей). Повышенная коррупциогенность рассматриваемого сегмента отношений обусловлена стремлением обучающихся (их законных представителей) снизить свою финансовую нагрузку, выражающуюся в необходимости оплачивать, как правило, дорогостоящее обучение. Кроме того, переход с платного обучения на бесплатное при надлежащей успеваемости обучающегося позволяет реализовать право на получение стипендии. Таким образом, заинтересованность обучающихся (их законных представителей) в положительном решении вопроса о переводе

сомнений не вызывает. Желание обеспечить решение такого вопроса противоправным путем может стать отправной точкой, источником мотивации в механизме коррупционного поведения, обусловить возникновение и реализацию коррупционного риска в поведении обучающихся (их законных представителей).

На втором этапе риск возникновения коррупционного поведения возможен при подготовке уполномоченными работниками образовательной организации информации для членов комиссии о наличии достаточных оснований для перехода и индивидуальных достижениях претендентов. Соккрытие уполномоченным лицом в интересах определённого обучающегося индивидуальных достижений других претендентов или иных значимых оснований может существенно повлиять на волеизъявление членов комиссии при голосовании, исказить результаты голосования.

На третьем этапе заседания комиссии возможна коррупциогенная ангажированность членов комиссии, когда из корыстной или иной личной заинтересованности член комиссии будет обосновывать право конкретного обучающегося на переход с платного обучения на бесплатное. Кроме того, на данном этапе не исключен подкуп членов комиссии, а также фальсификация итогов голосования.

На четвертом этапе объявления результатов возможно умышленное сокрытие информации о результатах конкурса, в целях создания препятствий заинтересованным лицам в защите нарушенных прав.

Коррупционные злоупотребления в процедуре перехода с платного обучения на бесплатное, совершенные уполномоченными работниками образовательной организации из корыстной или иной личной заинтересованности, грубо нарушают гарантированное Конституцией РФ право каждого на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии (п. 3 ст. 43). По своей сути, переход с платного обучения на бесплатное и есть конкурс на получение «бюджетного места» в образовательной организации высшего образования. Полагаем, что умышленное сокрытие или искажение работником образовательной организации информации о правилах и процедуре перехода с платного обучения на бесплатное, сроках подачи документов, а также нарушение процедуры проведения конкурсного отбора влечет существенное нарушение прав обучающихся, принимающих участие в конкурсе (или желающих принять участие, но не сделавших этого ввиду злоупотреблений со стороны уполномоченных работников образовательной организации), интересов образовательной организации, общества и государства.

В свою очередь деяния, выражающиеся в умышленном сокрытии уполномоченным работником образовательной организации информации о количестве вакантных бюджетных мест, о сроках подачи обучающимися заявлениями на переход с платного обучения на бесплатное, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, в целях оказания содействия заинтересованным лицам за вознаграждение, могут образовывать признаки составов коррупционных преступлений. Коррупционные злоупотребления в процедуре перехода с платного обучения на бюджет могут проявляться как в форме коррупционных преступлений, так и дисциплинарных проступков, а также этических девиаций.

Представляется, что одним из ключевых способов предупреждения коррупционных рисков при переходе с платного обучения на бесплатное является обеспечение открытости и прозрачности этой процедуры.

Отсутствие в свободном доступе на официальном сайте образовательной организации локального нормативного акта, регламентирующего процедуру перехода с платного обучения на бюджет, наличие в таком акте коррупциогенных факторов, отсутствие в свободном доступе информации о сроках и порядке подачи документов создает возможности для заинтересованных лиц успешно реализовать коррупционный замысел. Коррупционные риски в процедуре перехода с платного обучения на бесплатное возникают, прежде всего, при отсутствии необходимого объема информации, достаточного для реализации обучающимся своего права.

Использование коррупционных способов достижения желаемого результата в процедуре перехода с платного обучения на бесплатное грубо нарушает право обучающихся на равный доступ к бесплатному образованию.

Следует подчеркнуть, что обеспечение равного доступа и полного объема предоставляемой претендентам информации об условиях перехода, о порядке и сроках подачи заявлений, процедуре принятия решения и его обжалования обеспечивает реализацию гарантий, закрепленных в Конституции РФ, а также отраслевом законодательстве. Так, гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения и пр. закреплены в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. В свою очередь, к числу основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» относит обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования (п. 2 ч. 1 ст. 3).

Негативные последствия реализации коррупционных рисков при переходе с платного обучения на бесплатное не вызывают сомнений. Противоправное использование недобросовестными участниками образовательных отношений финансовых ресурсов, а также личных связей для обеспечения необоснованного получения обучающимся бюджетного места нарушает принципы законности и социальной справедливости. Успешное совершение указанными лицами одного безнаказанного коррупционного деяния по принципу самодетерминации с большой долей вероятности повлечет совершение и другого коррупционного деяния. Кроме того, у обучающегося, перешедшего коррупционным путем с платного обучения на бесплатное, формируется привыкание к коррупционным моделям поведения, а также повышенная готовность к использованию коррупционных механизмов в будущей социальной и профессиональной деятельности. Не менее значимым негативным последствием выступают и необратимые репутационные потери образовательной организации, в которой успешно реализуются коррупционные схемы.

Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости интенсификации научных исследований содержания коррупционных рисков в сфере образования, их типов, форм и видов, поскольку своевременное выявление отношений, подверженных рискам возникновения коррупции, позволит сформировать обоснованную систему мер антикоррупционного предупредительного воздействия.

Список использованных источников:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 // СЗ РФ. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – Ст. 212.
2. Дамм, И.А. Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды / И.А. Дамм // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – № 4. – С. 5–17.
3. Александров, А.Ю. Проблемы минимизации коррупционных рисков в образовательных организациях высшего образования / А.Ю. Александров // Факторы и условия искоренения коррупции и других негативных явлений в образовании: психолого-педагогический аспект (на примере Краснодарского края) : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Т.С. Анисимовой, Т.В. Сунайкиной, У.А. Чернышевой. – Славянск-на-Кубани, 2016. – С. 11–15.

4. Гарбер, И.Е. Коррупционные риски в современном образовании / И.Е. Гарбер // Образование в современном мире : сборник научных статей / Под ред. Ю.Г. Голуба. – Саратов, 2014. – С. 45–52.
5. Михайлов, А.Н. Внутренние и внешние факторы коррупционного риска в образовании / А.Н. Михайлов // Факторы и условия искоренения коррупции и других негативных явлений в образовании: психолого-педагогический аспект (на примере Краснодарского края) : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Т.С. Анисимовой, Т.В. Суняйкиной, У.А. Чернышевой. – Славянск-на-Кубани, 2016. – С. 46–50.
6. Советова, Н.П. Коррупционные риски в образовательном процессе / Н.П. Советова // Современные научные исследования и разработки. – 2016. – № 6. – С. 465–468.
7. Дамм, И.А. Предупреждение коррупционных рисков при проведении государственной итоговой аттестации в школе и вузе: правовой аспект / И.А. Дамм, И.В. Шишко // Юридические исследования. – 2018. – № 12. – С. 11–29.
8. Абрамова, М.В. Применение кадровых технологий в целях предупреждения коррупционных рисков / М.В. Абрамова // Российский следователь. – 2013. – № 5. – С. 21–25.
9. Астанин, В.В. Антикоррупционная политика: криминологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 37 с.
10. Кабанов, П.А. Коррупционный риск как правовая категория, используемая в региональных и муниципальных нормативных правовых актах / П.А. Кабанов // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 462–471.
11. Казаченкова, О.В. Конфликтный потенциал государственной службы как фактор возникновения коррупционных рисков / О.В. Казаченкова // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 94–101.
12. Кудашкин, А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : науч.-практ. пособие / А.В. Кудашкин. – М.: Норма, 2012. – 368 с.
13. Помазуев, А.Е. Коррупционные риски: понятие и значение для механизма противодействия коррупции / А.Е. Помазуев // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2016. – № 2. – С. 62–69.
14. Цирин, А.М. Оценка коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти : метод. пособие / А.М. Цирин, Ю.В. Трунцевский, В.В. Севальнев. – М.: Проспект, 2018. – 112 с.
15. Мацкевич, И.М. Механизмы противодействия коррупционным рискам в учреждениях, исполняющих наказания : монография / И.М. Мацкевич, Е.А. Антонян, И.И. Аминов. – М.: Научный консультант, 2017. – 178 с.

16. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции: утв. протоколом заседания проектного комитета от 13.07.2017 г. № 47/7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.6

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И СТАТЬЮ 151 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА ПОБУЖДЕНИЕ
ДЕТЕЙ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ» ОТ 07.06.2017 № 120-ФЗ**

© Т.В. Долголенко, С.В. Староватова
Сибирский федеральный университет

Значительной вехой в истории законодательства России явилось усиление уголовной ответственности за сохранность жизни человека. Благодаря Федеральным законам от 07.06.2017 № 120-ФЗ [1, с. 2–3] и от 29.07.2017 № 248-ФЗ [2, с. 2] в статье 110 УК РФ, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, появились квалифицирующие обстоятельства, которые серьезно повышают общественную опасность простого состава данного преступления. Кроме того, по прошествии 91 года, вновь в уголовном законодательстве появилась ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства. Чтобы оценить полноту охвата проблемы предупреждения деяний, приводящих к совершению самоубийства другим человеком в законодательстве, следует обратиться к отечественной истории уголовной ответственности, которая связана с менталитетом данного народа. Обращение к истории законодательства России свидетельствует о том, что первый запрет о помощи в самоубийстве был закреплен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 году. В статье 1946 предусматривалась ответственность за склонение другого человека к самоубийству, или же доставление средств к тому, или иным каким-либо образом участие в совершении им. В статье 1947 предусматривалась ответственность специального субъекта данного преступления: родителей, опекунов и других облеченных властью лиц [3, с. 761–762]. В статьях 462 и 463 Уголовного Уложения 1903 года продолжала существовать ответственность за склонение

к самоубийству другого человека, а также за оказание ему содействия в самоубийстве [4, с. 92]. В УК РСФСР 1922 года в статье 148 существовала ответственность лишь за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали. В соответствии с ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 года вопрос о привлечении к уголовной ответственности за доведение до самоубийства путем жестокого обращения с потерпевшим или иным подобным путем при наличии самоубийства или покушения на него ставился лишь тогда, когда потерпевший (потерпевшая) находился в материальной или иной зависимости от виновного. В ч. 2 ст. 141 предусматривалась ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками [5, с. 45].

По УК РСФСР 1960 года (ст. 107) уголовная ответственность за доведение до самоубийства предусматривалась также, как и в ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 года. Однако была дана более точная характеристика способов: жестокое обращение с потерпевшим или систематическое унижение его личного достоинства. Пиотковский А.А., Анианц М.К. подвергали критике такую позицию законодателя РСФСР. Более правильной считая позиции тех УК союзных республик (например, УК Белорусской, Армянской ССР), в которых допускаются более широкие пределы ответственности за доведение до самоубийства. Указывая на то, что при этом не исключается возможность привлечения к ответственности за доведения до самоубийства преступными и аморальными действиями тех лиц, от которых потерпевший не находился в материальной или иной зависимости [6, с. 77]. В ст. 110 УК РФ 1996 года в соответствии с его последней редакцией предусмотрен простой состав доведения до самоубийства и квалифицированный, в котором предусмотрен специальный потерпевший: несовершеннолетний; лицо, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; женщина, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в отношении двух или более лиц. Квалифицированным составом является также доведение до самоубийства, совершенное в соучастии (группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) и использования таких средств, как публичное выступление, публично демонстрирующееся произведение, средства массовой информации или информационно – телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»).

В статье 110.1 УК РФ, действующей в настоящее время, предусмотрены два состава преступления. Законодатель различает понятие склонения к самоубийству, исключив при этом возможность квалификации за доведения до самоубийства, (о чем прямо сказано в ч. 1 ст. 110.1 УК РФ), и понятие содействия совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ). Различается и наказание в этих частях статьи. Склонение к совершению самоубийства наказуемо менее строго (до двух лет лишения свободы) чем содействие совершению самоубийству (до трех лет лишения свободы). Квалифицирующие обстоятельства в ч. 3, 4, 5, 6 ст. 110.1 УК РФ относятся как к склонению, так и к содействию совершению самоубийства. Таковыми признается склонение или содействие совершению самоубийства:

а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в) в отношении двух или более лиц; г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Особо квалифицирующими обстоятельствами склонения или содействия совершению самоубийства признается наступление последствий в виде покушения на самоубийство или самоубийство потерпевшего (потерпевшей). Такое преступление наказуемо от пяти до десяти лет лишения свободы. Самоубийство или покушение на самоубийство при склонении или подстрекательстве при наличии одного из квалифицирующих обстоятельств, относящихся к личности потерпевшего наказуемо еще строже – на срок от шести до двенадцати лет лишения свободы. Самоубийство двух или более лиц находящееся в причинной связи со склонением или пособничеством к его совершению независимо от наличия иных квалифицирующих обстоятельств образуют состав преступления, предусмотренный ч. 6 ст. 110.1 УК РФ. Наказание в виде лишения свободы от восьми до пятнадцати лет в этой части ст. 110.1 УК РФ является единственным его видом в отличии от других частей этой статьи, где лишение свободы является альтернативным и самым строгим видом наказания.

Сравнительный анализ санкций составов преступлений доведения до самоубийства ч. 1 ст. 110 УК РФ (от двух до шести лет лишения свободы) и склонения к самоубийству или содействия самоубийству при наличии одинаковых

последствий в виде покушения на самоубийство или самоубийства потерпевшего ч. 4 ст. 110.1 УК РФ (от пяти до десяти лет лишения свободы) позволяет сделать вывод о том, что общественная опасность первого преступления ниже второго и третьего. При том, что объективная сторона доведения до самоубийства или покушения на него совершается путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Такое положение представляется малооправданным именно в силу того, что склонению и содействию совершения самоубийства человек может противостоять в большей степени, чем жестокости в обращении с ним. Законодатель поступил намного логичнее при оценке общественной опасности этих же преступлений при наличии квалифицирующих обстоятельств. Так, предусмотрено более строгое наказание за доведение до самоубийства в ч. 2 ст. 110 УК РФ – лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а за склонение или содействие совершению самоубийства при наличии этих же последствий в ч. 5 ст. 110.1 УК РФ – лишение свободы на срок от шести до двенадцати лет. На наш взгляд, упущением законодателя при конструировании данной нормы явилось отсутствие указания на специальный субъект преступления, каким является лицо, на которое законом возлагается ответственность за обеспечение нормального психического и физического состояния лица, как это было предусмотрено в дореволюционном законодательстве.

Новеллой для российского законодательства явилось введение уголовной ответственности за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). Простой состав данного преступления характеризуется организацией деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства. Квалифицирующим обстоятельством признается то же деяние, сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). В примечании к этой статье содержится поощрительная норма, предписывающая освобождение от уголовной ответственности при наличии деятельного раскаяния. Условиями ее применения является не только то, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекращает соответствующую преступную деятельность, но и то, что оно активно способствует раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных статьями 110, 110.1 УК РФ.

Установив уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, законодатель усилил уголовно-правовую охрану жизни несовершеннолетних, их нормальное физическое и нравственное развитие. Однако факт размещения данного состава преступления в главе 20 УК РФ (преступления против семьи и несовершеннолетних) представляется спорным. Если данная норма направлена в первую очередь на охрану жизни несовершеннолетних, ее местом нахождения должна быть глава преступлений против жизни и здоровья в УК РФ.

Мы не можем согласиться с теми авторами, по мнению которых проблема суицида является только лишь нравственной, но не правовой [7, с. 160]. Безусловно, эта проблема является в первую очередь духовно-нравственной, но и правовой, поскольку термин самоубийства используется в качестве признака преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1, 110.2, 151.2 УК РФ. По-прежнему, остаются спорные вопросы, связанные с разграничением убийства и самоубийства. Такой вопрос возникает при соотношении названных составов преступлений при наличии квалифицирующего обстоятельства в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии.

Обратимся к классическому определению самоубийства: «самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах. Покушение на самоубийство – это вполне однородное действие, но только не доведенное до конца» [7, с. 7]. В дальнейшем, раскрывая содержание этого понятия, автор поясняет, что в момент совершения этого поступка, прерывающего течение его жизни, жертва ясно осознает, что естественным образом должно из этого поступка последовать. При наличии капли сомнения этот поступок уже не будет самоубийством [8, с. 7]. При таком понимании самоубийства, а другого быть не может, несмотря на то что это определение было дано более ста лет назад, суть человека не поменялась. Представляется важным моральным долгом законодателя, который может позволить себе устанавливать границы понятий уголовно-правовой охраны жизни и смерти не переходить эту черту в разграничении понятий самоубийства и убийства. Расширение понятия самоубийства пользы для общества не принесет, а вред принести может. Последовательность законодателя могла бы проявиться в установлении возрастных границ потерпевшего и его психи-

ческого состояния при наличии указанного квалифицирующего обстоятельства, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 110, ч. 5 ст. 110.1 УК РФ. Такой возрастной границей является достижение четырнадцатилетнего возраста – возраста уголовной ответственности за убийство [9, с. 72]. Если лицо не достигло этого возраста, предполагается, что оно не может осознавать значимости не только жизни другого человека, но и своей жизни. Следовательно, оно не может быть признано потерпевшим при совершении этих преступлений, также как и лицо, признанное невменяемым. В подобных случаях усматриваются признаки убийства. Дополнительным аргументом в пользу принятия такого решения может служить примечание, введенное Федеральным законом от 29 февраля 2012 [10, с. 5–6], в котором впервые дается понятие лица в силу возраста, находящегося в беспомощном состоянии, которое не может понимать характера и значения, совершаемых с ним действий. Лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста при совершении с ним развратных действий или полового сношения, а равно иных действий сексуального характера признается находящимся в беспомощном состоянии. Это позволяет признать действия виновного более опасным деянием и квалифицировать как изнасилование или насильственные действия сексуального характера.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению [Электронный ресурс] : федер. закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29.07.2017 г. № 248-ФЗ // СПС «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru/>.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1845. – 922 с.
4. Уголовное уложение 1903 года. – СПб.: Сенатская типография, 1903. – 144 с.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс] : принят II сессией ВЦИК 22.11.1926 г. // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». – URL: <http://www.law.edu.ru>.

6. Курс советского уголовного права : в 6 томах. – М.: Наука, 1971. – Т. 5. – 571 с.
7. Коробеев, А.И. Преступное посягательство на жизнь и здоровье человека : монография / А.И. Коробеев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 320 с.
8. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
9. Долголенко, Т.В. Преступления против жизни и здоровья : учебное пособие / Т.В. Долголенко. – М.: Проспект, 2016. – 128 с.
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] : федер. закон от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>.

УДК 340.1

К КРИТИКЕ УЧЕНИЯ Э.А. ХОБЕЛЯ О ЧАСТНОМ ПРАВЕ В ПРИМИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

© С.А. Дробышевский

Сибирский федеральный университет

Информационное общество включает научную деятельность. Поэтому совершенствование информационного общества немислимо без совершенствования имеющихся здесь наук, в том числе антропологии права.

До сих пор имеющиеся достижения в зарубежной и отечественной юридической антропологии [см., напр.: 7; 8; 9] отчасти не применяются в общетеоретическом и отраслевом правоведении по очевидной причине. По сравнению с большинством юристов некоторые видные представители юридической антропологии определили в качестве права более широкую социальную реальность [1, р. 300; 10, р. 54, 59; 11, р. 112; 14, р. XIV]. В этой ситуации большинство юристов нередко склонно игнорировать то, что антропологи понимают под юридическими нормами в первобытном обществе.

Поэтому для прогресса в применении достижений юридической антропологии в традиционном правоведении полезно точно установить, какая часть содержания социальной реальности, именуемой правом антропологами, охватывается правом согласно взглядам большинства юристов и какая – нет.

Именно указанным образом возможно помочь большинству юристов «увидеть» право в первобытном обществе. Решение же задачи отмеченной дифференциации на две части реальности, рассматриваемой в качестве права антропологами, немислимо без критического анализа понимания права ведущими специалистами в области юридической антропологии.

Видный представитель этой науки – американец Э.А. Хобель. Он определяет право как часть норм в обществе, которые реализуются посредством физического принуждения или его угрозы [4, с. 20; 1, р. 26, 29, 300; 13, р. 440]. Его определение права значительно отличается от обычного определения в юриспруденции как науке. Так, что касается этого обычного определения права, то право рассматривается как система социальных норм, которая формулируется и реализуется с необходимым участием особых органов в обществе. Эти органы являются органами, которые управляют обществом как целым [4, с. 19–36]. Но Э.А. Хобель утверждает, что часть права в примитивном, то есть первобытном, обществе существует без такого участия. То, что он имеет в виду, – это так называемое «частное право» в примитивном обществе [1, р. 27–28, 50; 13, р. 415].

Например, Э.А. Хобель находит это частное право в следующей ситуации. С совокупность всех членов этнической общности ифугао, которые вели первобытную жизнь в северной части филиппинского острова Лусон, им бесосновательно понимается как примитивное общество [1, р. 102, 125], хотя Э.А. Хобель и признает, что указанных людей не объединяют узы общего управления [1, р. 101]. Из изложения Э.А. Хобеля ясно, что действительными обществами в среде этих ифугао являются независимые друг от друга объединения родственников [1, р. 101, 104]. Общество в понимании Э.А. Хобеля никак не вмешивается в общение между указанными объединениями родственников. Нормы этого общения, при нарушении которых применяется физическое принуждение, Э.А. Хобель именует «частным правом» [1, р. 100] применительно к превратно понимаемому им обществу ифугао.

По мнению Э.А. Хобеля, частное право действует и в локальной группе живших в прериях Северной Америки первобытных охотников-собирателей команчей, которая, как видно из повествования Э.А. Хобеля, выступает у них обществом [1, р. 129]. В этой локальной группе, пишет Э.А. Хобель, «право команчей не было ни произведенным посредством деятельности по формулированию правовых нормативных актов, ни созданным судьями» [1, р. 133], а являлось «почти исключительно системой частного права: системой индивидуальной ответственности и индивидуального действия; правом, которое было создано делами» [1, р. 133]. Конкретизируя эту свою мысль, Э.А. Хобель

заметил, что в локальной группе команчей «культура предусматривала правомерные способы процедуры и определяла содержание противоправных актов. Но первенство родственной группы выдвигалось вперед всякий раз, когда обвинитель, против которого обвиняемый совершил правонарушение, думал, что он исчерпал имеющиеся возможности переговоров с обвиняемым [о возмещении вреда – С.Д.] и обращался к силе. Родственники обвиняемого, которого обвинитель убил, не принимали это убийство в качестве должного наказания за правонарушение, хотя общественное мнение и принимало. Родственники убитого убивали обвинителя. В результате при применении [частного – С.Д.] права обвинитель терял свою жизнь» [1, р. 139].

Так как Э.А. Хобель преследует цель дать универсальное определение права во всех обществах, его задача может быть выполнена успешно, только если он выделит в качестве права реальность, свойственную всякому обществу – как первобытному, так и цивилизованному. Отсюда вытекает, что частное право в примитивном обществе в понимании Э.А. Хобеля не должно включаться в его определение права, поскольку это определение претендует быть универсальным для всех обществ. Ведь он признает, что реальность, составляющая частное право, перестает существовать по мере того, как общество становится цивилизованным [1, р. 50, 327, 329].

Нужно заметить, что это признание является обоснованным. По крайней мере, так обстоят дела, если верен тезис, согласно которому право в условиях цивилизации присутствует в формальных источниках права, созданных деятельностью органов управления обществом как целым.

Имеются многочисленные правовые нормы в примитивных обществах, которые охватываются упомянутым обычным определением права в юриспруденции. Значительная часть этих правил была описана Э.А. Хобелем в его работах [1, р. 156–159, 302–309, 319–320; 5, р. 127]. Поэтому Э.А. Хобель заслуживает благодарности за его большой вклад в антропологию права, несмотря на только что сделанное критическое замечание.

В частности, Э.А. Хобель немало написал о том, что он назвал линчеванием в примитивном обществе. Так, по его словам, «мы... обнаружили в наших исследованиях первобытных обществ, что в ограниченном количестве ситуаций власть прямо осуществляется обществом в его собственных интересах. Она принимает форму линчевания в некоторых отдельных случаях, где ясные процедуры не были установлены заранее, как например в реакции команчей на чрезмерное колдовство и в реакции шошонов на каннибализм. Однако линчевание среди первобытных людей не является отказом от установленного формального права или обходом последнего, как у нас. Линчевание есть

первый судорожный шаг к появлению уголовного права в ситуации, в которой осуществление правовой власти еще не было облагорожено и назначено для реализации конкретным людям. Линчевание есть резкое грубое орудие, направляемое коллективной властью производящего насилие общества.

Все же линчевание является редким» [1, р. 276–277] в первобытных обществах. «Даже самые простые из них имеют вылившиеся в определенную форму стандарты относительно того, что составляет преступное поведение, и осуществление публичной власти поручается официальным должностным лицам – вождю, совету вождей и совету старейшин» [1, р. 277].

Что касается конкретных примеров линчевания, то у команчей, «повторное колдовство... стало угрозой всем людям – угрозой нетерпимой. Тот факт, что колдун, как считали, убил некоторое количество людей, был свидетельством, что он “выходил сухим из воды” после убийства, свидетельством, что никто не осмеливался противостоять ему. В нужде убрать эту угрозу их общей безопасности члены локальной группы втягивались вместе в единственное общинное действие, которое команчи предпринимали против любого рода обидчика. Они линчевали его. Или вместе они обманом втягивали его в нарушение его запретов-табу, так что он умирал от результатов» [1, р. 141–142] такого поведения. «В каждом из этих отдельных случаев его судьба обсуждалась и предопределялась на собрании всех мужчин локальной группы. Чрезмерное колдовство, таким образом, стало единственным преступлением в команчской правовой системе» [1, р. 142].

Прибегали к линчеванию и первобытные земледельцы и охотники карибы бассейна реки Барама в Южной Америке. У них общество или «политическое целое есть локальная группа, образованная из поселения, включающего от 15 до 50 человек, далеко отделенная пространством от других поселений. Каждая локальная группа имеет своего вождя, избранного за “его силу”» [1, р. 298; 6, р. 331–344].

Здесь «время от времени член» локальной «группы приобретает репутацию среди его товарищей как нежелательная фигура. Он может неоднократно воровать с полей других, он может приставать к женщинам, быть ленивым, выказывать себя нещедрым, постоянно выискивать поводы для ссор или делать себя неприятным в иных отношениях. Люди поселения будут разговаривать с ним, но если он ничего не делает для улучшения его положения в их глазах, то ему посоветуют покинуть поселение под страхом того, что его жизнь сделают очень неприятной для него.

Если он вопреки этому совету останется в поселении, то он обнаружит, что он и его семья являются социальными париями: они не приглашаются на

вечеринки, где употребляют спиртное; он окажется неспособным ничего взять в долг; он не получит никакой помощи в охоте, рыбной ловле, уборке урожая, строительстве каное или в иных делах, в которых люди помогают друг другу; также его жена не получит помощи в ее занятиях; его семье не позволят пользоваться источником воды и местом для купания. Короче, он потеряет все выгоды групповой жизни. В отягченных случаях другие люди могут бить и даже убить его... Однако остракизм в пределах группы и насилие необходимы редко. Такой человек с остатками здравого смысла покидает поселение, пока он может это делать удобно» [6, р. 343] для него.

Как заметил приведший эту цитату Э.А. Хобель, «отсюда может быть видно, что никакое одно нарушение не составляет преступления. Однако чрезмерное злодеяние составляет. За высказанным предупреждением следует отказ от всего социального взаимодействия... И если это не срабатывает, то преступник может быть избит или убит (линчеван) людьми анализируемого общества» [1, р. 300] в итоге их коллективного действия.

Возможно доказать, что во всех случаях первобытного линчевания оно, по сути, подпадает под понятие правового регулирования, в котором используется обычная для большинства юристов трактовка права. Речь идет о понимании права как существующей в рамках всякого политически организованного общества совокупности «общеобязательных социальных норм. Они отличаются от других социальных норм тем, что их формулирование и реализация обеспечиваются усилиями органов управления» [4, с. 8] всем политически организованным обществом.

Аргументация проста. При таком линчевании против конкретного лица действует все общество, включая органы управления обществом как целостностью. Правда, вмешательство органов управления целым обществом имеет место в условиях разрешения дела по поводу совокупности конкретных поступков, которые ранее эти органы не запретили. Уже отмечено, что речь идет о «случаях, где ясные процедуры не были установлены заранее».

По существу, при рассматриваемом Э.А. Хобелем линчевании в первобытном обществе в ходе реакции органов управления обществом как целым на конкретную совокупность действий человека имеет место формулирование этими органами нормы права. В ходе этой же реакции указанной норме придается обратная сила, в силу чего данное правило и применяется при линчевании.

Как известно, выделенные формулирование и применение юридического правила есть стандартная ситуация для правового регулирования, где используется приведенное обычное для большинства юристов определение

права. Так, полагал Л.Л. Фуллер, эти процессы происходят при создании и проведении в жизнь прецедентной правовой нормы [3, с. 620–622; 12, р. 56–57].

Что касается дополнительных критических аргументов относительно учения Э.А. Хобеля о частном праве в примитивном обществе, то необходимо обратить внимание на его представление о тенденции развития права. По мнению Э.А. Хобеля, эта тенденция включает закономерность трансформации права от отмеченного частного права к публичному праву [1, р. 323–327, 329]. При этом публичное право в понимании Э.А. Хобеля подпадает под обычное определение права в юриспруденции как норм, которые функционируют с обязательным участием органов управления обществом как целым [1, р. 50; 4, с. 111; 13, р. 440, 451].

Правда, в цивилизованном обществе существует частное право, определение которого отлично от определения Э.А. Хобелем частного права в примитивном обществе. Частное право в цивилизованном обществе охватывается определением права, обычным для юриспруденции [2, р. 136–137, 145]. И, между прочим, согласно приведенным Э.А. Хобелем сведениям о дописьменном, то есть в понимании Э.А. Хобеля первобытном [1, р. 5, 211], обществе ашанти в Западной Африке указанное обычное для юриспруденции частное право здесь присутствует [1, р. 231].

В соответствии с позицией И.А. Хобеля частное право, как он определяет его в примитивном обществе, господствует в слабо развитых примитивных обществах. Но это право постепенно заменяется публичным правом в ходе социального развития [13, р. 451]. Поэтому публичное право господствует в цивилизованном обществе.

Так как идея Э.А. Хобеля о частном праве в примитивном обществе является некорректной, выделенная им указанная закономерность в рамках тенденции развития права не соответствует реальности. Отсюда встает задача сформулировать теоретическое представление о закономерности трансформации права, соответствующей действительности.

Для решения такой задачи полезно взять идею негативного и позитивного правового регулирования из теории права, созданной Г. Кельзеном [3, с. 659–661; 2, р. 42–43]. Этот ученый определяет позитивное правовое регулирование как формулирование и применение юридических прав и обязанностей для поведения, которое регулируется. Такая работа осуществляется органами управления обществом как целым. Позитивное правовое регулирование охватывает часть человеческого поведения в обществе. Негативное правовое регулирование охватывает остальное человеческое поведение в обществе. Негативное правовое регулирование означает, что все человеческое поведение в

обществе, не охватываемое позитивным правовым регулированием, соответствует праву. Поэтому негативное правовое регулирование проявляется в свободе, данной членам общества, вести себя так, как они желают, в сфере человеческого поведения, охватываемой таким упорядочением.

На языке этой теории Г. Кельзена закономерностью трансформации права выступает постепенное увеличение в обществе доли позитивного правового регулирования во всем объеме правового регулирования по мере того, как общество развивается от первобытных форм к цивилизованным. Например, в примитивном обществе американских индейцев шейеннов, посвящавших преобладающую часть своего рабочего времени охоте на бизонов в прериях Северной Америки, убийство, совершенное впервые, наказывается правом [1, р. 157–159]. Это общество является более развитым по сравнению с первобытным обществом охотников-собирателей эскимосов, в котором убийство, совершенное впервые, находится за пределами позитивного правового регулирования [1, р. 88].

Список использованных источников:

1. Hoebel, E.A. (1954) *The Law of Primitive Man. A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. – 333 p.
2. Kelsen, H. (1970) *The Pure Theory of Law / translation from second German ed. by M. Knight*. Berkeley; Los Angeles.
3. Дробышевский, С.А. *История политических и правовых учений: основные классические идеи : учебное пособие / С.А. Дробышевский*. – 3-е изд., доп. – М.: Норма, 2018. – 688 с.
4. Дробышевский, С.А. *Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции : монография / С.А. Дробышевский*. – М.: Проспект, 2017. – 272 с.
5. Hoebel, E.A., Llewellyn, K.N. (1941) *The Cheyenne Way. Conflict and Case Law in Primitive Jurisprudence*. Norman: The University of Oklahoma Press.
6. Gillin, J.P. (1934) *Crime and Punishment Among the Barama River Carib*, *American Anthropologist*, 36: 331–344.
7. Рулан, Н. *Юридическая антропология / Н. Рулан*. – М.: Норма, 2000.
8. Рулан, Н. *Историческое введение в право / Н. Рулан*. – М.: Нота Бене, 2005.
9. Ковлер, А.И. *Антропология права / А.И. Ковлер*. – М.: Норма, 2000.
10. Pospisil, L.J. (1978) *Ethnology of Law*. Menlo Park, Calif.: Cummings Publishing Company.

11. Pospisil, L.J. (1971) *Anthropology of Law. A Comparative Throphy*. N.Y.: Harper and Row.
12. Fuller, L.L. (1964) *The Morality of Law*. New Haven: Yale University Press.
13. Hoebel, E.A. (1966) *Anthropology: The Study of Man*. N.Y.: McGraw-Hill Book Company.
14. Radcliff-Brown, A.R. (1949) *Preface in African Political Systems*. Ed. by M. Fortes and E.E. Evans-Pritchard, Oxford.

УДК 351.713

УПЛАТА НАЛОГА ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ: ВЕДЕТ ЛИ ЭТО К КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ?

© Е.С. Ефремова

Сибирский федеральный университет

Самостоятельное (личное) исполнение налогоплательщиком обязанности по уплате налога является одним из принципов налогообложения, который означает, что субъект от своего имени и за счет своих собственных средств должен уплатить соответствующую сумму налога в бюджет. Денежные средства, перечисленные в бюджет как налог не налогоплательщиком, а иным лицом, налоговые органы не засчитывали в уплату налога. Конституционный Суд РФ, рассматривая спорные ситуации, подчеркивал важность установления из представленных платежных документов соответствующей суммы налога, уплаченной налогоплательщиком. Невозможность четко персонифицировать денежные средства, за счет которых производилась уплата налога, приводила бы, по мнению Суда, к недопустимому вмешательству третьих лиц в процесс уплаты налога налогоплательщиком, что препятствовало бы результативному налоговому контролю [1].

Таким образом, понимание самостоятельности уплаты налога как «от своего имени и за счет своих собственных средств» обеспечивало создание прозрачной системы налогообложения и контроля в государстве, которая позволяла реализовать всеобщую конституционную обязанность по уплате налогов, предусмотренную ст. 57 Конституции РФ.

Мнения о недопустимости вовлечения в процесс уплаты налога налогоплательщиками третьих лиц высказывались и в научной литературе. Интересны, на наш взгляд, аргументы М.Н. Садчикова, который подчеркивает, что

«как конституционная обязанность, налоговая обязанность основана на прямом волеизъявлении народа и, получая свое непосредственное закрепление в законодательстве о налогах и сборах, выражает волю народа на установление обязанности **каждого** платить законно установленные налоги и сборы». Автор также обращает внимание на то, что налоговая обязанность закреплена во второй главе Конституции РФ, поименованной «Права и свободы человека и гражданина», и имеет одинаковую с перечисленными в данной главе обязанностями конституционно-правовую природу. «Нельзя передать иному лицу обязанность нести военную службу, обязанность совершеннолетних детей заботиться о нетрудоспособных родителях или обязанность бережно относиться к окружающей среде <...> обязанность по уплате налога также не может быть передана другому лицу (возложена на другое лицо)» [2, с. 18].

Несмотря на приведенные правовые позиции, в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ, Кодекс) с момента его вступления в силу действовали положения, допускающие вовлечение в процесс уплаты налога третьих лиц. Во-первых, нормы ст. 45 НК РФ о самостоятельном исполнении налоговой обязанности содержали оговорку о том, что иное может быть предусмотрено законодательством о налогах и сборах. Во-вторых, нормами ст. 73 и ст. 74 Кодекса регламентировались залог и поручительство как способы исполнения налоговой обязанности. Так, в соответствии со ст. 74 НК РФ в силу поручительства поручитель обязывается перед налоговыми органами исполнить в полном объеме обязанность налогоплательщика по уплате налогов, если последний не уплатит в установленный срок причитающиеся суммы налога и соответствующих пеней. Согласно ст. 73 НК РФ при неисполнении налогоплательщиком обязанности по уплате причитающихся сумм налога и соответствующих пеней налоговый орган осуществляет исполнение этой обязанности за счет стоимости заложенного имущества в порядке, установленном гражданским законодательством Российской Федерации. Залогодателем может быть как сам налогоплательщик, так и третье лицо.

Таким образом, принцип самостоятельной уплаты налога налогоплательщиком не признавался абсолютным и не только потому, что возможность вовлечения в процесс уплаты налога иных лиц была заложена в Кодексе, но и потому, что правоприменительная практика, например по вопросу уплаты государственной пошлины третьим лицом, часто шла вразрез с данным принципом. Так, при подаче исковых заявлений в суд общей юрисдикции или арбитражный суд некоторые суды признавали факт уплаты государственной пошлины, если фактические действия по её перечислению совершались третьим лицом [3].

Мнение о том, что обязанность по уплате налоговых платежей может быть исполнена как плательщиком (самостоятельно), так и его законным или уполномоченным представителем, было высказано Федеральной налоговой службой в письме от 1 ноября 2016 г. № ЗН-3-1/5090@ [4]. Правомерность такой уплаты подтверждалась расчетными документами, содержащими полную информацию о налогоплательщике, чья обязанность исполняется, и документе, подтверждающем право законного или уполномоченного представителя на представление интересов организации.

Позже, 30 ноября 2016 года в ст. 45 Налогового кодекса были внесены изменения [5], в соответствии с которыми уплата налога может быть произведена за налогоплательщика **иным лицом**. Тем самым законодатель формально регламентировал возможность вовлечения в процесс уплаты налога третьих лиц. Инициатором данных поправок в законодательство выступила Федеральная налоговая служба, глава которой пояснил, что в ФНС поступало большое количество обращений граждан, жалующихся на невозможность вносить платежи за близких родственников: супругов, детей, пожилых родителей [6].

Подчеркнем, что до 2016 года участие третьих лиц в исполнении налоговой обязанности налогоплательщика Налоговый кодекс предусматривал (и предусматривает) на договорной основе. Так, между налоговым органом и поручителем, в соответствии со ст. 74 НК РФ, заключается гражданско-правовой договор. Залог имущества, согласно ст. 73 НК РФ, оформляется договором между налоговым органом и залогодателем. Представитель, уплачивая государственную пошлину в интересах представляемого субъекта, действует на основании доверенности. То есть налоговому органу известно о том, кто платит налог вместо налогоплательщика. Отметим, что при определенных условиях налоговый орган даже может отказать в заключении договора, предусматривающего уплату налога третьим лицом.

В соответствии с действующей редакцией ст. 45 НК РФ круг лиц, которые вправе уплачивать налоги за налогоплательщиков, вообще не ограничен. Действительно, с экономической точки зрения не имеет значения, кто погасит задолженность перед бюджетом, исполнит за налогоплательщика налоговые обязательства в интересах публичного субъекта.

Следует отметить, что идея допустить возможность другого лица заплатить начисленный налог находит положительные комментарии в литературе: «это правильно не только по социальным соображениям (в том числе просто удобно для массы налогоплательщиков), но и потому, что суммы налога суть

исключительно экономическая величина, не связанная с личным наказанием (карой) плательщика» [7].

Практикующие юристы оценивают новеллу исключительно с позитивной стороны – теперь иное лицо может заплатить за налогоплательщика не только сборы, но также пени и штрафы. Это актуально прежде всего если на счетах налогоплательщика отсутствуют денежные средства, например, когда есть существенные доначисления по результатам выездных или камеральных налоговых проверок. Необходимость оплаты налога одного юридического лица другим юридическим лицом может возникнуть в группе компаний, когда по какой-то причине к моменту уплаты налога на расчетном счете компании не оказалось достаточного объема денежных средств, а при этом на счете «дружественной» компании есть «свободный остаток денег» [8].

Однако встречаются и суждения о том, что нормы, позволяющие уплачивать налог за налогоплательщика иному лицу, не должны изменять содержание конституционной обязанности каждого уплачивать законно установленные налоги. По мнению М.Н. Садчикова, «исполнение иным лицом налоговой обязанности в данном случае носит охранительный, факультативный характер по отношению к обязанности каждого уплачивать налоги, что предполагает уплату налога за счет собственных средств налогоплательщика. Применение данной нормы без привязки к имуществу каждого налогоплательщика вносит неопределенность в содержание налоговой обязанности [2]».

С.С. Кузнецов, в целом позитивно оценивая нововведения законодателя, отмечает некоторые сложности их реализации на практике: «Например, не решена проблема отнесения уплаченной третьим лицом суммы налога к доходам налогоплательщика, в пользу которого она уплачена. Формулировка ст. 45 НК РФ позволяет толковать ее расширительно и применять к случаям, когда налогоплательщик самостоятельно перекладывает свою обязанность по уплате налога на третье лицо, что противоречит правовой природе налогового платежа и может привести к нарушению прав граждан (например, при переложении страховых взносов на физических лиц). Также остается неурегулированным вопрос об ответственности за неуплату налогов, когда такая обязанность будет переложена на третье лицо» [9].

Итак, подведем предварительные итоги:

1. Положения о возможности уплаты налога иными лицами, регламентированные в ст. 45 Налогового кодекса РФ, Федеральным законом №401-ФЗ 2016 года, не являются принципиально новыми для налоговых правоотношений, поскольку возможность вовлечения третьих лиц в процесс уплаты налога

налогоплательщиком была заложена в Кодексе еще до внесения в него соответствующих изменений. Следовательно, принцип самостоятельной уплаты налога налогоплательщиком, в соответствии с которым субъект от своего имени и за счет своих собственных средств должен уплатить соответствующую сумму налога в бюджет, не является абсолютным.

2. Действующая редакция ст. 45 НК РФ не ограничивает круг лиц, которые могут уплатить налог за налогоплательщика. Фактически это означает, что законодатель не придает значения тому, кто уплатит сумму налога, из чего следует, что главное для публичного субъекта – минимизировать объем задолженности перед бюджетом. Такая тенденция в законодательстве влечет некое «умаление» принципа самостоятельной уплаты налога, что требует осмысления возможных путей развития данного налогового института.

В случае отсутствия у налогоплательщика – физического лица (например, несовершеннолетнего) или организации необходимых денежных средств в числе «иных лиц», уплачивающих за него налог, могут быть родственники, учредители, акционеры юридического лица. Когда налог уплачивают субъекты, у которых с налогоплательщиком существуют семейные, корпоративные и иные экономические, гражданские правоотношения, платежи осуществляются с согласия или одобрения налогоплательщика, то есть исполнение налогового обязательства связано с волеизъявлением налогоплательщика. Вместе с тем, не существует препятствий и для того, чтобы налог или задолженность по налогу были оплачены иным лицом без согласования с самим налогоплательщиком. В таком случае налогоплательщик, будучи не согласен с подобными действиями, не может быть лишен права их обжаловать.

Следовательно, налоговая задолженность (в соответствии со ст. 11 Кодекса, недоимка – сумма налога, не уплаченная в установленный законодательством о налогах и сборах срок) имеет в настоящее время двойственный характер. Являясь налоговым институтом, она порождает права и обязанности участников налоговых отношений, направленные на восстановление финансовых интересов бюджета, и одновременно, как экономическая категория, может рассматриваться в качестве объекта гражданских правоотношений, поскольку налогоплательщик, одобряя уплату задолженности за него третьим лицом, должен осознавать, что фактически осуществляется перевод долга. Оппоненты могут возразить, что использовать институт перемены лиц в обязательстве (что в данном случае и происходит) могут только участники гражданских правоотношений.

Однако в некоторых публикациях отмечалось, что «по мере развития оборота обязательства утратили личный характер. Права требования и долги

стали включаться в экономический оборот, в законодательстве появились нормы, допускающие перемену лиц в обязательстве» [10].

Мнение о том, что к кредиторской задолженности организации относится задолженность перед бюджетом и социальными фондами, высказывал К.К. Лебедев, включая в это понятие «недоимки, то есть не уплаченные своевременно налоги; начисленные налоговыми органами финансовые санкции; задолженность по платежам, приравненным с точки зрения их обязательности к налоговым, например, по платежам в дорожные фонды, таможенным сборам и иным видам платежей, поступающих непосредственно на казначейские счета в федеральный, региональный или местный бюджет» [11].

Изложенное позволяет предположить, что развитию общественных отношений на современном этапе присуща определенная коммерциализация налоговой сферы, поскольку налоговая задолженность может выступать коммерческим объектом. Следовательно, законодатель может задуматься о предоставлении налоговым органам более широких полномочий и возможностей, которые могут выражаться, например в предложении, адресованном неограниченному кругу лиц, о погашении недоимки налогоплательщика с последующей возможностью обращения к нему с регрессными требованиями. То есть в случае образования у субъекта недоимки налоговый орган вправе будет выставлять эту сумму задолженности на торги. Разумеется, при этом не должны нарушаться законные права и интересы самих налогоплательщиков. В частности, если такие нормы будут приняты, они должны предусматривать обязательное заблаговременное уведомление налогоплательщика о намерении налогового органа выставить задолженность на публичные торги, чтобы он имел возможность погасить задолженность, тем самым не только исполнить налоговые обязательства, но и избежать обнародования информации об их неисполнении.

Принятие соответствующих дополнений в налоговое законодательство будет дополнительной мерой принуждения, направленной на восстановление интересов бюджета.

Список использованных источников:

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Сибирский Тяжпромэлектропроект» и гражданки Тарасовой Галины Михайловны на нарушение конституционных прав и свобод аб-

- зацем первым пункта 1 статьи 45 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : опред. Конституционного Суда РФ от 22.01.2004 г. №41-О // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
2. Садчиков, М.Н. Индивидуализация налоговой обязанности / М.Н. Садчиков // *Налоги*. – 2018. – № 4. – С. 17–19.
 3. Об уплате государственной пошлины российскими и иностранными лицами через представителей : инф. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.05.2007 г. № 118. Документ утратил силу в связи с изданием Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 г. № 169. Пленумом ВАС РФ принято Постановление от 11.07.2014 г. № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах» // *Вестник экономического правосудия РФ*. – 2014. – № 9. – С. 150–160. В соответствии с данным Постановлением государственная пошлина может быть уплачена представителем от имени представляемого. В этом случае уплата государственной пошлины с банковского счета представителя прекращает соответствующую обязанность представляемого. В платежном документе на перечисление суммы государственной пошлины в бюджет с банковского счета представителя должно быть указано, что плательщик действует от имени представляемого.
 4. Письмо ФНС России от 01.11.2016 № ЗН-3-1/5090@ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
 5. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30.11.2016 г. № 401-ФЗ // *СЗ РФ*. – 2016. – № 49. – Ст. 6844.
 6. Помощь друга: в чем сложность уплаты налога за третьих лиц [Электронный ресурс] // *Право.RU*. – URL: <https://pravo.ru/review/view/137517/>.
 7. Токар, Е.Я. Вопросы применения конструкции представительства хозяйственными обществами : монография / Е.А. Токар. – М.: Юстицинформ, 2018. – 204 с.
 8. Помощь друга: в чем сложность уплаты налога за третьих лиц [Электронный ресурс] // *Право.RU*. – URL: <https://pravo.ru/review/view/137517/>.
 9. Кузнецов, С.С. Об уплате налога за налогоплательщика иным лицом / С.С. Кузнецов // *Правовые проблемы укрепления Российской государственности : материалы всероссийской научно-практической конференции*. – Томск: Томский государственный университет, 2017. – С. 126–129.

10. Ахмедшина, А.Н. Переход прав кредитора на основании договора: правовые нормы и практика их применения / А.Н. Ахмедшина [Электронный ресурс] // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – №4. – Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
11. Лебедев, К.К. Понятие, состав и правовой режим кредиторской задолженности / К.К. Лебедев // Хозяйство и право. – 1998. – № 11. – С. 30–36.

УДК 347.73

УПЛАТА НАЛОГОВ ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ: ПРАВОВЫЕ НЮАНСЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

© О.А. Захарова

*Министерство экономического развития
и инвестиционной политики Красноярского края*

На протяжении достаточно долгого периода времени в налоговом праве существовал принцип личного исполнения обязанности налогоплательщика. Ключевым словом здесь является «личного». Этот принцип обусловлен публично-правовой природой налоговых правоотношений. Исторически так сложилось, что платить налог необходимо каждому и самостоятельно. Этим подчеркивалось равенство граждан в исполнении данной обязанности. Кроме этого, благодаря именно «личному» участию создавалась некая прозрачная система налогообложения в государстве. Ю.Ю. Коваленко, юрист компании «Система З.С.К.», соискатель Российской правовой академии Минюста России, отмечает: «Таким образом, личная налоговая обязанность тесно связана с существованием конкретного лица – налогоплательщика и практически реализуется в уменьшении принадлежащего налогоплательщику имущества на сумму налога, подлежащую уплате в бюджет» [1]. Более того, принцип личного исполнения обязанности налогоплательщика прослеживается и в ст. 57 Конституции РФ, где сказано следующее: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы» [2]. Используется слово «каждый». И что касается прав и свобод человека, в Конституции Российской Федерации подчеркивается именно следующее: «Каждый имеет право на образование» или же: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь». Таким образом, именно подобного рода изложение предполагает тесную связь конкретных прав и свобод, а также обязанностей с личностью, их неотчуждаемость.

С 30 ноября 2016 года Налоговым кодексом РФ разрешена уплата налогов третьим лицом (или за третье лицо) [3]. Прежде такой возможности у налогоплательщиков не было [4]. Из положений новой редакции ст. 45 НК РФ следует, что иные (третьи) лица могут уплачивать любые налоги за других субъектов правоотношений, в том числе сборы и страховые взносы.

Круг лиц, которые вправе уплачивать налоги за налогоплательщиков, не определен НК РФ, ввиду чего возможны различные варианты осуществления таких платежей. Так, организации вправе уплатить налоги за другую организацию, индивидуального предпринимателя или физическое лицо. Возможен и другой вариант, когда индивидуальный предприниматель может перечислить налог за другого индивидуального предпринимателя, организацию и опять же физическое лицо. В том числе и физическое лицо может перечислять налоги и сборы за другое физическое лицо, организацию или индивидуального предпринимателя.

Данные нововведения положительным образом сказываются на развитии налоговой дисциплины и повышении собираемости налоговых и неналоговых платежей в различные уровни бюджетов. А кроме того, способствуют укреплению финансовой стабильности государства.

Следует отметить, что правило, установленное п. 1 ст. 45 НК РФ, в силу ее п. 8 распространено в том числе на налоговых агентов. Рассмотрим следующую ситуацию. Российская компания приобрела у иностранного контрагента работы (или услуги), местом реализации которых является территория РФ. В этом случае российская компания, признаваемая налоговым агентом, обязана исчислить и удержать НДС из вознаграждения, уплачиваемого иностранному контрагенту, и перечислить эту сумму в бюджет РФ (п. 4 ст. 174 НК РФ). Более того, удержанный при приобретении работ или услуг НДС она должна уплатить одновременно с выплатой (перечислением) денежных средств иностранному лицу (абз. 2 п. 4 ст. 174 НК РФ). Банк не примет от агента поручение на перевод денег иностранному контрагенту, если налоговый агент не представил также поручение на уплату агентского НДС (абз. 3 названного пункта).

Может ли третье лицо заплатить НДС, исчисленный и удержанный налоговым агентом при приобретении работ (услуг) у иностранного контрагента?

На первый взгляд подобный платеж допустим. Ведь в данной ситуации налоговый агент уплачивает агентский НДС, исчисленный не по итогам налогового периода (ст. 163 НК РФ), а по конкретной сделке. И для того, чтобы банк принял платежку на уплату вознаграждения иностранной организации, российскому покупателю ее работ (или услуг) достаточно предъявить копию платежного поручения об уплате агентского НДС третьим лицом. Но за счет каких

средств он уплачивается? Известно, что уплата агентских налогов за счет собственных средств налогового агента по общему правилу запрещена. Агентский НДС исчисляется и удерживается из суммы вознаграждения, предусмотренного договором с иностранным контрагентом.

В условиях, когда непосредственное перечисление данного фискального платежа в федеральный бюджет РФ осуществляется с расчетного счета не налогового агента, а иного лица (например, дружественной организации), создает ситуацию при которой в последствии «дружественная организация» может возместить свои расходы, понесенные в связи с исполнением обязанности за налогового агента. Следует ли тогда говорить об уплате налога за счет собственных средств налогового агента? Думаю, что нет. Формально уплата иным лицом налога (в том числе и агентского НДС) за счет собственных средств (а обозначенное лицо в любом случае исполняет обязанность за налогоплательщика или за налогового агента за счет собственных средств) и уплата агентом налога за счет собственных средств – это не одно и то же. Значит, никакой уплаты агентского НДС за счет собственных средств налогового агента не происходит. И действия иного лица, уплатившего агентский НДС за налогового агента, являются правомерными.

Аналогичный подход, можно применить в отношении другого агентского налога – НДСФЛ. Но только в ситуации, когда налоговый агент исчислил и удержал данный налог из вознаграждений, причитающихся работникам, однако не смог самостоятельно перечислить налог в бюджет и за него это сделало иное лицо.

Следовательно, иное лицо может исполнить за налогового агента обязанность по перечислению агентского налога (к примеру, НДС или НДСФЛ) в бюджет РФ, но при условии, что этот налог изначально будет удержан из дохода налогоплательщика. А сам налоговый агент не может быть «иным лицом» [5] в целях применения правила, предусмотренного п. 1 ст. 45 НК РФ.

Таким образом, что касается института налоговых агентов, то в этих правоотношениях акцент делается на личные средства самих налогоплательщиков и на обязанности налогового агента, от исполнения которых он отказаться не может. На «иные лица» обязанность не возлагается, так что это пример дозволения, когда лицу дозволяется заплатить налог за другое лицо, а причины, по которым это происходит, находятся вне налоговых правоотношений. Но стоит ли более детально регламентировать подобного рода правоотношения? В данном случае не следует допускать «смешения» и подмены статусов налоговых агентов и иных субъектов с «иными лицами».

Статус иных лиц ближе к статусу представителя налогоплательщика, но с ним не совпадает. Тем не менее вопрос разграничения статуса может иметь важное значение, поскольку «иное лицо» не может вернуть налог из бюджета, важно отграничивать представителя налогоплательщика и налогового агента от этой категории, поскольку для них таких ограничений не установлено, если были уплачены их личные средства. Интерес также представляет вопрос о последствиях ошибки. Что если налог будет зачислен «иным лицом», которое сделало это не по инициативе, а по ошибке, или это произошло вследствие сбоя программного обеспечения, то кто будет уточнять платеж, налогоплательщик или «иное лицо»?

Важно понимать, что помимо сложившейся к сегодняшнему дню правовой базы существует и судебная практика. До принятия Федерального закона № 401-ФЗ, который разъяснил некоторые моменты, существовали различные взгляды на правомерность уплаты налогов из средств, причитающихся налогоплательщику, но находящихся в распоряжении иного (третьего) лица. Правоприменительная практика не сформировала однозначного ответа на вопрос о правомерности внесения налога в бюджет третьими лицами, в распоряжении которых имеются средства налогоплательщика.

Кроме того, существует или во всяком случае существовал принцип личного исполнения обязанности налогоплательщика. И он, этот принцип, предполагает две особенности: (1) личное, самостоятельное осуществление обязанности налогоплательщика; (2) использование средств, принадлежащих конкретному налогоплательщику, а не иному лицу.

Что касается правоприменительной практики, то ее разнообразие, зачастую касалось лишь правомерности уплаты налогов из средств, причитающихся налогоплательщику, но находящихся в распоряжении иного (третьего) лица.

В случаях уплаты налога за третье лицо могут возникнуть проблемы, связанные со статусом данных средств, которые были перечислены за налогоплательщика.

Что же мы имеем на сегодняшний день? Безусловно, возможность уплаты налога за налогоплательщика третьими лицами способствует финансовой стабильности не только отдельной организации, но и на государстве.

Однако важно отметить следующее. Вышеуказанный Закон предполагает и другие изменения в НК РФ помимо тех, которые мы осветили. Однако принцип личного исполнения обязанности налогоплательщика довольно долго существовал не только в научных трактатах, но и в нормативных правовых актах.

Важно понимать, что изменения в НК РФ, которые были направлены на финансовую стабильность, уже меняют представление об исполнении обязанности платить налоги, но ещё требуются изменения в другие нормативные правовые акты, и переосмысление его в научных кругах.

Список использованных источников:

1. Коваленко, Ю.Ю. Возможна ли уплата налога третьими лицами? / Ю.Ю. Коваленко // *Налоговед.* – 2005. – № 2. – С. 11–24.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июл. 2014 г. № 11-ФКЗ) // *СЗ РФ.* – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.11.2016 г. № 401-ФЗ // *Официальный интернет-портал правовой информации.* – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Письмо Минфина России от 11.04.2016 № 03-02-08/20577 [Электронный ресурс] // *Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*
5. Гришина, О.П. Может ли налоговый агент быть «иным лицом»? / О.П. Гришина // *Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения.* – 2017. – № 6. – С. 10–13.

УДК 343.9

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДАХ В РОССИИ:
СИСТЕМНЫЕ НЕДОСТАТКИ И ПРОБЕЛЫ**

© А.А. Кондрашев

Сибирский федеральный университет

К сожалению, за последние годы (датируя примерно с периода начиная с 2004 года), по мнению многих отечественных исследователей, например, В. Кряжкова, С. Харючи, П. Гоголева, А. Маякунова [1, с. 27; 2, с. 67; 3, с. 30]. и других, происходит глубокая деградация законодательного регулирования

коллективных прав коренных народов на федеральном уровне. В отношении российского государства к КМНС можно проследить кардинальное изменение приоритетов конституционно-правовой политики от «романтизма» в отношении территорий традиционного природопользования 90-х годах XX века до почти полной ликвидации их правовых гарантий в пользу технократических преимуществ сырьевой экономики, с другой – единичные факты сохранения самоуправления представителями коренных народов в отношении своих исконных земель. Более того, можно говорить, что налицо системные дефекты, фрагментарность и коллизийность нормотворчества как на федеральном, так и на региональном уровнях, что приводит к крайне слабой защищенности прав коренных народов на традиционный образ жизни. А это в свою очередь в реальности приводит к росту рисков неконституционного правоприменения. Автором предложено обратить внимание на 8 главных проблем, связанных с уходом законодателя от выстраивания последовательной политики сохранения природной среды и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов в России.

1. Отсутствие в законодательстве полноценного юридического закрепления вещных прав коренных народов на землю и приоритетность и бесплатность использования природных ресурсов. Россия гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69 Конституции РФ). На международном уровне как известно права коренных народов охраняются Конвенцией МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г. (не ратифицирована РФ), Конвенцией 1992 г. «О биологическом разнообразии» (ратифицирована РФ), Декларацией ООН о правах коренных народов (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 г. Резолюцией № 61/295), которые в целом направляют развитие национальных правовых систем (в том числе и России). Эти международные нормы требуют от правительств стран, где проживают коренные народы, закрепления их юридических прав на землю и ресурсы, определения границ соответствующих территорий., четкого определения особенной правового режима использования этих территорий.

Так, аборигенные народы России лишились безвозмездного пользования землей, лесом. Изъятия норм не в пользу коренных народов произошло из Земельного, Водного и Лесного кодексов. [4].

Российское же законодательство (особенно это касается отраслевых систематизированных актов – Земельного Кодекса, Гражданского Кодекса, Лесного Кодекса, законов об обороте земель сельхозназначения, об охоте, рыболовстве) не только не предусматривает оформления прав собственности на землю и приоритетный доступ к ресурсам, но и не устанавливают реального механизма бесплатного и приоритетного (по отношению к другим пользователям) доступа коренных малочисленных народов к земле и природным ресурсам. Например, тот же Земельный Кодекс устанавливает весьма ограниченный правовой режим пользования коренных народов землей, когда земельный участок не формируется, а это право фактически может быть прекращено в упрощенном порядке по решению органов власти, намеренных отдать эту землю иному пользователю причем не из числа представителей коренных народов (ст. ст. 39.33, 39.34 ЗК).

Изменилось отношение государства и к родовым угодьям, которые ранее в ряде субъектов РФ рассматривались как форма вещных прав лиц из числа коренных народов, семей, общин на земли исконного проживания в границах ТТП. Суды стали указывать, что родовые угодья – это территория, а не земельный участок, а потому на них не может быть вещных прав, переоформление родовых угодий на иные вещные права не допускается [5, с. 67].

Никаких прав собственности или вещных прав на землю за коренными народами земельное законодательство РФ не закрепляет. Коренные народы не могут получить льготных прав на землю, на лесные участки, а с учетом отсутствия у них необходимых финансовых ресурсов, незнания ими правовых норм все это серьезно ограничивает их конкуренцию с иными субъектами за доступ к природным ресурсам. Как абсолютно справедливо отмечается в литературе, «традиционный образ жизни и хозяйствование не дают возможности получить доходы, достаточные для приобретения земельных участков наравне с другими участниками торгов» [6, с. 89].

Представляется, что правильным подходом законодателя была бы полная отмена для коренных народов разрешительного, платного лицензированного использования природных ресурсов, в том числе на основе конкурса, и предоставление коренным народам прав на земли на конкретном юридическом праве – собственности или ином вещном праве.

2. Отсутствие политического представительства коренных народов в органах власти различных уровней на льготной основе и невозможность создания полноценных законосовещательных органов на федеральном и региональном уровнях. Законодательство РФ лишает коренные малочисленные

народы прав на политическое представительство их интересов в органах государственной власти и местного самоуправления. С 2006 года в избирательное законодательство России были внесены поправки, полностью исключившие возможность для регионов вводить особые нормы представительства для коренных малочисленных народов или особых субъектов выдвижения кандидатов (например, общин коренных народов). В 2015 году в Федеральном законе от 30.04.1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» появилась норма о возможности создания советов представителей коренных народов при лавах местных администраций, которые лишены каких-либо самостоятельных полномочий, созываются крайне редко, и созданы отнюдь не во всех субъектах РФ. Изменения «аборигенного» законодательства в последнее десятилетие осуществлялись преимущественно с позиций изъятия из него положений, гарантирующих политические и иные права коренных малочисленных народов. [1, с. 31–32].

При этом как в странах Скандинавии, так и в Канаде и США коренные народы являются субъектами политических прав: в Европе они формируют общенациональные законосовещательные органы с определенными властными полномочиями, а в Северной Америке выступают самостоятельными субъектами государственного управления (Нунавут, Канада) или местного самоуправления (Аляска, и другие штаты США).

3. Статус территорий традиционного природопользования четко не определен в федеральном законодательстве, что порождает невозможность их создания на федеральном уровне и препятствует охране прав коренных народов даже при создании их в регионах. Территории традиционного природопользования, призванные стать своего рода «резерватами» традиционного образа жизни коренных народов, на деле не имеют внятных правовых основ своей деятельности. На основании Федерального закона «О территориях традиционного природопользования» № 49-ФЗ были созданы только ТТП регионального и местного значения и ни одной такой территории федерального значения. За последние 20 лет все обращения коренных народов об образовании ТТП федерального значения не имели успеха. А суды при обжаловании отказов в образовании ТТП регионального или местного значения лишь обязывают органы публичной власти повторно рассмотреть вопрос [7, с. 57]. В некоторых районах отдельных субъектов РФ родовые угодья общин коренных народов почти на 50% отданы под промышленное освоение, причем статус региональных ТТП не препятствует промышленным корпорациям получать земли под разработку месторождений полезных ископаемых [8, с.

232]. Несмотря на действующие в некоторых субъектах РФ положения об обязательном участии представителей коренных народов в принятии решения о предоставлении земель ТТП для промышленного использования, зачастую добровольность и осознанность согласия лиц из числа коренных народов вызывает сомнения, в отсутствие норм федерального уровня. При этом процедура изъятия земельных участков и выплата соответствующих компенсаций коренным малочисленным народам и их общинам детализировано не регламентируется в федеральном законодательстве. Наиболее неурегулированным является вопрос о допустимой и запрещенной деятельности на ТТП. Закон предусматривает возможность изъятия земельных участков и обособленных природных ресурсов, находящихся в пределах границ ТТП, для государственных или муниципальных нужд. А ведь государственные нужды могут быть различными, в том числе и существенным образом отражаться на экологическом состоянии ТТП. А статья 13 Закона допускает использование природных ресурсов, находящихся на ТТП, не только для лиц, относящихся к малочисленным народам, но и для лиц, которые таковыми не являются, но постоянно проживают на ТТП [9, с. 140]. В этой связи А.А. Транин верно указывает, что именно указанные дозволения в большинстве случаев и нарушают правовой режим ТТП. Он предлагает внести в Закон перечень запрещенных видов деятельности на ТТП, таких как: разведка и разработка полезных ископаемых промышленного характера; деятельность, влекущая за собой изменение гидрологического режима; строительство магистральных дорог, трубопроводов, а также строительство и эксплуатация хозяйственных и жилых объектов, не относящихся к традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и др. [10].

Сейчас Правительство РФ предлагает более четко определить их статус как территории, в пределах которых устанавливается особый режим осуществления хозяйственной деятельности. ТТП в рамках проекта поправок в федеральный закон будут образовываться только субъектами РФ на 49 лет на федеральных землях (или землях, находящихся в неразграниченной государственной собственности. В пределах ТТП коренные народы будут осуществлять использование природных ресурсов на основании соглашения с органами власти субъекта РФ об осуществлении традиционной хозяйственной. Иные хозяйствующие субъекты (по смыслу пояснительной записки к данному законопроекту речь идет, прежде всего, о недропользователях, крупных лесозаготовителях) также вправе осуществлять хозяйственную деятельность на данной территории по соглашению с органами государственной власти региона. Поправки, предлагаемые Правительством РФ для внесения к ФЗ-49,

предусматривают в дополнение к действующему разрешительному и лицензионному режиму еще и обязательное заключение соглашения об осуществлении деятельности в границах ТТП.

Но это не решает основную проблему, а именно: коренные народы опять не получают юридически оформленных прав на землю, а органы власти имеют возможности изъятия земель без согласования с коренными народами. Опыт зарубежных государств [11, с. 418], сложившаяся практика в некоторых субъектах РФ (Шорский национальный парк) свидетельствует об эффективности использования режима со-управления территориями традиционного природопользования [12, с. 7]. Переход от «модели патернализма к модели партнерства» [13, с. 33] позволит решить в Арктике экономические и экологические задачи.

4. Отраслевое законодательство в целом предусматривая возможность для коренных народов бесплатного доступа к природным ресурсам (прежде всего к охоте и рыболовству), накладывает жесткие ограничения и допускает передачу соответствующих участков в долгосрочную аренду коммерческим организациям. Как показывает анализ правоприменительной практики в различных субъектах федерации представители коренных народов в России, в отличие, скажем, от США или Канады получают доступ к природным ресурсам, в основном, на общих основаниях (охота, рыболовство и т.д.), несмотря на декларативные нормы Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Вместо преференций лица из числа коренных народов в большинстве случаев получают доступ к природным ресурсам на общих основаниях. Это делает их особенно уязвимыми и ставит общины на грань выживания. Это ставит коренные народы в неравноправное положение, так как традиционный образ жизни и хозяйствование, чаще всего, не дают возможности получить доходы, достаточные для приобретения земельных участков наравне с другими участниками торгов». Часть мест исконного обитания коренных народов сданы в аренду. Интересы коренным малочисленных народов ставятся ниже интересов промышленных предприятий. Указанные факторы порождают конфликты между общинами коренных народов и коммерсантами. Кроме того, отраслевое законодательство, которое не содержит четких регламентных норм, создало правоприменительную практику, в рамках которой были оформлены дополнительные обременения для коренных народов при пользовании их правами доступа к природным ресурсам. например, требуя от владельцев прав на лесные участки, переданных в аренду, или просто их использующие

дополнительных обременений (строительства специальных противопожарных полос, отказа от возведения даже временных строений и пр.), что приводит к существенным финансовым проблемам для коренных общин в рамках реализации их прав на традиционный образ жизни [14]. Аналогично, для получения охотничьих угодий необходимо принять участие в аукционе. Как показывает практика, многие общины и охотники коренных малочисленных народов Севера, осуществляя традиционные промыслы, не имеют возможности принять участие в аукционах в связи с отсутствием финансовых средств.

5. Коренные малочисленные народы по факту лишены доступа к образованию самостоятельных органов местного самоуправления или передачи ряда муниципальных полномочий общинам коренных народов (это ранее было закреплено в федеральном законе). При этом в законодательство о местном самоуправлении, на наш взгляд, нуждается в модернизации с целью введения особенностей организации местного самоуправления в северных территориях, где проживают коренные народы. Существует настоятельная необходимость установить на законодательном уровне «общие принципы и порядок участия малочисленных народов через собственные институты в осуществлении некоторых полномочий органов власти и местного самоуправления, а также фиксации их императивных и консультативных правомочий» [15, с. 28] по аналогии с зарубежным законодательством. Представляется рациональной идея расширения содержания главы 11 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» № 131-ФЗ, определяющей перечень территорий с особенностями организации местного самоуправления. К числу такого рода особенностей можно отнести: возможность передачи ряда государственных и муниципальных полномочий общинам коренных народов, закрепление вариативности отказа от двухуровневой модели местного самоуправления для арктических территорий, создание особых, специализированных органов государственного управления (федерального или регионального подчинения) на территориях, где отсутствуют постоянные поселения.

Причем эта передача возможна не только путем установления разного рода выплат из федерального или региональных бюджетов, но и посредством заключения договоров между общинами и компаниями-недропользователями за использование природных ресурсов и причинение ущерба традиционным промыслам коренных народов. Кроме того, вряд ли перспективна и передача на уровень общин полномочий в сфере охраны правопорядка (создание особой полиции) или судебной власти, так как в нашей стране постепенно

происходит слом родоплеменных отношений и угасание обычного права в культурной среде аборигенов.

6. Отсутствие в законодательстве идентификации перечня субъектов, имеющих право пользования землями и природными ресурсами в рамках ТТП. Представляется, что в законодательстве следует определить субъектов, имеющих права пользования землями и природными ресурсами в границах ТТП (лица из числа коренных народов, семьи коренных народов, кочевые семьи, общины, лица, не относящиеся к малочисленным народам, но постоянно проживающие на территории традиционного природопользования, пользующиеся природными ресурсами для личных нужд, если это не нарушает правовой режим территорий традиционного природопользования) и дополнительных субъектов, которые уполномочены осуществлять представлять и защищать их интересы (например, союзы, ассоциации коренных народов). Юридическая конкретизация субъекта традиционного природопользования в границах ТТП необходима для реализации правомочий по защите, в том числе и от действий со стороны государственных органов, вещных и иных прав на использование земель, прав на охоту и рыболовство, доступ к иным природным ресурсам в границах ТТП, для представления интересов коренного народа в ходе переговоров с горнодобывающими, лесозаготовительными, дорожно-транспортными компаниями [16, с. 12] .

7. Еще одна проблема – это учет и раскрытие в федеральном законодательстве юридического статуса «автономии», предоставленной в соответствии с положениями Конституции РФ (а ранее Конституций РСФСР и СССР) коренным народам Севера. Ранее многие крупные коренные народы получили такую автономию в форме выделения вначале национальных, а впоследствии автономных округов как национально-государственных образований в составе федерации. В настоящее время большая часть округов потеряли статус субъектов РФ (осталось всего 4 округа), а остальным в объединительных законах гарантировался статус неких «административно-территориальных единиц с особым статусом». Но федерального регулирования этого «особого статуса» до сих пор нет, а субъекты в своем нормировании серьезно ограничивают правовой статус таких единиц. Например, в Красноярском крае принят закон Красноярского края от 24.12.2015 № 9-4110 «Об административно-территориальных единицах с особым статусом», который выделяет всего несколько особенностей их статуса: невозможность изменения границ и преобразования, двухмандатные округа для выборов в Законодательное Собрание, наличие нормативных актов, действующих только на территориях АТЕОС, возможность создания органов исполнительной власти со специальной компетенцией (не

созданы), постоянно действующий совещательный орган – Совет представителей Таймырского Долгано-Ненецкого и Эвенкийского районов (далее – Совет представителей) при Губернаторе. Все! Напрашивается вопрос: а где же особенности статуса, которые имеют отношение к «автономии» коренных народов, к закреплению их особых этнических коллективных прав?

8. Отсутствие федерального правового регулирования института возмещения убытков, причиненных недропользователями, землям коренных народов и практики заключения договоров между общинами коренных народов и недропользователями. Кроме того, федеральное законодательство вообще не имеет содержательных норм, предусматривающих возможность выплат коренным народам от прибыли компаний недропользователей от добычи полезных ископаемых на землях коренных народов. Эти механизмы успешно функционируют уже более 20 лет на Аляске, в Канаде. [17, с. 26-27]. Представляется, что необходимо законодательное оформление прав коренного населения на долю доходов от использования природных ресурсов на территориях их постоянного проживания, а равно и четкие методики и механизмы компенсации ущерба, причиняемого их традиционным землям. Это необходимо урегулировать именно федеральным законом, как и обязательные пункты такого рода соглашений (например, нормы отчислений в специальные фонды, конкретные виды помощи, оказываемые в неденежной форме, и т.д.). В настоящее время соглашения общин коренных народов с недропользователями не регламентируются на федеральном уровне, и фактически рассматриваются со стороны компаний-недропользователей как форма благотворительности. Существующих соглашений недостаточно, так как они не только не удовлетворяют потребностям сторон, но и в значительной степени не учитывают стратификацию аборигенного сообщества, весь спектр интересов коренных малочисленных народов в современных условиях. В науке особо отмечается, что прикладные исследования показывают, что необходима выработка общих стандартов к деятельности компаний, учитывающих специфику регионов: особую ранимость арктической природы и значительные группы кочевого населения, занимающегося оленеводством [18, с. 109].

Более того, законодательно не определен и универсальный механизм компенсации ущерба, причиненного недропользователями землям коренных народов. Наличие методики компенсации ущерба, утвержденной еще в 2009 года, и являющейся лишь рекомендацией как, впрочем, и рекомендательные по своему статусу нормы регионального законодательства не может рассматриваться как адекватный способ правового разрешения данной ситуации.

Очевидно, что правовое регулирование прав коренных народов на использование природных ресурсов в границах территории исконного проживания требует скорейшей и существенной трансформации, причем именно в нормах федерального законодательства.

Список использованных источников:

1. Кряжков, В.А. Конституционно-правовые статусы финно-угорских народов в Российской Федерации / В.А. Кряжков // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 24–32.
2. Харючи, Н.Н. Особенности организации местного самоуправления в муниципальном образовании Тазовский район / Н.Н. Харючи // Обеспечение прав и свобод коренных малочисленных народов Севера : материалы науч.-практ. семинара. – Тюмень, 2003. – 68 с.
3. Гоголев, П.В. Земля как категория конституционно-правовой политики и общественного дискурса в контексте традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / П.В. Гоголев, А.Э. Маякунов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 10. – С. 13–19.
4. Кряжков, В.А. Органы публичной власти и северные народы: конституционно-правовые проблемы отношений в сфере соуправления [Электронный ресурс] / В.А. Кряжков. – URL: www.hse.ru/pubs/share/direct/document/102100720.
5. Амирова, Р.Р. Конституционно-правовая политика в сфере защиты экологических прав коренных малочисленных народов России / Р.Р. Амирова, Э.Ф. Нигматуллина // Юридический мир. – 2014. – № 3. – С. 61–65.
6. Филант, К.Г. Об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе / К.Г. Филант // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 39. – С. 82–89.
7. Зуев, С.М. Территория традиционного природопользования как основа правового регулирования земельных отношений коренных малочисленных народов Севера (на примере ЯНАО) / С.М. Зуев // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2014. – № 2. – С. 55–59.
8. Данилова, Н.В. Трансформация гражданско-правового статуса общин коренных малочисленных народов России / Н.В. Данилова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 232–238.

9. Попова, Н.Н. Правовые риски в системе публичного управления территориями традиционного природопользования малочисленных народов / Н.Н. Попова // Правовые риски в системе публичного управления : коллективная монография / Под науч. ред. В.И. Авдийского, М.А. Лапиной; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – М., 2014. – С. 135–148.
10. Транин, А.А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов и их место в системе особо охраняемых природных территорий России / А.А. Транин // Институт государства и права РАН. – URL: <http://www.igpran.ru/articles/2976>
11. Thomas, Clive S. (2016) Alaska Politics and Public Policy. The Dynamics of Beliefs, Institutions, Personalities and Power. University of Alaska Press. – 1240 p.
12. Ямсков, А.Н. Возможные дефиниции территорий традиционного природопользования коренных народов Севера в связи с готовящимися новыми федеральными законами / А.Н. Ямсков // Биосферное хозяйство: теория и практика. – 2017. – № 1. – С. 5–13.
13. Копцева, Н.П. Экспертная оценка экологической ситуации, характерной для коренных малочисленных народов сибирской Арктики (на материале Красноярского края) / Н.П. Копцева // Экология человека. – 2017. – № 6. – С. 30–35.
14. О проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2016 году [Электронный ресурс] : доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Красноярского края // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: региональное законодательство».
15. Зиганшин, И.Р. Объединения коренных народов арктических государств в системе самоуправления данных народов: конституционно-правовые вопросы / И.Р. Зиганшин // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 9. – С. 27–32.
16. Волкова, Т.К. Социомониторинг конфликтных проблем традиционного природопользования в Эвенкии на примере социально-экологической системы лесопользования / Т.К. Власова, Н.С. Каплин, С.Г. Волков // Биосферное хозяйство. – 2018. – № 1. – С. 5–16.
17. Соколовский, С.В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) / С.В. Соколовский // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 17–30.

18. Новикова, Н.А. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков / Н.А. Новикова // Арктика: экология и экономика. – 2013. – № 3. – С. 102–111.

УДК 343.9

О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

© О.В. Моргун

Сибирский федеральный университет

Финансовая система государства представляет собой сложную многоуровневую структуру, нуждающуюся в определенном уровне защиты. В качестве источников опасности выделяется деятельность субъектов финансовых отношений и непосредственно субъекты – участники таких отношений. В первую очередь опасность для любой системы и финансовой, в частности, представляет противоправная деятельность.

При этом традиционно административные правонарушения, посягающие на финансовые правоотношения, относятся к источникам повышенной опасности для финансовой системы, а противоправные деяния, обладающие признаками преступления, – к источникам особой опасности.

Между тем приведенный формальный подход разделения приведенных источников по уровням опасности не всегда соответствует действующим общественным отношениям.

Так, составы административных правонарушений, посягающих на финансовые отношения, содержатся преимущественно в главах 15 и 16 КоАП РФ: «Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг», «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)», а также в иных главах в качестве отдельных норм, регулирующих ответственность за посягательства на финансовые отношения.

Традиционно различие между преступлениями и иными правонарушениями, в том числе предусмотренными КоАП РФ, проводится по показателям, характеризующим общественную опасность, а именно по ее характеру и степени. Полагаем возможным сразу согласиться с точкой зрения авторов, отмечаящих тот факт, что общественной опасностью характеризуются не только преступления, но и любые правонарушения [1, с. 21].

Так, действующая редакция Кодекса РФ об административных правонарушениях содержит целый ряд бланкетных диспозиций, предусматривающих составы административных правонарушений, связанные по объективной стороне с составами преступлений. Маркером таких норм выступает нормативная конструкция «...если такие действия не содержат уголовно-наказуемого деяния». При этом соответствующая связь между административным правонарушением и конкретным преступлением зачастую может быть выявлена лишь в результате системного анализа уголовного законодательства и в правоприменительной практике представляется не всегда очевидной, следствием чего может являться неправильная квалификация действий виновного.

Применительно к финансовым отношениям такого рода составы административных правонарушений предусмотрены, например ч. 1 ст. 14.62 КоАП РФ и ст. 172.2 УК РФ (организация деятельности по привлечению денежных средств), ст. 15.14 КоАП РФ и ст. 285.1 УК РФ (нецелевое использование бюджетных средств), ст. 15.17, 15.18, 15.19 (ч. 1), 15.21, 15.24.1, 15.30 КоАП РФ и ст. 185–187 УК РФ (злоупотребления при эмиссии ценных бумаг; ненадлежащее исполнение обязанности о предоставлении и раскрытии информации на финансовых рынках; неправомерное использование инсайдерской информации; манипулирование рынком и пр.), ст. 16.4 КоАП РФ (недекларирование либо недостоверное декларирование наличных денежных средств) и ст. 200.1 УК РФ (контрабанда наличных денежных средств).

Анализ приведенных правонарушений позволяет сделать вывод о том, что основным признаком, отграничивающим «объект повышенной охраны» от «объекта особой охраны», выступает, в первую очередь, количественный показатель (степень) общественной опасности, а именно размер причиненного вреда (ущерба), извлеченного от незаконной деятельности дохода, сокрытых денежных средств и пр.

В отдельных случаях, как например в ст. 145.1 УК РФ (в отличие от ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ), предусмотрен «смешанный» показатель, сочетающий объем невыплаченных денежных средств, повторность деяния, а также особый мотив – «корыстная или иная личная заинтересованность», что, в сущности, является проявлением той же степени общественной опасности.

Кроме того, особенности конструкции отдельных составов административных правонарушений позволяют выявить ряд общих закономерностей с уголовно-правовыми нормами, что указывает на наличие в административном законодательстве замаскированных «составов преступлений», совершаемых юридическими лицами (например, ч. 1 ст. 14.28, ч. 1 ст. 14.62, 15.24.1, ч. 4 ст. 15.27, ст. 15.27.1 КоАП РФ).

О взаимосвязи общественной опасности преступлений и административных правонарушений свидетельствует и отсутствие в российском законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц. Очевидно, что совершение организацией правонарушения, в том числе имеющего отдельные признаки преступления, влечет в отношении нее исключительно административную ответственность.

С учетом того, что субъектами финансовых отношений в большинстве случаев являются юридические лица, факты привлечения организаций к административной ответственности в связи с осуществлением ими противоправной деятельности носят весьма распространенный характер.

В сложившейся правоприменительной ситуации целесообразно было бы ввести специальные «квалифицированные» административные составы в отношении исключительно юридических лиц, указывающие на то, что данные деяния характеризуются большей общественной опасностью, а объекты данных правонарушений являются объектами особой охраны.

В тех странах, где установлена уголовная ответственность юридических лиц, дела о преступлениях и проступках, совершенных компаниями, в том числе и в финансовой сфере, преследуются по правилам уголовного судопроизводства. В связи с чем можно предположить, что реализация ответственности за данные правонарушения, осуществляемая в уголовно-процессуальной форме в соответствии с принципами и правилами уголовного процесса, позволяет наиболее полно учесть все обстоятельства дела и назначить справедливое и соразмерное наказание или освободить от уголовной ответственности.

Соответствующее разделение ответственности физических и юридических лиц позволило бы не только выделить соответствующие деяния в разряд представляющих особую опасность, но наиболее эффективно реагировать на изменение общественных отношений, связанных с возникновением новых угроз финансовой безопасности.

При этом Кодекс РФ об административных правонарушениях может быть дополнен соответствующими нормами-гарантиями в целях обеспечения привлечения юридических лиц к административной ответственности в строгом соответствии с установленными законом требованиями (по аналогии с Уголовно-процессуальным кодексом), а также нормами-стимулами, снижающими ответственность юридических лиц или вовсе ее исключаящими (как, например, это предусмотрено примечанием к ст. 14.5 КоАП РФ).

Список использованных источников:

1. Прокументов, Л.М. Криминализация и декриминализация деяний / Л.М. Прокументов. – Томск: Изд-во Томского университета, 2012. – 142 с.

УДК 343.9

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ**

© Г.Л. Москалев

Сибирский федеральный университет

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации, одним из направлений ее обеспечения является совершенствование правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма и экстремизма [1]. Обеспечение государственной и общественной безопасности предполагает совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Указанная задача далека от реализации. За 2017 год в России было зарегистрировано 873 преступления террористического характера и 1521 преступлений экстремистской направленности. Всего – 2394 преступлений этих категорий против 622 в 2011 году [2]. Среди субъектов РФ проблема противодействия преступлениям экстремистской направленности и террористического характера для Красноярского края стоит крайне остро. Уже два года регион занимает пятое место по количеству зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (против 62 места в 2011 году) [2]. В целом же за последние пять лет число осужденных по террористическим статьям выросло более чем в девять раз [3].

Указанная тенденция имеет объяснение. За последние несколько лет в Уголовный кодекс Российской Федерации было включено множество норм, предусматривающих ответственность за поведение, сопутствующее экстремистской и террористической деятельности. Эти новые преступления дополнили содержание категорий «преступления экстремистской направленности» и «преступления террористического характера». В одних случаях, появление новых преступлений в российском уголовном праве связано с выполнением

положений Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма» 2005 года [4, с. 355]. В других – включение статей в УК РФ является самостоятельной инициативой отечественного законодателя [5, с. 451]. Так или иначе, можно говорить о прямой зависимости роста зарегистрированных преступлений от количества запрещенных деяний.

Помимо множества проблем законодательной регламентации преступлений, существуют проблемы профилактики их совершения. К сожалению, мы не располагаем официальными данными относительно того, какова структура преступности внутри всех зарегистрированных преступлений экстремистской и террористической группы. Однако интервьюирование юристов, практикующих в этой сфере, демонстрирует, что в Красноярском крае большая часть совершаемых преступлений экстремистской и террористической направленности связана именно с незаконным распространением информации. Это объясняет, почему Красноярский край, который, к счастью, никогда не подвергался террористическим атакам, оказался на пятом месте в России по количеству зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. На сегодняшний день подавляющее большинство жителей края имеет доступ в сеть Интернет [6], что позволяет быстро обмениваться информацией, в том числе и незаконной. Наше предположение о том, что незаконное распространение информации составляет большую часть в структуре экстремистской и террористической преступности подтверждается данными, полученными от Антитеррористической комиссии Красноярского края. Согласно их сведениям 70% преступлений этого типа совершается лицами, не достигшими 30 лет. Данная информация удивительным образом подтверждается статистикой активности в наиболее популярной социальной сети в России – ВКонтакте. Самыми активными авторами уникального контента в этой социальной сети являются лица, не достигшие 30 лет, доля которых составляет приблизительно 70% [7].

Таким образом, имеется прямая корреляция между долей преступлений экстремистской направленности, совершаемых лицами до 30 лет, и долей авторов уникального контента в социальной сети, не достигших 30 лет. Это означает, что детерминанты экстремистской преступности не зависят от возраста преступников.

И все же причины неутешительной статистики экстремистской преступности проще искать внутри молодежной среды, поскольку доля молодежи в статистике выше. В этом контексте показателен личный опыт автора, полученный при проведении занятий с учениками старших классов общеобразова-

тельных учреждений г. Красноярска и студентами университетов на тему противодействия экстремизму и терроризму. Свои занятия я всегда начинаю с трех вопросов.

Первый – видите ли вы актуальность в теме противодействия терроризму и экстремизму? Аудитория обычно дает положительный ответ.

Второй – чувствуете ли вы опасность совершения экстремистских или террористических преступлений в отношении себя. Аудитория, как правило, отвечает отрицательно. Несмотря на то, что такие преступления часто фигурируют в заголовках средств массовой информации, обстановка террористической угрозы в Красноярском крае оценивается как низкая.

Третий – чувствуете ли вы угрозу уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности и террористического характера в отношении себя? Аудитория всегда дает положительный ответ. Таким образом, актуальность проблемы школьники и студенты видят в возможности быть подвергнутым уголовному наказанию.

Значит ли это, что молодежь Красноярска сплошь состоит из потенциальных экстремистов и террористов? Разумеется, нет. В чем же причина сложившейся ситуации?

Во-первых, представители молодежи не могут отличить экстремистский материал от не экстремистского. Когда в ходе занятия я спрашиваю слушателей, что такое экстремизм или экстремистская информация, в лучшем случае 1 человек из 50 может назвать хотя бы какие-то ее черты. Такая ситуация складывается из комплекса условий.

- Признаки экстремистской информации можно обнаружить только путем толкования положений уголовного закона и практики его применения. Разумеется, рядовой гражданин не имеет для этого необходимой квалификации. Кроме того, экстремистский характер информации, зачастую, может быть обнаружен только экспертом-лингвистом. Суды регулярно обращаются к их помощи в своей практике по делам об экстремистских и террористических преступлениях.

- Сотрудники правоохранительных органов, занимающиеся противодействием экстремизму, в ходе своей деятельности предлагают гражданам проверять информацию перед ее распространением на сайте, где собраны все запрещенные судами РФ экстремистские материалы. Однако эта рекомендация не имеет практического смысла. На сайте на сегодняшний день собрано более 4500 наименований запрещенной информации. Но даже если выучить их

наизусть, гарантии нераспространения экстремистской информации не последует. Уголовный закон запрещает распространение такой информации вообще, а не только конкретных наименований, ранее запрещенных судами.

Во-вторых, представители молодежи не придают значения информации, распространяемой в сети Интернет. В ходе своих занятий я предлагаю слушателям простой пример с текстом, содержащим оскорбление по отношению к какой-либо небольшой социальной группе. Интересно, что слушатели считают возможным распространение такой информации в Интернете, но недопустимой ее передачу на телевидении.

Очевидны меры, которые необходимо предпринять в рамках профилактики незаконного распространения информации экстремистского содержания. Это должна быть система занятий по повышению правовой культуры, в том числе освещающей ценность каждой национальной, этнической, религиозной, идеологической или иной социальной группы, а также культуры общения в сети Интернет.

В настоящий момент предпринимаются попытки борьбы с преступлениями экстремистской направленности путем деятельности, так называемых, патриотических организаций.

На практике это означает обучение представителей молодежи умениям и навыкам, которые могут пригодиться им в случае прохождения дальнейшей военной службы: навыки практической стрельбы, строевая подготовка, умение обслуживать стрелковое оружие, навыки химзащиты, горная подготовка. Данная деятельность является, безусловно, важной и необходимой составляющей допризывной подготовки. Однако при отсутствии надлежащей идеологической базы усилия данных организаций могут сыграть на руку противоположной стороне. Те же знания, умения и навыки могут обеспечить эффективность деятельности незаконных вооруженных формирований, террористических организаций.

Иными словами, патриота от террориста отличают не скорость сборки/разборки автомата, не меткость стрельбы, не наличие камуфляжа или наличие строевой подготовки (все перечисленное вполне может быть сходством между этими субъектами), но цели, которые преследует человек в своей деятельности. К сожалению, данный тезис едва ли осознается патриотическими организациями города и края. В частности, обзор мероприятий, представленных на официальной странице в социальной сети одной из крупнейших военно-патриотических организаций Красноярска в марте-апреле 2018 года, демонстрирует, что за указанный период воспитанники организации приняли участие в следующих мероприятиях: эстафета, соревнование по

пейнтболу, соревнование по стрельбе из мелкокалиберной винтовки, соревнования по борьбе (3 шт.), конопоказ, соревнование по скалолазанию, уборка территории (2 шт.), соревнования по горно-штурмовой подготовке. Очевидно, что данные мероприятия не способствуют противодействию экстремизму.

Таким образом, существующая на сегодняшний день система профилактики незаконного распространения экстремистской информации в сети Интернет требует пересмотра. В противном случае остается ожидать продолжения роста цифр в статистике экстремистской преступности.

Список использованных источников:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 (ред. от 01.07.2014 г.) // СЗ РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
2. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
3. Статистика: террористов стало в 9 раз больше [Электронный ресурс] // Наука и образование против террора. – URL: <http://sciencereport.ru/>.
4. Тарбагаев, А.Н. Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205.1 УК РФ) / А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т.11, № 2. – С. 250–260.
5. Тарбагаев, А.Н. Пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) / А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 349–359.
6. Использование сети Интернет населением в субъектах Российской Федерации в 2017 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru/>.
7. Статистика по ВКонтакте [Электронный ресурс] // LIVE о ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/live/>.

УДК 347.7

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИСКАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ
БЕНЕФИЦИАРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА**

© А.В. Николаев

Сибирский федеральный университет

Появление юридического лица с капиталом, разделенным на паи (акции) стало революцией с долгосрочными последствиями. С одной стороны, *separate personality* или принцип автономности такого лица придал хозяйственному обороту ранее невиданный капиталистический масштаб. Компании, учрежденные на «пригоршню монет», привлекали миллионные займы на создание сталелитейных производств, прокладку железнодорожных путей, возведение небоскребов. Ведь в случае неудачи предприятия и банкротства компании ее учредители жертвовали лишь суммой вложений в уставный капитал, а руководители вовсе не несли рисков.

С другой стороны, банкротства компаний, оставляющих кредиторов ни с чем, стали обыденностью. В числе таких кредиторов оказывалась казна, но для нее это было только началом.

С появлением налоговых гаваней и ростом в послевоенном мире трансграничной торговли *separate personality* предоставил налогоплательщикам новые возможности. Если богатства облагались неприемлемыми для физического лица налогами, то оно учреждало компанию в государстве, допускающем анонимность акционеров, передавая имущество компании. Если сделки с недвижимостью облагались налогом бóльшим, чем сделки с долями (акциями), то владельцем недвижимости становилась компания и контроль над недвижимостью передавался посредством продажи долей (акций) компании. Если налоговый договор предоставлял льготы только резидентам стран, его заключивших, то резидент иного государства учреждал в стране-участнице компанию исключительно для получения такой льготы.

Если действия налогоплательщика обусловлены желанием уменьшить налоговое бремя, то это не лишает его налоговых льгот, предоставляемых законом страны или налоговым договором. Но, – уточнял Клаус Фогель, – если правовая система желает оставаться справедливой, этому неизбежно наступают предел: такое случается, когда деятельность реального получателя дохода сводится исключительно к использованию преимуществ соглашений об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) двух государств [1, р.

79]. Поэтому со второй половины прошлого века тенденция налоговой политики описывается как поступательное ужесточение налогового администрирования, призванное стимулировать налогоплательщиков отказываться от практик и принципов ведения бизнеса, негативно оцениваемых государством. Цель достигается совершенствованием существующих и выработкой новых доктрин, концепций и инструментов налогового права, в процессе чего могут проявляться национальные особенности систем права. Это особенно заметно в случае универсальных международных фискальных инструментов.

В нашем случае это бенефициарная собственность на доход из ст. 10–12 Модельной конвенции ОЭСР о налогах на доходы и капитал (далее – МК ОЭСР) или, в российском варианте, фактическое право на доход. Реформа Комментария к ст. 10–12 МК ОЭСР, проведенная в 2011–2014 годах, и имплементация плана BEPS [2] объединили многие страны мира в поиске лучших способов борьбы с злоупотреблениями СИДН. Но даже если все страны будут двигаться в одном направлении, некоторые из них могут выбирать собственные пути, отличающиеся от главной дороги.

Например, такой развилкой стала интерпретация теста на бенефициарного собственника в ст. 10–12 МК ОЭСР как антиуклонительного правила против некоторых случаев *treaty shopping* (смотри п. 12.5 Комментария к ст. 10, п. 10.3 Комментария к ст. 11 и п. 4.4 Комментария к ст. 12). ОЭСР предложила такую формулировку в 2011 году [3] и первоначально она была отвергнута деловыми кругами.

Противники писали, что такой шаг противоречит предмету налоговой конвенции (устранение международного двойного налогообложения, предотвращение уклонения от уплаты налогов и избегания налогообложения). Что бенефициарная собственность станет правилом, которое будет применяться субъективно и оппортунистически, порождая неопределенность. Или что борьба со злоупотреблениями СИДН подпадает под юрисдикцию государств. Необходимо отделить тест на бенефициарного собственника и антиуклонительные правила. Бенефициарная собственность четко не определена, поэтому должны применяться конкретные антиуклонительные правила [4–12].

Но после утверждения МК ОЭСР 2014 года [13] с этой формулировкой ее оценка резко изменилась: в ней больше не видят угрозы и неопределенного правила. В большинстве случаев иностранная доктрина оценивает результат реформы как вероятное признание ОЭСР недостаточной эффективности бенефициарной собственности, которая может потерять ценность в борьбе с *treaty*

shopping по сравнению с тем временем, когда по просьбе Соединенного Королевства она была внесена в МК ОЭСР [14, р. 47–49; 15, р. 84–85; 16, р. 25–33; 17, р. 47–48]. Подтверждение этой точки зрения видится в отсутствии упоминания о бенефициарной собственности в плане BEPS [18, р. 36; 19, р. 66–69]. Противоположное мнение встречается редко [20, р. 10–12; 21, р. 25–26].

В российском налоговом праве все обстоит по-другому. Отечественная доктрина рассматривает бенефициарную собственность как антиуклонительное правило, применимое к защите внутреннего налогового законодательства (наряду с правилами деловой цели, существа над формой, трансфертного ценообразования, недостаточной капитализации, контролируемой иностранной компании и другими) [22–28]. Против аргумента, что в плане BEPS нет упоминания о бенефициарной собственности, выдвигается аргумент, что в окончательном отчете о действии 6 плана BEPS [29] учитывается связь теста на бенефициарного собственника с борьбой против treaty shopping [30, с. 94].

Наконец, российские фискальные власти определяют фактическое право на доход (бенефициарную собственность) как антиуклонительное правило, которое применяется к любым доходам, выплачиваемым иностранным компаниям [31]. Фактическое право на доход (бенефициарная собственность) является универсальным антиуклонительным правилом против размывания налоговой базы и выведения прибыли [32].

Одна из причин придания фактическому праву на доход значения универсального инструмента может таиться в обязательствах, принятых Российской Федерацией при подписании в 2017 году многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (далее – MLI) [33]. История применения СИДН с участием Российской Федерации затрудняет прямое выполнение принятых обязательств.

Заключительный отчет о действии 6 плана BEPS, примечание к ст. 29 МК ОЭСР 2017 года [34] и пункты 1–7 Комментария к этой ст. 29 предполагают, что государства включают в текст СИДН:

- сочетание правила limitation on benefits (LOB) и principal purpose test (PPT), либо
- только PPT, либо
- один из вариантов LOB, но только если существует внутреннее антиуклонительное правило, дополняющее выбранный вариант LOB.

Каждая страна выбирала вариант при подписании MLI. Например, Швеция выбрала PPT [35]. Российская делегация выбрала сочетание LOB и PPT,

эти правила должны быть включены в максимально возможное количество СИДН [36-37].

Правило LOB знакомо российскому законодательству с 1992 года, когда оно появилось в СИДН с Соединенными Штатами [38]. В настоящее время в том или ином варианте LOB присутствует в 14 СИДН или протоколах к ним, ратифицированных Российской Федерацией. Но случаи применения LOB единичны, сравнительно молодая судебная практика исчерпывается двумя делами по ст. 29 СИДН с Республикой Кипр: *Eastern Value Partners Limited* (иск проигран налоговой службой) [39–40] и ПАО «Северсталь» (налоговая служба выиграла иск) [41]. Российские фискальные власти не имеют опыта реализации правила LOB и решение этой проблемы займет длительное время [42, с. 109].

LOB является договорным SAAR, вторым таким правилом является бенефициарная собственность. Правила не взаимозаменяемы [43], но если один из двух механизмов неисправен, то на ум приходит мысль перейти к исправному механизму. Для этого необходимо решить ряд проблем.

Так, фактическое право на доход должно стать универсальным антиуклонительным правилом. Отечественная практика склоняется к этому, например, в деле ПАО «Владимирская энергосбытовая компания» аргумент, что кипрский контрагент не был бенефициарным собственником дохода, подтвердил иск налоговой службы, связанный с налогом на прибыль [44–46]. Будучи правилом только против некоторых случаев *treaty shopping* условие о бенефициарном собственнике оценивает, не ограничен ли получатель дохода в праве пользоваться и обладать полученным, не обладает ли кто-то в отношении этих средств более широкими полномочиями – юридическими и фактическими правами пользоваться и обладать (см. Комментарии к ст. 10–12 МК ОЭСР 2014 и 2017 гг.). Но для широкого правила против злоупотребления СИДН этого мало, оно должно позволять находить ответы на вопросы 1) кто реально привлекает договорную выгоду и 2) соответствует ли это фундаментальным долгосрочным планам и замыслам совместной политики, разделяемым обоими государствами в качестве цели налогового соглашения в широком смысле. В таком ключе бенефициарная собственность ассоциируется уже со сквозным подходом (*look-through approach*), названным в докладе ОЭСР о кондуитных компаниях в одном ряду со срыванием корпоративной вуали (*piercing the veil of the company*) [48, par. 24].

Другая проблема: правило LOB может применяться одновременно с PPT, но возможно ли такое в случае бенефициарной собственности и PPT? Зарубежная доктрина скорее всего ответит отрицательно [18, р. 54–55; 19, р. 66–

69]. В российской же практике фактическое право на доход уживается с PPT. Дела, упомянутые ФНС России в письме от 28.04.2018 № СА-4-9/8285@ (ООО «Краснобородский Южный» [49] и ООО «Аукционная компания “Союзпушнина”» [50]) служат примерами одновременного применения PPT и теста СИДН на лицо, имеющее фактическое право на доход. Примеры в чем-то сходны с делами футбольного клуба Real Madrid и членов его команды, в которых испанские суды приравнивали тест на бенефициарную собственность из испанских СИДН к GAAR из испанского налогового законодательства (концепция бенефициарной собственности была приравнена к тесту бизнес-цели) [20, р. 19; 51, р. 25]. Возможно, развитие российской судебной практики будет идти в этом направлении.

Итак, в конкретной правовой системе международная фискальная концепция бенефициарной собственности может приобретать индивидуальные черты, она не бывает свободна от специфики внутреннего законодательства страны, применяющей СИДН. Например, апелляционное решение по делу Indofud считается первым судебным актом, основывающимся на международном фискальном значении концепции, но в основании этого вердикта видят ошибочное толкование английским судьей позиции индонезийских фискальных властей, не выступавших против treaty shopping [52, р. 50]. Испанские суды в делах футбольного клуба Real Madrid и членов его команды, толкуя международное фискальное значение бенефициарной собственности, относящейся к договорным SAAR, приравнивали ее к внутренним испанским GAAR. В решении по делу Prévost Car Inc. видят определение бенефициарной собственности по канадскому закону и пример того, как судьи толкуют термины по внутреннему законодательству, которое они знают лучше всего, вопреки утверждению ряда комментаторов, что термин «beneficial owner» имеет международное фискальное значение [53, р. 42–43].

После реформы МК ОЭСР 2014 года и имплементации плана BEPS наметилась особая позиция отечественного толкования бенефициарной собственности, заявленная в упомянутых выше письмах ФНС России. Вероятно, отечественная практика не сможет обойтись без превращения фактического права на доход в универсальное антиуклонительное правило, в таком случае мы разойдемся с подходом, провозгласившим падение значения бенефициарной собственности как антиуклонительного правила, особенно после начала реализации плана BEPS.

Список использованных источников:

1. Vogel, K. Double Tax Treaties and Their Interpretation. 4 Int'l Tax & Bus. Law. 1 (1986) // Berkeley Journal of International Law. – 1986. – Volume 4. – Issue 1, Spring. – Article 1. – 86 p.
2. OECD: Action Plan on base Erosion and Profit Shifting (Jul. 2013) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/ctp/BEPSActionPlan.pdf>.
3. Clarification of the meaning of «beneficial owner» in the OECD Model Tax Convention: Discussion draft (29 April 2011 to 15 July 2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/47643872.pdf>.
4. European Business Initiative on Taxation (EBIT): Comments – draft changes to the Commentary on Articles 10, 11 and 12 of the OECD Model Tax Convention concerning the meaning of the term «beneficial owner» (8 July 2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/48357716.pdf>.
5. City of London Law Society (CLLS): CLLS Revenue Law Committee responds to clarification of the meaning of «beneficial owner» in the OECD Model Tax Convention (12 July 2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/48391035.pdf>.
6. Hongkong and Shanghai Banking Corporation Limited (HSBC): Comments on Discussion Draft – Clarification of the Meaning of «Beneficial Ownership» in the OECD Model Tax Convention (14 July 2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/48413959.pdf>.
7. Kim & Chang: Comments on the Clarification of the meaning of «Beneficial Owner» in the OECD Model Tax Convention – Discussion Draft (14 July 2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/48413696.pdf>.
8. Association for Financial Markets in Europe (AFME): AFME initial comments on the OECD's discussion draft – clarification of the meaning of «beneficial owner» in the OECD Model Tax Convention (15 July 2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/48413772.pdf>.
9. IFA Grupo Mexicano, A.C: Discussion Draft – Clarification of the Meaning of «Beneficial Owner» in the OECD Model Tax Convention (3 August 2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/48504135.pdf>.
10. Andreas Neocleous & Co LLC: Comments on the Clarification of the meaning of «Beneficial Owner» found in the Articles 10, 11 and 12 in the OECD Model

- Tax Convention (26 July 2011) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/48445141.pdf>.
11. Business and Industry Advisory Committee to the OECD (BIAC): BIAC response to the OECD Model Tax Convention: Revised Discussion Draft on the Meaning of «Beneficial Owner» in Articles 10, 11 and 12 (14 December 2012) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/ctp/treaties/BENOWNBIAC.pdf>.
 12. Capital Markets Tax Committee of Asia (CMTCA): Received Public Discussion Draft – Revised Proposals Concerning the Meaning of Beneficial Owner in Articles 10, 11 and 12 of the OECD Model Tax Convention («the Received Proposals») (14 December 2012) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oecd.org/ctp/treaties/BENOWNCapital_Markets_Tax_Committee_Asia.pdf.
 13. OECD Model Tax Convention on Income and on Capital. Condensed Version (15 July 2014) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/taxation/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-condensed-version-2014_mtc_cond-2014-en#page1.
 14. Vallada, F. Beneficial Ownership under Articles 10, 11 and 12 of the 2014 OECD Model Convention // The OECD-Model-Convention and its Update 2014: Schriftenreihe IStR Band 90. von Michael Lang, Pasquale Pistone, Alexander Rust, Claus Staringer, Alfred Storck, Josef Schuch. – Wien: Linde Verlag, 2015. – P. 25–50.
 15. Bjarnason, P. Hugtakið raunverulegur eigandi: Meistararitgerð í lögfræði, lagadeild Há skóla Íslands. – Reykjavík, 2015. – 91 b.
 16. Jensen, Ph. G. Dansk kildebekæftelse af udbyttet – vurdering af retmæssig ejer og omgængelsesklausuler: Kandidatafhandling, Copenhagen Business School. – Copenhagen, 2015. – 74 s.
 17. Hagmann, Fr. Beneficial Ownership – a concept in identity crisis: Graduate Thesis, Master of Laws program. Faculty of Law, Lund University. – Lund, 2017. – 52 p.
 18. Danon, J. R. Treaty Abuse in the Post-BEPS World: Analysis of the Policy Shift and Impact of the Principal Purpose Test for MNE Groups // Bulletin of International Taxation. – January 2018. – P. 31–55.
 19. Malek, B. The concept of beneficial ownership in tax treaty practice: Master Thesis. School of Law, Faculty of Law, Criminal Justice and Public Administration, University of Lausanne. – Lausanne, 2018. – 73 p.

20. Alvarez, M., García, F., Marziali, N. Aproximacion al concepto de beneficiario efectivo. – 30 p. [Электронный ресурс]. – URL: http://fcea.edu.uy/Jornadas_Academicas/2016/Ponencias/Contabilidad/Marziali,%20Alvarez%20y%20Garcia.pdf.
21. Pérez, J. D. P. Are the LOB provisions efficient measures to prevent tax treaty hopping by taxpayers? Master Thesis, LL.M. International Business Taxation. Tilburg University. – Tilburg, 2017. – 52 p.
22. Брук, Б.Я. Перспективы кодификации концепции бенефициарного собственника в российском налоговом законодательстве / Б.Я. Брук // Закон. – 2014. – № 8. – С. 43–57.
23. Брук, Б.Я. Предотвращение неправомерного использования льгот, предусмотренных соглашениями (договорами, конвенциями) об избежании двойного налогообложения: настоящее и будущее / Б.Я. Брук // Закон. – 2016. – № 5 – С. 122–136.
24. Винницкий, Д.В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики / Д.В. Винницкий. – М.: Статут, 2017. – 463 с.
25. Хаванова, И.А. К вопросу о понятии «фактическое право на доход» в налоговом праве / И.А. Хаванова // Финансовое право. – 2014. – № 11. – С. 32–37.
26. Хаванова, И.А. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве / И.А. Хаванова // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 50–60.
27. Хаванова, И.А. Международные договоры Российской Федерации об избежании двойного налогообложения / И.А. Хаванова; под ред. И.И. Кучерова. – М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2016. – 352 с.
28. Гидирим, В.А. Основы международного корпоративного налогообложения / В.А. Гидирим. – М.: Человек слова, 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/vladimir-gidirim/osnovy-mezhdunarodnogo-korporativnogo-nalogooblozheniya/>.
29. Preventing the Granting of Treaty Benefits in Inappropriate Circumstances, Action 6 – 2015 Final Report, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. OECD Publishing, Paris. 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264241695-en.pdf?expires=15244455484&id=id&accname=guest&checksum=DFE00B685562F388C61FBC38A3D6FB03>.

30. Мачехин, В.А., Борьба с неправомерным использованием льгот, предоставляемых договорами об избежании двойного налогообложения, в Докладе по Направлению 6 Плана БЭПС / В.А. Мачехин, О.С. Маршанкулова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1. – С. 92–99.
31. О практике рассмотрения споров по вопросу неправомерного применения налоговыми агентами льготных условий налогообложения при взимании налога на прибыль с доходов иностранных организаций [Электронный ресурс] : письмо ФНС РФ от 17.05.2017 г. № СА-4-7/9270@ (ред. от 31.05.2017 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: законодательство».
32. О практике рассмотрения споров по применению концепции лица, имеющего фактическое право на доход (бенефициарного собственника) [Электронный ресурс] : письмо ФНС РФ от 28.04.2018 г. № СА-4-9/8285@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: законодательство».
33. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-BEPS.pdf>.
34. OECD Model Tax Convention on Income and on Capital. Condensed Version (21 November 2017) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/taxation/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-condensed-version-2017_mtc_cond-2017-en#page1.
35. Eckert, J.-B., Rossat, Ch. Switzerland: The concept of beneficial ownership in double tax treaties in the context of financial transactions [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.internationaltaxreview.com/Article/3745736/Switzerland-The-concept-of-beneficial-ownership-in-double-tax-treaties-in-the-context-of-financial.html>.
36. О подписании многосторонней Конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения [Электронный ресурс] : справка Министерства финансов РФ к распоряжению Правительства РФ от 20.05.2017 г. № 963-р. – URL: <http://government.ru/docs/27781/>.
37. Russian Federation: Status of List of Reservations and Notifications at the Time of Signature [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/treaties/beps-mli-position-russia.pdf>.

38. Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал : договор между РФ и США от 17.06.1992 г. // СЗ РФ. – 1999. – № 16. – Ст. 1938.
39. Решение АС г. Москвы от 29.08.2012 г. по делу № А40-60755/12-20-388 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: законодательство».
40. Постановление Девятого ААС от 05.12.2012 г. № 09АП-33421/2012-АК [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: законодательство».
41. Постановление Девятого ААС от 07.02.2017 г. № 09АП-63463/2016 по делу № А40-113217/16 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: законодательство».
42. Демин, А.В., Доктрина бенефициарной собственности в контексте BEPS: новые горизонты / А.В. Демин, А.В. Николаев // Закон. – 2018. – № 8. – С. 102–113.
43. Yoshimura Koichiro Clarifying the Meaning of «Beneficial Owner» in Tax Treaties // Tax Analysts. 2013. November. – P. 761–782.
44. Решение АС Владимирской области от 17.01.2017 г. по делу № А11-6602/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: законодательство».
45. Постановление Первого ААС от 15.05.2017 г. по делу № А11-6602/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: законодательство».
46. Постановление АС Волго-Вятского округа от 07.08.2017 г. № Ф01-3058/2017 по делу № А11-6602/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс: законодательство».
47. Van Weeghel, S. The Improper Use of Tax Treaties, With Particular Reference to the Netherlands and the United States. – Kluwer Law International, 1998. – xv + 283 p.
48. Double Taxation Conventions and the Use of Conduit Companies, adopted by the OECD Council on 27 November 1986 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/taxation/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2010/r-6-double-taxation-conventions-and-the-use-of-conduit-companies_9789264175181-99-en#page1.
49. Решение ААС Кемеровской области от 13.10.2016 г. по делу № А27-20527/2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/1ld7BM8ssC1y/>.

50. Постановление АС МО от 05.04.2018 г. по делу № А40-73573/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/557084174/>.
51. Vitko, An. *Per Aspera ad Astra: Towards the International Fiscal Meaning of the Concept «Beneficial Owner»*: Master thesis. Lund University. – Lund, 2011. – 40 p.
52. KandeV, M. N. *Tax Treaty Interpretation: Determining Domestic Meaning Under Article 3(2) of the OECD Model* // *Canadian Tax Journal/Revue fiscale Canadienne*. – 2007. – Vol. 55. – № 1. – P. 31–71.
53. Arnold, Br. J. *The Concept of Beneficial Ownership under Canadian Tax Treaties* // *Beneficial Ownership: Recent Trends*. by Michael Lang, Pasquale Pistone et al. – Amsterdam: IBDF, 2018.

УДК 343.2

ПОНИМАНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

© В.В. Питецкий

Сибирский федеральный университет

Несомненным достоинством действующего УК РФ является то, что уголовно-правовые принципы впервые закреплены в конкретных правовых нормах. Однако недостатком действующего уголовного законодательства следует признать относительную декларативность некоторых из них. Поэтому исследование содержания правовых принципов, тем более принципа вины¹, выступающего важнейшей уголовно-правовой гарантией соблюдения прав и свобод граждан и одновременно средством защиты от необоснованной уголовной ответственности, имеет особую актуальность. Принцип вины является основополагающим в уголовном праве, так как достижение целей уголовного наказания и отдельных мер уголовно-правового характера возможно только при наличии определенной упречности поведения субъекта, выраженной в отрицательном отношении к общественным ценностям при совершении преступления. Без указанного отрицательного отношения нет и преступного деяния в смысле ч. 1 ст. 14 УК РФ. В ч. 1 ст. 5 УК РФ говорится: «Лицо подлежит

¹ Иногда его называют принципом «виновной ответственности» или «виновного вменения» [1].

уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина».

В уголовном праве антиподом виновного вменения является объективное вменение. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, в соответствии с ч. 2 ст. 5 УК РФ, не допускается. Казалось бы, с принятием УК РФ и закреплением в ст. 5 УК соответствующего принципа вины, проблема объективного вменения нашла свое логическое завершение, законодатель указал ориентиры, которыми необходимо руководствоваться в принятии решения. Однако, как показывает исследование, это далеко не так. Причем объективное вменение понимается неоднозначно и проявляется в разных направлениях правоприменения.

Чаще всего объективное вменение усматривается в неправильном установлении субъективной стороны преступления на основе фактических обстоятельств дела, а также в установлении виновного отношения к содеянному при отсутствии такового (невиновное причинение вреда). Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия, отменяя решение суда первой инстанции, указала, что «при обсуждении вопроса о квалификации преступных действий С., суд ограничился лишь констатацией факта приведенных выше обстоятельств, исходя из объективного вменения, без должного анализа наличия или отсутствия прямого умысла на совершение убийства. При этом с учетом семейного положения и психического (эмоционального) состояния С., характера и локализации ударов, суд не дал оценки указанным обстоятельствам, которые в совокупности свидетельствуют, что осужденный мог безразлично относиться к последствиям от своих действий» [2].

Тщательное исследование субъективной стороны позволяет своевременно отграничить транспортные преступления от невиновного причинения вредных последствий. Анализ судебной практики показывает, что в ней нередко встречаются случаи объективного вменения по такого рода делам. Порою суды не учитывают объективные и субъективные особенности ситуации и вменяют водителю в вину наступление последствий, которые он не должен был или не мог предвидеть. Верховный Суд РФ неоднократно разъяснял, что водитель, движущийся с соблюдением Правил дорожного движения, не обязан исходить из возможности грубого нарушения этих Правил другими водителями, если он не должен был и не мог предвидеть такое нарушение [3]. Президиум Липецкого областного суда в своем решении от 22 марта 2002 г. ука-

зал, что Ф., даже нарушая Правила дорожного движения, не располагал возможностью увидеть из кабины запрыгнувшего на подножку комбайна Ж. При изложенных обстоятельствах Ф. не мог осознать, что в результате допущенных им нарушений Правил может пострадать Ж., и в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 264 УК РФ [4].

Другим распространенным случаем является учет при квалификации фактических обстоятельств, которые не были исследованы и доказаны в суде. Так, «приговор по делу о выращивании запрещенных к возделыванию растений, а также о культивировании сортов конопли, содержащих наркотические вещества, изменен в части переквалификации действий осужденного с ч. 1 ст. 30, п. "б" ч. 2 ст. 228.1 УК РФ на ч. 1 ст. 228 УК РФ, так как вывод суда о том, что осужденный осуществлял приготовления к сбыту наркотического средства, является объективным вменением, предположением (выделено нами – В.П.), которое не может быть положено в основу приговора» [5]. По другому делу: «Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан пришла к выводу, что, суд не установив (выделено нами – В.П.), кто, когда и при каких обстоятельствах изготавливал указанное выше количество наркотического средства, допустил объективное вменение в отношении Самойлова, что в соответствии со ст. 5 ч. 2 УК РФ не допускается» [6]. Полагаем, что подобных случаях речь должна идти не о нарушении принципа вины (ст. 5 УК РФ), связанного с надлежащим установлением субъективного отношения к содеянному, а о нарушении принципов всестороннего судебного разбирательства и презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), которое выразилось в предположении о существовании недоказанного в суде факта произошедшего события.

Иногда суды усматривают объективное вменение в нарушении принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) и требования дифференциации уголовной ответственности. Например, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Рязанского областного суда говорится: «Суд неправильно сослался на ст. 35 УК РФ, так как допустил объективное вменение, отказавшись от разграничения ролей каждого из соучастников» [7].

Интересными представляются и иные случаи упоминания в судебных актах положения об объективном вменении. Так, решая вопрос об условно-досрочном освобождении, Судебная коллегия по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа указала «Указанная норма (ст. 79 УК РФ) материального права носит дискреционный характер, то есть судебное усмотрение, при этом, вывод судьи для признания, что лицо вследствие своего ис-

правления не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, должен базироваться на принципах объективной истины (объективное вменение)» [8]. В другом решении этого же суда: «Доводы кассационной жалобы не основаны на правильном восприятии механизма правового регулирования проверки и оценки доказательств по уголовному делу частного обвинения, а также не основаны на принципах уголовного судопроизводства – равноправие сторон, состязательность, объективное вменение (объективная истина) (выделено нами – В.П.)» [9]. Очевидно в данном случае также объективное вменение понимается в ином, отличном от положений ст. 5 УК РФ смысле, как необходимый этап уголовно-процессуальной деятельности, связанный с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию, а именно события преступления, времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления (ст. 73 УК РФ).

По нашему мнению, не вносит ясности в понимание недопустимого объективного вменения сама законодательная его регламентация в ч. 2 ст. 5 УК РФ. Данная норма объективным вменением называет ситуацию привлечения к ответственности при установленном отсутствии виновного отношения. Однако, во-первых, вывод о недопустимости такового логически прямо вытекает из ч. 1 ст. 5 УК, которая допускает привлечение к уголовной ответственности только при наличии вины, а также иных норм – ст. 8, 14, 24 УК РФ и др. Во-вторых, зачастую объективное вменение проявляется на более раннем этапе, как вывод о виновности при установленном факте причинения лицом вреда. В-третьих, привлечение к ответственности при отсутствии вины, это лишь один из немногих, «крайний» вариант его проявления. Полагаем, что и сам принцип вины в ч. 1 ст. 5 УК РФ сформулирован в законодательстве не полно, так как закрепляет только требование наличия субъективного отношения. Однако субъективное отношение лица может существенно различаться, и эти различия должны адекватным образом отражаться при квалификации и назначении наказания. Последнее, к сожалению, не нашло отражение в действующей регламентации принципа вины, а любое отступление от этого требования следует признавать проявлением объективного вменения.

Распространенным случаем нарушения принципа вины следует признать неправильный учет осознания (неосознания) фактических обстоятельств при совершении умышленных преступлений (ст. 25 УК РФ). В умышленных преступлениях лицо должно осознавать, что причиняет вред общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом, должны отразиться совершаемое им деяние (действие или бездействие), а также иные обстоятельства его совершения, то есть все предусмотренные законом признаки объективной

стороны преступления. Осознание общественной опасности объективных обстоятельств может проявляться в уверенности их наличия (знании) либо в одобрительном допущении их наличия (предположении). Если какое-то объективное обстоятельство умышленного преступления не осознается субъектом, то учитывать его при квалификации нельзя.

Если виновный субъект исходит из предположения о существовании соответствующего квалифицирующего обстоятельства, то есть стремится причинить соответствующему дополнительному объекту, деяние следует оценивать в соответствии со ст. 30 УК РФ в качестве покушения на преступление с учетом данного дополнительного обстоятельства. Нарушение этого требования (объективное вменение) усматривается в постановлении Президиума Верховного Суда РФ по делу Кайсина. Установлено, что после того как потерпевшая К. сообщила Кайсину о своей беременности и потребовала деньги, последний ударил потерпевшую бутылкой по голове и несколько раз ногой по лицу. Когда потерпевшая потеряла сознание, Кайсин накинул потерпевшей на шею петлю и привязал к ручке створки печи. В результате механической асфиксии потерпевшая скончалась на месте происшествия.

Суд первой инстанции квалифицировал эти действия Кайсина по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Заместитель Генерального прокурора РФ в надзорном представлении просил изменить судебные решения, исключить из осуждения Кайсина ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил надзорное представление прокурора по следующим основаниям. Согласно ч. 2 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений может быть признано одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Уголовного кодекса. Из приговора видно, что одни и те же действия Кайсина суд квалифицировал и как убийство, и как покушение на убийство, то есть по различным частям одной статьи УК РФ. Умысел Кайсина на лишение жизни потерпевшей был полностью реализован и в результате его действий наступила смерть потерпевшей. Квалификация действий Кайсина как покушение на убийство является излишней [10, с. 21]¹. Таким образом, суд при квалификации не учел требования принципа виновного вменения и ст. 30 УК РФ, а исходил из фактически причиненного вреда, что представляется неверным. Следовало исключить не указание на ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а указание на ч. 1 ст. 105 УК РФ. Как указывает А.И. Рарог, в данном случае при квалификации «допуска-

¹ Аналогичное решение было принято в постановлении Президиума Верховного Суда РФ № 420-П07 [11].

ется юридическая фикция: фактически оконченное преступление квалифицируется как покушение. Эта фикция оправдана тем, что хотя общественно опасное последствие и наступило, но все же в реальной действительности оно не сопровождалось тем квалифицирующим обстоятельством, которое охватывалось сознанием виновного и которое в соответствии с направленностью умысла обосновывает усиление ответственности» [12, с. 142]. Важным является и то, что оценка деяния в качестве покушения не повлечет нарушение принципа справедливости, на что ссылаются некоторые авторы, так как пределы наказания по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ будут строже, чем по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Это позволит учесть фактическое наступление последствий.

В соответствии с принципом вины, в случае если виновное лицо лишь ошибочно допускало существование квалифицирующего обстоятельства, которое в действительности отсутствовало, то есть не стремилось к причинению дополнительного вреда, содеянное, по нашему мнению, нельзя признавать покушением на преступление. Квалифицировать необходимо в зависимости от фактически наступивших последствий.

В итоге предлагается следующее определение принципа вины:

1. Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. При привлечении к уголовной ответственности необходимо учитывать характер и степень виновного отношения лица, совершившего преступление.

2. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, а также без учета характера и степени виновного отношения лица, совершившего преступление, не допускается.

Список использованных источников:

1. Намнясева, В.В. Уголовно-правовые гарантии от объективного вменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Волгоград, 1996.
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 11.08.2011 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 10.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 4.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 16.03.2010 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 31.01.2012 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Судебной коллегии по уголовным делам Рязанского областного суда от 29.07.2010 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
8. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Ямало-Ненецкого автономного округа от 19.05.2011 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Ямало-Ненецкого автономного округа 24.03.2011 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 361п04пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 1.
11. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2008 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 8.
12. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : прак. пособие / А.И. Рарог. – М.: ТК Велби, 2006.

УДК 343.7

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВНОЙ НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО ПРИСВОЕНИЯ АВТОРСТВА (ПЛАГИАТА)

© Н.Ю. Рычкова

Сибирский федеральный университет

В соответствии с ч. 1 ст. 146 УК РФ присвоение авторства (плагиат) признается преступным, если оно причинило автору или иному правообладателю крупный ущерб.

В уголовно-правовой литературе высказаны разные мнения о том, какие именно последствия плагиата должны охватываться понятием ущерба. Согласно первой позиции, последствия носят неимущественный характер, и поэтому при определении крупного ущерба следует учитывать «степень нарушения конституционных прав, подрыв деловой репутации вследствие неподкон-

трольного распространения контрафактных экземпляров с некачественной записью и др.» [1, с. 61]. Следуя второй, к ущербу следует относить лишь имущественный вред [5, с. 42]. Наконец, опираясь на третью позицию, крупный ущерб нужно рассматривать как материальный, так и моральный вред [10, с. 140–141; 12, с. 95]. Однако в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» указано, что при квалификации действий виновных по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 146 УК РФ, причиненный потерпевшему моральный вред, в том числе связанный с подрывом его деловой репутации, учитываться не должен [7].

Умаление авторства способно непосредственно причинить только моральный вред, хотя опосредованно может быть также нанесен и иной вред, в том числе, имущественный. Так, испытывая психологический дискомфорт, лицо бывает вынуждено обращаться за медицинской помощью, проходить обследование, принимать лечение, другими словами, нести имущественные расходы, необходимые для восстановления утраченного здоровья, что, естественно, не замедлит отразиться на финансовом положении потерпевшего.

Необходимо определиться, следует ли рассматривать в качестве ущерба имущественные потери, возникшие в результате претерпевания морального вреда. Имущественный вред, будучи последствием причинения морального вреда, в то же время напрямую с плагиатом не связан. Очевидно, что умысел, с которым обычно совершается присвоение авторства, не охватывает данные имущественные расходы, так как вероятность причинения такого вреда является не реальной, а абстрактной. Следовательно, имущественный вред, возникший в результате претерпевания морального вреда, не может учитываться при определении ущерба рассматриваемого преступления.

Таким образом, имущественный вред, образующийся вследствие присвоения авторства (плагиата) – это всегда следствие посягательства на имущественные права автора. Итак, под крупным ущербом в ч. 1 ст. 146 УК РФ следует понимать только ущерб имущественный.

Право авторства, без нарушения которого присвоение авторства (ч. 1 ст. 146 УК) не преступно, бесспорно, «страдает» при каждом таком посягательстве. Однако плагиат, не причинивший крупный имущественный ущерб, признается не преступлением, а административно-правовым деликтом или гражданско-правовым нарушением. Следовательно, общественную опасность, достаточную для включения плагиата в число уголовно-правовых деяний, при-

дает именно последствие – причинение имущественного ущерба. Таким образом, на роль основного непосредственного объекта могут претендовать только имущественные права, а право авторства – дополнительный объект [4; 13, с. 884, 890].

И здесь неизбежен вопрос – какие именно имущественные права автора нарушаются при преступном присвоении авторства (плагиате), а значит, являются объектом данного преступления. Так, А.И. Кананович относит к основному непосредственному объекту имущественные интересы авторов и иных правообладателей [3, с. 16].

К числу закрепленных в ГК РФ имущественных прав автора относятся: исключительное право, право следования, право на вознаграждение [9, с. 13–14], право использования произведения науки, литературы и искусства.

Среди них ведущее значение придается исключительному праву, поскольку оно всегда позволяет использовать произведение науки, литературы и искусства и получать доход от такого использования. *Без нарушения исключительного права нарушение права авторства неправомерно*. Ущербом, бесспорно, охватываются имущественные потери, возникшие в результате незаконного использования произведения, то есть вследствие *нарушения исключительного права*.

Поскольку уголовно-правовая охрана права авторства сфокусирована на охране последнего только *в случае использования* объекта авторского права, исключительное право ни при каких условиях не может признаваться *факультативным* непосредственным объектом преступного присвоения авторства (плагиата).

Не может оно признаваться и дополнительным непосредственным объектом нарушения авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 146 УК РФ). *Посягательство на исключительное право определяет квалификацию деяния как преступного, так как в результате нарушения именно исключительного права, а не права авторства образуется крупный ущерб*.

Таким образом, признак крупного ущерба, бесспорно, указывает на исключительное право как на основной непосредственный объект преступного присвоения авторства (плагиата) [4].

Право следования – право на получение процентных отчислений в случае перепродажи оригиналов произведений искусства через специализированные салоны – не может быть нарушено в результате присвоения авторства. Право следования распространяется на случаи перепродажи оригиналов произведений, *собственноручно написанных* автором либо напечатанных с по-

мощью технического устройства и *подписанных им*, а также на случаи перепродажи копий (повторов) произведений изобразительного искусства, сделанных самим автором или под его руководством, *подписанных или иным способом отмеченных* автором [8]. Если на произведении вместо имени подлинного автора ставится имя плагиатора, данный объект становится контрафактным. На оборот контрафактных экземпляров право следования не распространяется. Это следует из статьи 1272 ГК РФ, в которой указано: если оригинал произведения правомерно введен в гражданский оборот на территории РФ путем продажи или иного отчуждения, *дальнейшее распространение оригинала* допускается без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения, за исключением случая, предусмотренного ст. 1293 ГК РФ. Иными словами, право на получение дохода от перепродажи допускается при условии правомерного оборота произведения. Оборот контрафактного произведения требованиям ст. 1272 ГК РФ не соответствует, представляя собой нарушение исключительного права.

Право на вознаграждение объектом преступного присвоения авторства (плагиата) охватывается. Например, по издательскому договору автор передал исключительное право на произведение своему издателю, сохранив при этом право на получение вознаграждения от продажи экземпляров опубликованного произведения. Если его произведение было присвоено и опубликовано иным лицом, не исключено, что и издатель, и автор не получат все доходы от реализации, на которые они рассчитывали при заключении договора. Такой вариант развития событий возможен, но не обязателен¹. Следовательно, имущественное право на вознаграждение составляет не основной объект преступного присвоения авторства (плагиата), а *факультативный*.

¹ О.А. Федорова приводит пример уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 146 УК РФ (в редакции, действовавшей ранее). В 1998 г. Трофимов С.А. присвоил авторство на разработанную Гольцовым А.В. по служебному заданию МГП «Квант» Методику ускоренного изучения иностранных языков «Быстрый учитель», зарегистрировав ее в РАО под наименованием «Авторское описание методики по изучению английского языка «Intellect» и реализовывал обучающие программы на ее основе, совершив преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 146 УК РФ. Трофимов реализовал 25 контрафактных программ по цене от 249 до 295 долларов США на общую сумму не менее 5000 долларов США. Действиями Трофимова МГП «Квант» был причинен крупный ущерб в виде упущенной выгоды, уменьшения рынка сбыта реальной продукции, а Гольцову был причинен моральный вред в виде утраты личных неимущественных авторских прав на служебное произведение [12, с. 86–87]. В этом случае было нарушено и право авторства, и исключительное право, а право на вознаграждение за служебное произведение могло быть нарушено только при условии, что размер вознаграждения был поставлен в зависимость от доходов, полученных работодателем от использования произведения. Пример интересен еще и тем, что сложилась аналогичная ситуация

Право использования произведения науки, литературы и искусства предоставляет его обладателю возможность использовать произведение *на основании договора* с правообладателем и в пределах, предусмотренных этим договором.

По мнению некоторых ученых, право использования – это не самостоятельное право, а часть исключительного права [2, с. 611].

Однако, опираясь на положения ГК РФ, необходимо признать, что право использования и исключительное право – права разные. Несомненно, экономическая сущность этих прав одина, но это не дает оснований говорить о единстве юридическом. Тогда и право пользования, предоставляемое на основании договора аренды, было бы логично считать частью права собственности. Между тем, в науке гражданского права эти права всегда воспринимались как самостоятельные.

В судебной практике различают исключительное право и право использования объекта интеллектуальной собственности. Так, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» в договоре о залоге должно быть определено, заложено ли *исключительное право* на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме или *право использования* такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах [6]. Таким образом, исключительное право, будучи правом абсолютным, принадлежащим правообладателю, признается нетождественным праву использования, как праву относительному, связывающему лицензиара с лицензиатом.

Поскольку для правообладателя заключение договора, предоставляющего право использования произведения третьему лицу, необязательно, присвоение авторства не всегда способно затронуть право использования. Следовательно, право использования произведения науки, литературы и искусства – также факультативный объект нарушения авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 146 УК РФ).

Итак, исключительное право – *единственное* имущественное право, составляющее содержание основного непосредственного объекта преступного

на сегодняшний день, потерпевшим следовало бы признать только работодателя, но не автора, так как именно работодателю был причинен имущественный ущерб.

присвоения авторства (плагиата), другие имущественные права (право на вознаграждение, право использования) – факультативные объекты этого преступления.

Список использованных источников:

1. Воцинский, М. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав по новой редакции статьи 146 УК / М. Воцинский // Российская юстиция. – 2003. – № 6.
2. Гаврилов, Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век / Э.П. Гаврилов. – М.: Издательство «Юрсервизум», 2016.
3. Кананович, А.И. Уголовно-правовая защита авторских прав в глобальной сети Интернет (на примере законодательств России и Франции) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кананович Анастасия Игоревна. – М., 2013.
4. Кудрявцев, В.Л. Преступления против интеллектуальной собственности: некоторые проблемы объединения и совершенствования [Электронный ресурс] / В.Л. Кудрявцев // Преступления против интеллектуальной собственности : материалы Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2011. – URL: <http://www.iuaj.net/node/735>
5. Мордвинов, А. Защита права интеллектуальной собственности / А. Мордвинов // Законность. – 2004. – № 11.
6. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : пост. Пленума ВС РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 6.
7. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : пост. Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.
8. Правила выплаты автору вознаграждения при публичной перепродаже оригиналов произведений изобразительного искусства, авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений: Утв. Постановлением Правительства РФ от 19.04.2018 г. № 285 (в посл. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 17. – ст. 1880.

9. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / Под общ. ред. Е.А. Моргуновой. – 2-е изд., перераб. – М.: ИНФРА-М, 2017.
10. Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / Г.Н. Борзенков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров [и др.]; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – Т. 2. Особенная часть.
11. Серебренникова, А.В. К вопросу о необходимости совершенствования статьи 146 УК РФ [Электронный ресурс] / А.В. Серебренникова // Современное право. – 2006. – № 10. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Федорова, О.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 146 УК РФ / О.А. Федорова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Серия 14. – Вып. 2.
13. Rychkova, N.Yu. The Object of Criminal Appropriation of Authorship (Plagiarism) / N.Yu. Rychkova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2011. – № 6.

УДК 347.7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД» ОТ 05.04.2013 № 44-ФЗ

© С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

В научных кругах вопросы о применении Федерального Закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон о контрактной системе) обсуждаются вот уже пять лет с момента принятия закона, но несмотря на это актуальных проблем для обсуждения не становится меньше.

На наш взгляд это связано с целями, сформулированными в ст. 1 закона о контрактной системе – повышение эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечение гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок [1], развитие добросовестной конкуренции. Законодатель использует динамичные, постоянно изменяющиеся категории –

«повышение», «обеспечение», «предотвращение», «развитие», что позволяет изучать контрактную систему в сфере закупок в движении, развитии, постоянно сравнивая то, что было вчера, что есть сегодня и прогнозировать чего ожидать завтра.

В связи с большим количеством правонарушений связанных с применением законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в 2015, 2016, 2017 годах Верховным Судом Российской Федерации было сделано обобщение судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов по вопросам: заключения государственного (муниципального) контракта; исполнение, изменение, расторжение государственного (муниципального) контракта; поставки товаров, выполнение работ или оказание услуг в отсутствие государственного (муниципального) контракта; обеспечения заявок при проведении конкурсов и аукционов, обеспечения исполнения государственного (муниципального) контракта; привлечения виновных лиц к ответственности за нарушение государственного (муниципального) контракта; контроля в сфере закупок.

Анализируя обзор судебной практики, мы пришли к выводу, что ни один раздел закона о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд не исполняется субъектами этих отношений безукоризненно, и из года в год количество правонарушений растет. На наш взгляд причинами этого положения является:

- объемность нормативных актов, регламентирующих порядок осуществления закупок, наличие большого количества отсылочных норм, содержащихся в законе о контрактной системе, отсутствие единообразной судебной практики по схожим делам;

- сложная процедура осуществления закупок, в частности трудозатратная работа по формированию технического задания и формирование описания объекта для осуществления государственной закупки;

- жесткие временные рамки по совершению процедур по осуществлению закупок;

- низкая квалификация лиц, участвующих в закупках со стороны заказчика и (или) отсутствие опыта практической деятельности;

- отсутствие специалистов по закупкам в бюджетных учреждениях, не только в крупных городах, а особенно в учреждениях, расположенных в районах субъектов Российской Федерации;

- высокий уровень ответственности, в том числе высокий размер штрафов (порой размер одного штрафа в несколько раз превышает размер заработной платы специалиста, занимающегося в учреждении закупками);

- наличие уголовной ответственности за преступления в сфере государственных закупок.

Охарактеризуем каждую из них в отдельности.

Объемность нормативных актов, регламентирующих порядок осуществления закупок, наличие большого количества отсылочных норм, содержащихся в законе о контрактной системе. Верховный Суд Российской Федерации для правильного разрешения судами споров возникающих из закупочной деятельности уделяет большое значение определению соотношения между положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и иными федеральными законами, входящими в систему законодательства о контрактной системе в соответствии с ч. 1 ст. 2 закона о контрактной системе, и положениями Гражданского кодекса Российской Федерации.

В п. 5 ст. 33 закона о контрактной системе содержится отсылка к Постановлению Правительства РФ – «Особенности описания объектов закупок могут устанавливаться Правительством Российской Федерации», п. 6 ст. 33 – отсылает к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [1].

Сам Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» с момента принятия претерпевал изменения пятьдесят пять раз, только за 2018 год в него были внесены изменения шестью Федеральными законами, в каждую третью статью закона из 114 были внесены дополнения и изменения, а некоторые статьи и вовсе утратили силу.

У некоторых субъектов закупочной деятельности есть возможность согласно действующему законодательству регулировать складывающиеся правоотношения положениями закона о контрактной системе № 44-ФЗ и (или) законом о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц № 223-ФЗ, к числу таких заказчиков отнесены, к примеру, Государственные корпорации «Роскосмос» [2] и «Росатом» – единственные государственные заказчики, обладающие правом собственности на закрепленное за ними имущество [3].

Приведенные примеры подтверждают убеждение автора в сложности понимания, реализации и применения законодательства о контрактной системе.

Для заказчика оказывается сложной, почти невозможной процедура описания объекта закупки, формирование технического для осуществления государственной закупки. Трудности с описанием объекта закупки – с техническим заданием в указанных специфических закупках, согласно норме ст. 33 Закона, часто просто невозможно. Так, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения антимонопольного органа, которым его жалоба признана необоснованной. По мнению общества, заказчик незаконно включил в документацию о проведении электронного аукциона на поставку медикаментов требования к товару, которым соответствует лекарственный препарат конкретного производителя.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано со ссылкой на то, что заказчик вправе был установить требования к закупаемому лекарственному средству, определяющие форму таблетки, способ ее деления, фасовку.

Арбитражный суд установил, что заказчик включил в аукционную документацию требования к закупаемому товару (лекарственная форма, дозировка, форма выпуска), которые не относятся к фармакологическим свойствам лекарственного препарата, никак не связаны с терапевтической эффективностью и не обусловлены спецификой назначения и применения закупаемого препарата, но прямо свидетельствовали о единственном производителе данного лекарственного средства. Кроме того, документально не подтверждено, что любой из участников аукциона имел возможность приобретать лекарственные средства этого производителя в целях поставки их для нужд заказчика. Верховный Суд РФ пришел к выводу о злоупотреблении заказчиком правил размещения заказа, которое привело к созданию необоснованных препятствий для участников спорной закупки, повлекших сокращение их количества, что является признаком ограничения конкуренции и признал решение антимонопольного органа незаконным [4].

Ошибки, допущенные заказчиком при формировании технического задания, могут обернуться для него жалобой со стороны других участников закупок, которые умеют право подавать жалобы в ФАС (УФАС) и грозить заказчику обжалованием его действий. В соответствии со ст. 65 закона о контрактной системе один и тот же участник может направить заказчику 3 запроса на разъяснение положений документации, несмотря на то что как правило заказчик уже

после первого запроса увидел свою ошибку (при реальном наличии таковой) и исправил.

Несоблюдение жестких временных рамок по совершению процедур по осуществлению закупок так же могут повлечь в отношении заказчика негативные последствия.

Так, прокуратура Верхневилуйского района провела проверку соблюдения законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд. По результатам электронного аукциона между МКУ «Управление промышленности, строительства и развития инфраструктуры МР «Верхневилуйский улус (район)» и коммерческой организацией заключен муниципальный контракт на выполнение работ по строительству объекта: «Пристрой к школе № 3 им. Ю.Н. Прокопьева» (4-й этап). Цена контракта составила порядка 7 млн. рублей, срок выполнения работ до 20.12.2016. Установлено, что при неисполнении в указанный контрактом срок своих обязательств обществом, руководителем учреждения в нарушение Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» срок исполнения контракта продлен до 30.06.2017.

В связи с этим прокуратура района возбудила в отношении должностного лица дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 7.32 КоАП РФ, также в его отношении в связи с несвоевременным направлением в уполномоченный орган информации об изменении условий контракта, возбуждено административное дело по ч. 2 ст. 7.31 КоАП РФ. По результатам рассмотрения административных материалов, он привлечен к административной ответственности с назначением наказания в виде штрафа на общую сумму в размере 40 000 рублей [5].

Еще одной актуальной проблемой в сфере реализации закона о контрактной системе является низкая квалификация лиц, участвующих в закупках со стороны заказчика и (или) отсутствие опыта практической деятельности, а также отсутствие специалистов по закупкам в бюджетных учреждениях, не только в крупных городах, а особенно в учреждениях, расположенных в районах субъектов Российской Федерации.

Федеральный Закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в статье 15 устанавливает обязательное для бюджетных учреждений требование об осуществлении закупок за счет субсидий, предоставленных из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, и иных средств в соответствии с установленными законом требованиями.

Бюджетные учреждения, существующие в государстве – создаются и функционируют с целью оказания государственных (муниципальных) услуг, деятельность их направлена на удовлетворение нужд населения и выполнение государственного задания, т.е. указанные учреждения выполняют социальную функцию. Одновременно бюджетные учреждения обязаны осуществлять закупки в соответствии с действующим законодательством о контрактной системе. Статья 9 закона о контрактной системе предусматривает привлекать к закупочной деятельности квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок [1]. Как правило в структуре бюджетных учреждений не предусмотрено наличие специальной службы, отдела по осуществлению закупок, а порой и специалиста в области закупочной деятельности имеющего необходимую квалификацию и стаж работы в этой области нет. В связи с этим зачастую руководитель учреждения наряду со своей основной функцией возлагает на себя обязанность по осуществлению закупочной деятельности, что, несомненно, оказывает негативное воздействие на результат всей деятельности учреждения.

Переход на электронную систему осуществления закупок ряд обозначенных ранее проблем снимает, но не все проблемы при помощи ее решаются. А возможно усугубятся существующие – отсутствие специалистов вовсе, низкая квалификация имеющихся лиц, участвующих в закупках со стороны заказчика – одна из таких, трудно решаемых в удаленных от центра районах задач.

Высокий уровень ответственности, в том числе высокий размер штрафов (порой размер одного штрафа в несколько раз превышает размер заработной платы специалиста, занимающегося закупками в учреждении).

Сотрудники заказчика, работающие в сфере закупок, знают о своей персональной ответственности, предусмотренной статьями 7.29 – 7.32.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [6]. При этом в стороне остаются работники заказчика, включая и руководство, косвенно участвующие в закупках, т.к. ответственность на них не возлагается. Таким образом, на сотрудника заказчика, осуществляющего закупки возлагается обязанность по исполнению требований закона о контрактной системе и иных нормативно-правовых актов, составление технического задания, его представление, доработка, приемка товара, работ, услуг, контроль оплаты и иное. При этом ответственность за все собственные и чужие халатные действия (либо бездействия), приводящие к негативным последствиям при не заключении контракта (договора) на канцелярские принадлежности, на средства гигиены, ветошь, чистящие средства возлагаются на ответственного за закупочную деятельность.

Наличие уголовной ответственности за преступления в сфере государственных закупок является новеллой в УК РФ и выступает серьезным сдерживающим фактором для специалистов, желающих заниматься закупочной деятельностью.

Введена уголовная ответственность за нарушение законодательства о контрактной системы. Так, с мая 2018 года вступили в силу изменения в УК РФ предусматривающие ответственность за преступления в сфере государственных закупок, статья 200.4 УК РФ – Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, и статья 200.5 УК РФ – Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок [7]. Субъектом, привлекаемым к уголовной ответственности по данным статьям, являются – работники заказчика и иные уполномоченные лица, имеющие отношение к организации закупок; лица, осуществившие подкуп лиц, имеющих отношение к организации закупок. Введенные в УК нормы предусматривают в качестве основного наказания – штраф, принудительные работы, исправительные работы, лишение свободы. В качестве дополнительных мер ответственности – запрет на ведение определенной деятельности (деятельности в сфере закупок), либо занимать определенные должности.

Исходя из изложенного следует признать необходимость воспользоваться положением статьи 26 закона о контрактной системе – Централизованные закупки [1] и создавать государственные, муниципальные, казенные учреждения, уполномоченные на определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для заказчиков – бюджетных учреждений.

Список использованных источников:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : федер. закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 30.10.2018 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.07.2015 г. № 215-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 г.) // Доступ из СПС «Гарант».
3. Публичные закупки: проблемы правоприменения [Электронный ресурс] : материалы IV международной конференции (10 июня 2016 г.). – М.: Юстицинформ, 2016. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Руководитель муниципального учреждения привлечен к ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере закупок. Прокуратура Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ. – URL: <https://procrf.ru/news/594539-rukovoditel-munitsipalnogo-uchrejdeniya-privlechen-k-otvetstvennosti-za-narushenie-zakonodatelstva-o/>.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. ред. от 30.10.2018 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342.413

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

© И.В. Тепляшин

Сибирский федеральный университет

На переходе 25-летнего рубежа следует признать достаточно высокую роль Конституции РФ в укреплении демократии и поступательном развитии институтов гражданского общества. В конституционном законодательстве в свое время были заложены необходимые начала для реализации таких форм демократии как выборы, референдум, обращения граждан, публичные мероприятия, формирование и деятельность общественных объединений (политических партий, общественных движений и др.). Местное самоуправление, которое включает собственные общины (выборы, референдум и т.д.) и специальные (органы местного самоуправления, конференция граждан, отзыв выборных должностных лиц и др.) формы ее осуществления.

Современная юридическая наука проводит конструктивное осмысление сложившейся практики конституционного развития: принципов взаимоотношений личности, общества и государства; формирование независимости, самосохранения и самодостаточности гражданского общества; состояние политико-правовой активности личности; значения общественно-политической деятельности негосударственных общественных институтов. Безусловно, состояние этих и других институтов обусловлено состоянием конституционного строя, системой организации государственной власти, реальностью юридических свойств Конституции РФ.

Уже в современное время заметный «вклад» конституционные предписания внесли в развитие институтов государственно-частного партнерства. Ярким примером может служить правовой статус Общественной палаты РФ. Надо сказать, что этот орган получает преимущественно положительные отзывы, выступая при этом площадкой для формирования и деятельности новых общественных структур. Это выступления экспертов при обсуждении законопроектов на заседаниях комитетов федерального и регионального парламентов, а также участие общественников в работе исполнительных и судебных органов. В этом плане поступательно формируются конституционные основы деятельности общественных советов при органах государственной власти на уровне субъектов федерации [1].

Кроме того, широкое распространение получают институты присяжных заседателей при осуществлении судопроизводства; независимых экспертов и специалистов, участвующих в работе конкурсных комиссий при поступлении на государственную службу или урегулировании конфликта интересов; антикоррупционные экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, проводимые институтами гражданского общества и независимыми экспертами. Активно реализуются гражданские инициативы: например, деятельность общероссийского народного фронта, негосударственных СМИ и фондов, участие граждан в форумах, диспутах, конференциях и других публичных мероприятиях, позволяющих обсуждать содержательные компоненты деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Развивается институт участия граждан в охране общественного порядка.

При этом общие параметры данных форм участия граждан в управлении делами государства законодателем нормированы, но устойчивая практика их реализации не всегда констатируется, не в полной мере сложились и детализированы конституционно-правовые гарантии общественного присутствия в публичном управлении. Можно наблюдать, например, отдельные неопределенности в конституционном регулировании законных протестных отношений

через призму взаимодействия государственного аппарата и общественных структур [2, с. 4–5], что связано, прежде всего, с характером и тенденциями активного развития политических отношений.

Не теряет своей актуальности формирование высшего исполнительного органа власти страны (Правительства РФ) на партийной основе и эффективной модели участия общества в решении этого вопроса. Важно видеть не только перспективные правовые средства реализации законной инициативы и стремлений граждан в сфере государственного управления, но и рассчитывать на имеющийся потенциал российского конституционного законодательства, в т.ч. самой Конституции РФ.

Как представляется, основными пробелами в содержании конституционных основ применительно к закреплению и реализации форм демократии и участию граждан в управлении делами государства являются следующие:

1. Конструкция РФ сформирована таким образом, чтобы можно было увидеть основные приоритеты и акценты, на которых базируются конституционные идеи. Безусловно, магистральным направлением выступили права и свободы человека и гражданина, их место в общей архитектуре самого документа. Вместе с тем, можно говорить о существенной краткости Конституции РФ, в стороне остались достаточно важные юридические понятия и конституционные дефиниции. Это, например, гражданское общество, общественный контроль, парламентский контроль, общественная инициатива, конституционная ответственность. В некоторой мере данные обстоятельства не позволяют точно определить структуру указанных категорий, место в иерархии смежных понятий, назначение и функциональную роль в стратегическом развитии правовой государственности.

2. В действующей Конституции РФ, в других законодательных нормативных актах, отсутствуют положения, закрепляющие содержание политической системы общества, систему и структуру политических процессов с непосредственным участием общественности. При возможном конституционном нормировании этих положений могли бы получить свое развитие такие институты как: политическая оппозиция, политическая конкуренция, многопартийность, политическая (конституционная) ответственность. Достаточно перспективным представляется закрепление механизма конституционализации, как процесса проникновения конституционно-правовых норм во многие значимые общественные отношения [3, с. 5].

3. В конституционных положениях не в полной мере детализирован механизм взаимодействия (сотрудничества) государства с институтами граждан-

ского общества. В большей мере обозначены статические характеристики технологии участия граждан в управлении делами государства, но не прослеживаются динамические составляющие этой деятельности, не обозначены соответствующие правовые средства, гарантирующие общественное присутствие в правовом управлении. Например, на сегодняшний день на федеральном уровне не введены в действие и не функционируют такие институты как наказания избирателей и их исполнение, народная законотворческая инициатива, опросы граждан.

4. Кроме того, сегодня можно наблюдать несовершенство конституционно-правового статуса представителей гражданского общества, включенных в организационно-управленческие механизмы. В этом плане не сложилась конституционная доктрина правового оформления институтов общественности. В конституционном законодательстве не сформированы положения, которые бы закрепляли правовой статус субъектов гражданского общества, особенно, в части взаимодействия с самим государственным аппаратом. Формируются соответствующие сферы реализации института общественного контроля [4]. Но законодатель не наделяет особыми гарантиями правовой статус лиц, осуществляющих такую деятельность. Так, в законе только в общих чертах говорится об ответственности за нарушение законодательства об общественном контроле. При этом, контроль (фр. *controle* – проверка) предполагает проверку, а также наблюдение с целью проверки; учреждение, ведающее такой проверкой; лица, занимающие контролем [5, с. 445]. Контроль может быть плановый и внеплановый, внешний и внутренний и т.д. Контроль, как правило, завершается принятием соответствующего решения, в нашем случае, возможно вынесением правоприменительного акта. Законодатель оставляет в стороне указанные свойства контроля, что нуждается в дополнительном исследовании со стороны юридической науки. Ко всему предметом конституционной доктрины могут выступить элементы правового статуса субъектов общественного контроля: законные интересы, правовые привилегии и льготы, организационно-правовые гарантии.

5. В контексте функционирования гражданского общества, законодатель, с учетом возможностей Конституции РФ и имеющегося конституционного опыта, не приступил к инкорпорированию правовых институтов составляющих механизм участия граждан в управлении делами государства. Отсутствует единый кодифицированный нормативный правовой акт, который бы закреплял основные составляющие правовой структуры российской демократии. Речь идет о таких правовых явлениях как: а) оптимальная модель и формы

народовластия (демократии); б) принципы взаимодействия государства и общества; в) функции общественного контроля (надзорная, интегративно-коммуникационная, координационная, информационная); в) правовые средства устойчивого общественного присутствия в деятельности государственных структур; г) критерии результативности института участия граждан в управлении делами государства. Важно соблюдать равновесие между интересами (стремлениями) гражданского общества и функциями государственного механизма.

б. Ко всему, актуальным направлением остается восстановление доверия граждан к государственным структурам. Здесь необходима не только правовая и политическая пропаганда, но и специальная правовая технология установления конституционно-правового портрета лиц, участвующих в управлении делами государства. В указанном аспекте следует обратить внимание на правовое наследие, историческую преемственность и достижения правовой культуры прошлого [6, с. 11–13]. Информационно-идеологическое, организационно-правовое, культурное оформление форм демократии нуждается в своей оценке с учетом российской истории и накопленного юридического опыта.

Указанные вопросы в конституционном законодательстве не следует рассматривать как серьезную проблему, которая бы, допустим, существенно мешала становлению сильного российского правового государства. Важно учесть значение конституционной доктрины, интересы граждан, развитие средств публичного управления. Справедливо отмечается, что главное для нас сегодня – категорически не допустить противопоставления человека и государства. Не «или государство – или человека», а «и государство – и человек». Вот смысл Российской Конституции [7]. Вышеназванные аспекты конституционных отношений в публичной сфере могут служить основанием для оптимизации политической обстановки и складывающейся практики общественного присутствия.

Список использованных источников:

1. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации : федер. закон от 23.06.2016 г. № 183-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 26. – Ч. 1. – Ст. 3852.
2. Авакьян, С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 3–17.

3. Выдрин, И.В. Конституция России и конституционное право: взаимовлияние и взаимодействие / И.В. Выдрин // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 3. – С. 4–8.
4. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ // Российская газета. – 2014. – 23 июл.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 1360 с.
6. Карташов, В.Н. Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования / В.Н. Карташев // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 10–18.
7. Зорькин, В.Д. Необходима осторожность. Путь России к праву / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2010. – 16 апр.

УДК 343.811:341.645

РЕДУКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА К РАЗРЕШЕНИЮ ЖАЛОБ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

© П.В. Тепляшин

*Сибирский федеральный университет,
Сибирский юридический институт МВД России*

В настоящее время влиянием норм и принципов международного пенитенциарного права на движение уголовно-исполнительной системы и законодательства утратило энергичный характер и приобрело определенную инертность. В частности, по истечении пяти лет после принятия Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (в редакции от 23 сентября 2015 года) произошел отказ от намерения государства повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и наметился переход к достаточно абстрактному и во многом инертному совершенствованию деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов. Как представляется, данный «отказ» без должного обоснования такого решения в документе, который, по сути, является идейным ядром уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, а также отсутствие научно проработанного и адаптированного к текущим

задачам оптимизации уголовно-исполнительной системы механизма имплементации норм и принципов международного пенитенциарного права создали ситуацию неочевидности перспектив влияния международных пенитенциарных стандартов и европейской практики защиты прав заключенных на отечественное уголовно-исполнительное законодательство.

Необходимо заметить, что среди иностранных ученых-пенитенциаристов распространено мнение о расширении процесса судебного контроля над исправительными учреждениями и разнообразными правами осужденных как динамично распространяющейся социально-правовой тенденции, которая способствует прогрессивному развитию современных государств [1, с. 417–421; 2, с. 5–11]. Данная тенденция усиления влияния международных правозащитных организаций и судов на практику функционирования пенитенциарных учреждений обнаруживается с 60-х годов XX столетия. Европейские судебные и инспекционные органы, которые разделяют общие принципы «глобальной справедливости», в последние годы приобретают все большее значение в области обращения с осужденными, соблюдения прав человека в рамках границ отдельных национальных государств. Так, по мнению Г. Кликуенноиса, национальная пенитенциарная политика европейских государств все более контролируется Советом Европы и Европейским союзом при тесном взаимодействии таких органов как Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), Комитет по предупреждению пыток и Комитет министров [3, с. 1–17]. При таком взаимодействии решаются сложные задачи европейской пенологии.

По мнению М. Рогана «политика и стандарты Совета Европы защищают так называемый редукционистский подход к тюремному заключению, которому следует ЕСПЧ... акцент в европейской уголовной политике является реабилитационным... реабилитация была и должна быть главной целью уголовной практики» [4, с. 326–327, 329]. Признание «права на надежду» в европейском тюремном праве началось с решения Европейского Суда по правам человека от 9 июля 2013 года по делу «Vinter and Others v. the United Kingdom» (жалоба № 66069/09, 130/10, 3896/10), согласно которому лица, отбывающие пожизненное тюремное заключение, всегда должны иметь право на освобождение и дальнейшую реабилитацию. При этом, если внутреннее национальное законодательство не предусматривает возможности пересмотра приговора по любым возможным основаниям в сторону смягчения правового положения осужденного, пожизненный срок не может соответствовать стандартам статьи 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Конвенция). В деле «Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria»

(жалоба № 15018/11, 61199/12), основанием которого была жалоба первого заявителя на то, что вынесенный в отношении него приговор к лишению свободы пожизненно без возможности смягчения наказания и в отсутствие каких-либо перспектив реабилитации приравнивается к бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство наказанию в нарушение требований статьи 3 Конвенции, жалоба второго заявителя на то, что вынесенный в отношении него приговор к лишению свободы пожизненно с возможностью смягчения наказания сопряжен с отсутствием эффективного внутригосударственного средства правовой защиты такой возможности, ЕСПЧ указал, что «акцент на реабилитацию и реинтеграцию должен стать «обязательным фактором», который должны учитывать государства-члены при разработке их уголовной политики... хотя статья 3 Конвенции не может толковаться как наложение на государство абсолютной обязанности обеспечить заключенных реабилитационными программами и мероприятиями по их реинтеграции в виде соответствующих курсов или консультаций, но требует предоставить пожизненно заключенному шанс, пусть и отдаленный, на то, что он когда-нибудь вернется к своей свободе. Чтобы этот шанс был подлинным и ощутимым, государство должно также предоставить пожизненно заключенным «надлежащую возможность» реабилитироваться самим». По делу «Murray v. The Netherlands» (жалоба № 10511/10) ЕСПЧ постулировал, что заключенные, отбывающие пожизненное тюремное заключение, «также должны быть допущены к участию в профессиональной или иной деятельности, которая может быть полезной для их реабилитации».

В свою очередь, по делу «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04) ЕСПЧ установил, что контакты осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима на строгих условиях, с внешним миром были ограничены только телефонными звонками и визитами от родственников один раз в шесть месяцев, не более четырех часов, в ходе которых у Хорошенко с посетителями отсутствовал прямой физический контакт, поскольку они были отделены друг от друга стеклянной перегородкой, сотрудник исправительного учреждения всегда находился рядом на расстоянии прослушивания разговора. В п. 33 своего постановления Европейский Суд указал, что положение таких заключенных оставляет желать лучшего в плане материальных условий, видов деятельности и возможностей человеческих контактов. Далее, многие из этих заключенных подвергаются особым ограничениям, которые способны усилить вредный эффект долгосрочного заключения; примерами таких ограничений

могут служить... ограничения по посещениям. ЕКПП не видит оправдания применению повсеместных ограничений ко всем заключенным, приговоренным к особым видам наказания, без должного определения индивидуального риска, который они могут (или не могут) представлять. Долгосрочное заключение может оказать на обитателей тюрьмы воздействие, в результате которого происходит их отчуждение от общества. Помимо того, что они содержатся в тюрьме, заключенные на длительные сроки испытывают ряд психологических проблем (включая потерю самоуважения и ослабление общественных навыков) и имеют тенденцию все больше отдаляться от общества, в которое почти все они, в конечном счете, возвращаются. По мнению ЕКПП, режимы, созданные для заключенных, отбывающих длительные сроки, должны быть нацелены на компенсацию этого воздействия положительным и упреждающим образом. В результате, ЕСПЧ пришел к выводу о недопустимости однозначного запрета осужденному длительных свиданий в течение первых десяти лет отбывания наказания.

Можно констатировать, что к настоящему времени оформилась четкая траектория со стороны европейских правозащитных органов поддержки идеи о том, что всем заключенным, в том числе отбывающим пожизненное тюремное заключение, должна быть предоставлена возможность реабилитации и перспектив (досрочного) освобождения. Ряд авторов, исследуя профилактический эффект надлежащего порядка освобождения заключенных из исправительных учреждений, отмечают, что «освобождение из тюрьмы представляет собой один из наиболее фундаментальных и конкретных поворотных моментов, которые может испытать человек. Этот переходный период сопровождается значительными изменениями в жизни человека, поскольку он или она должна восстановить старые отношения, сформировать новые отношения и столкнуться с проблемами, связанными с поиском жилья и занятости... именно перед освобождением формируется четкая обратная зависимость между уровнем поддержки семьи и намерением заниматься преступной деятельностью» [5, с. 198]. Как отмечает С. Мейер «государства должны проводить индивидуальную оценку того, что означает «надлежащая возможность реабилитации» для осужденного. Среди реабилитационных мероприятий приоритет должен отдаваться потребностям заключенных. При этом индивидуальные потребности будут варьироваться от случая к случаю... толкование концепции реабилитации со стороны ЕСПЧ и государств-членов может быть интерпретировано по-разному» [6, с. 151–152].

Еще одним проявлением редукционистского подхода правозащитной деятельности ЕСПЧ может считаться основанное на ст. ст. 10 и 14 Конвенции

продуцирование механизмов защиты возможностей заключенных на прямое право голоса как выражение свободного мнения политического характера и преодоление дискриминации «по любым иным признакам». Данное направление правозащитной деятельности, по мнению Г. Конвея, выступает «ответом на тоталитарные национальные правовые системы» [7, с. 138]. Так, в деле «Hirst v. United Kingdom» (жалоба № 74025/01) ЕСПЧ постановил, что полный запрет Соединенного Королевства на право политического голоса заключенного нарушает Протокол 1 Статьи 3 Конвенции, нивелирует принцип всеобщего избирательного права и идею минимальных прав человека в их полномочном развитии и эволюционном понимании.

Таким образом, идея ресоциализации как одно из проявлений редуционистского подхода Европейского Суда по правам человека к вопросам защиты прав заключенных стала рассматриваться через формирование у осужденного принципа «усиления личной ответственности», который подразумевает осознанное движение от первых дней действия приговора, когда акцент делается на наказание и возмездие, к этапу его подготовки к освобождению.

Список использованных источников:

1. Oldenburg, C.E., Perez-Brumer, A.G., Reisner, S.L., Mayer, K.H., Mimiaga, M.J., Hatzenbuehler, M.L., Bärnighausen, T. (2018). Human rights protections and HIV prevalence among MSM who sell sex: Cross-country comparisons from a systematic review and meta-analysis, In *Global Public Health*, 13:4, pp. 414–425.
2. *Privatising Punishment in Europe?* (2018). In T. Daems, T.V. Beken (Ed.). London: Imprint Routledge, 200 p.
3. *Monitoring Penal Policy in Europe* (2017), In G. Cliquennois, H. de Suremain (Ed.). London: Imprint Routledge. – 202 p.
4. Rogan, M. (2018). Discerning penal values and judicial decision making: The case of whole life sentencing in Europe and the United States of America, In *Howard Journal of Crime and Justice*, 57:3, pp. 321–338.
5. Boman, J.H., Mowen, T.J. (2018). The role of turning points in establishing baseline differences between people in developmental and life-course criminology, In *Criminology*, 56:1, pp. 191–224.
6. Meijer, S. (2017). Rehabilitation as a Positive Obligation, In *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 25:2, pp. 145-162.
7. Conway, G. (2018). Prospects and problems for European legal cooperation concerning prisoners, In *European Journal of Probation*, 10:2, pp. 136–159.

УДК 343.98

**СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В ОРГАНИЗАЦИЯХ,
ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИХ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ
(НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

© **А.В. Тимофеев, Л.П. Климович**
Сибирский федеральный университет

Сфера жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации (далее – ЖКХ) является важнейшей градообразующей сферой жизнеобеспечения, включающей более трех десятков самостоятельных направлений финансово-хозяйственной и производственной деятельности. В его структуру входят: жилищное хозяйство (капитальный и текущий ремонт зданий), теплоснабжение, водоснабжение, электроснабжение, ремонт инженерных коммуникаций, благоустройство и уборка территорий, утилизация мусора и др. Реформа в данной сфере, активно происходящая в последнее десятилетие, способствовала формированию разветвленной сети управляющих и обслуживающих организаций, оказывающих услуги в данной сфере. Приведем некоторые статистические показатели, характеризующие данную отрасль.

По данным Федеральной службы государственной статистики 90,3 процентов всего жилищного фонда Российской Федерации, по состоянию на 1 января 2016 года, находилось в частной собственности. Из них, в собственности граждан – 87,1 процента. На территории Красноярского края эти показатели составили, соответственно, 90,8 и 80,4 процентов. Жилые дома (индивидуально-определенные здания), имеющие износ более 65 процентов, составили на территории РФ – 10,5 процентов, Красноярского края – 23,3 процента. Такое состояние жилищного фонда неизбежно требует из года в год все большего привлечения финансовых ресурсов, направленных на оказание услуг по его содержанию и обслуживанию.

Указанные негативные тенденции – высокий износ жилого фонда, требующий масштабных текущих и капитальных затрат, не уменьшают привлекательность жилищно-коммунальной сферы и формирование разветвленной сети управляющих и обслуживающих организаций. Это обусловлено, прежде всего, неуклонным ростом объема представляемых населению услуг ЖКХ, в 2017 году такие услуги составили 28,1 процента от общей суммы оказания платных услуг населению. Положительная рентабельность оказания услуг в

данной сфере (по данным Росстата РФ – 1,2 процента в 2015 году) является подтверждением привлекательности данной сферы услуг.

Анализ судебной практики показал, что для сферы оказания жилищных и коммунальных услуг наиболее характерны следующие виды преступлений:

- хищения, совершаемые путем присвоения или растраты, мошенничества: присвоение или растрата денежных средств организации, в сфере жилищно-коммунального комплекса, указанная категория характерна для товариществ собственников жилья; хищение горюче-смазочных материалов и нефтепродуктов, выделяемых на обеспечение отопительного сезона (ст. 160 УК РФ)
- осуществление предпринимательской деятельности без регистрации либо без специального разрешения, лицензии (ст. 171 УК РФ);
- должностные преступления со стороны руководителей управляющих и ресурсоснабжающих организаций (ст. ст. 201, 204, 285, 286, 289, 290 УК РФ);
- нецелевое расходование бюджетных денежных средств, выделяемых под отраслевые программы, в т.ч. на строительство, реконструкцию, ремонт жилищного фонда (ст. ст. 285.1 УК РФ),
- незаконные действия, направленные на умышленное создание неплатежеспособности управляющих и ресурсоснабжающих организаций (ст. 196 УК РФ).

Традиционными способами совершения преступлений в сфере оказания услуг управляющими и ресурсоснабжающими организациями ЖКХ являются:

- необоснованное завышение тарифов на оказываемые услуги посредством заключения фиктивных договоров на выполнение работ или оказание услуг с последующим изъятием денежных средств;
- неполное оприходование материальных ценностей, горюче-смазочных материалов;
- изъятие товарно-материальных ценностей и денежных средств посредством оформления бестоварных и безденежных документов;
- оформление подложных документов, служащих основанием для получения или выдачи наличных денежных средств;
- обналичивание денежных средств, через аффилированные организации.

Выявление и документирование указанных составов преступлений может быть несколькими способами:

1. Проверка может осуществляться в рамках Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее «ФЗ «Об ОРД»), при использовании гласных и негласных мероприятий в соответствии со статьей 6

указанного закона. Указанный способ является наиболее результативным и носит инициативный характер со стороны сотрудников оперативных подразделений, данный способ позволяет осуществлять документирование негласными способами. Данный способ позволяет до принятия решения о возбуждении уголовного дела дать объективную оценку имеющимся материалам и при взаимодействии между оперативными и органами предварительного следствия принять обоснованное решение о перспективе дальнейшего расследования, в том числе, составить план расследования и выработать тактику производства отдельных следственных действий.

2. Осуществление документирования противоправной деятельности гласным способом (при наличии жалоб, заявлений и сообщений потребителей коммунальных услуг). Указанный метод осуществляется в соответствии со ст. 144 УПК РФ.

В условиях северных территорий Красноярского края метод зарекомендовал себя как малоэффективный при документировании преступлений, свидетельствующих о завышенном тарифе. Учитывая, что его использование приводит в основном к принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку при проведении проверочных мероприятий со стороны лиц, причастных к совершению преступной деятельности, принимаются активные меры противодействия, направленные на уничтожение доказательной базы, например имитация поджога в связи с коротким замыканием в офисе, утилизация первичных документов (чеки, квитанции об оплате) и др.

В первом способе результативными мероприятиями по выявлению и документированию преступлений рассматриваемой категории, являются следующие действия:

1. На первоначальном этапе – изучение большого объема нормативной базы и анализ судебной практики.

2. При имеющихся доводах о наличии признаков завышенного тарифа необходимо провести сравнение тарифов с аналогичными территориями, а также анализ расходов управляющих и ресурсоснабжающих организаций. Для качественного проведения такого анализа необходимо истребовать решение Региональной энергетической комиссии Красноярского края об установлении тарифа.

3. При выявлении признаков завышения тарифов необходимо заведение дела оперативного учета в соответствии со статьей 10 ФЗ «Об ОРД», в целях сбора и систематизации сведений свидетельствующих о завышении тарифов.

4. При документировании необходимо изучение документов, регламентирующих деятельность организации: наличие лицензии, соответствующего вида деятельности, заявленного в уставных документах, определение фактического руководителя.

5. При подготовке к истребованию первичных документов в организации, необходимо установить их место нахождения и определиться с перечнем документов, подлежащих изъятию. Учитывая, что указанное мероприятие будет являться наиболее значимым, с точки зрения сбора будущей доказательственной информации, его целесообразно проводить с участием специалиста, тактически грамотно определив время и саму процедуру изъятия. В ходе последующего анализа содержания изъятых документов необходимо обратить внимание на возможно сомнительные операции и установить перечень аффилированных организаций. В этом направлении высокую результативность обеспечивает взаимодействие с инспекциями Федеральной налоговой службы (выявление аффилированных лиц), со специалистами Федеральной службы по финансовому мониторингу (выявление сомнительных сделок) в форме направления запросов в указанные организации.

Наряду с первичными документами организации целесообразно истребование в кредитных организациях выписок о движении денежных средств по счетам в обслуживаемом банке. Также, целесообразно запросить в налоговом органе финансовые, статистические отчеты, налоговые декларации экономического субъекта, в том числе, сведения о результатах проверок, проведенных контрольными и надзорными органами.

6. При проведении опроса очевидцев, осведомленных о завышенном тарифе, необходимо предъявление финансовых документов с целью установления конкретных фактов завышения тарифов, подтвержденных документально, и выяснение круга лиц, причастных к таким противоправным деяниям. Аудио- или видеофиксация в ходе такого опроса, проведенные с соблюдением законодательства, позволят зафиксировать показания, что в последующем исключает их изменение и отказ от них.

7. При имеющихся достаточных данных, указывающих на завышение тарифов, и наличии финансовых, бухгалтерских и иных документов, необходимо проведение экономического исследования документов, направленного на установление механизма совершения преступления, связанного с завышением тарифов на коммунальные услуги, а также суммы убытков, причиненных бюджету края или иным экономическим субъектам.

8. Наряду с выше указанными мероприятиями, на основании статьи 6 ФЗ «Об ОРД», необходимо проведение специальных технических мероприятий:

прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи; при необходимости целесообразно осуществить оперативное внедрение, для получения своевременной негласной информации об изменении обстановки в преступной деятельности фигуранта.

Учитывая высокий монополизм организаций, оказывающих жилищно-коммунальные услуги населению в районах Крайнего севера, а значит, отсутствие конкурентной среды в указанной сфере, сложность транспортной логистики, сезонную специфику ресурсообеспечения северных территорий Красноярского края – все эти факторы дают преимущество лицам, хорошо разбирающимся в гражданском, уголовном, жилищном и иных сферах права, совершать различными способами хищения денежных средств потребителей коммунальных услуг, субсидий и дотаций из бюджета федерального, регионального и местного уровней в указанной сфере. В этой связи, специфика деятельности экономических субъектов в районах Крайнего севера и приравненных к ним местностях – неотъемлемый фактор, который надлежит учитывать при выборе тактики оперативно-розыскных и проверочных мероприятий по делам о преступлениях, совершаемых в жилищно-коммунальной сфере.

УДК 343.46

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

© И.В. Шишко, О.Е. Деревягина

Сибирский федеральный университет

Как известно, в настоящее время в юридической литературе есть несколько представлений о том, что является объектом преступления: общественные отношения [1, с. 23–24], блага либо интересы [2, с. 33–34; 3, с. 149], принципы либо люди [4, с. 60]. По мнению ряда авторов, объектом могут выступать как общественные отношения, так и блага, и интересы [5, с. 161; 6, с. 110].

Несмотря на то, что представление об объекте преступления в постсоветский период претерпело изменение, в доктрине уголовного права под объектом преимущественно понимают общественные отношения, охраняемые законом [1, с. 23–24; 7, с. 17–75; 8, с. 166; 9, с. 101–102].

Отмеченная дискуссия не может не отражаться на определении и основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ: им (часто без уточнения места в иерархии объектов «по горизонтали»)

называют и общественные отношения, и интересы, и ценности, и даже деятельность.

Однако, прежде чем кратко охарактеризовать представления об основном объекте преступного ограничения конкуренции, отметим, что некоторые авторские определения этого объекта настолько широки, что он, по существу, отождествляется с видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности. Так, Т.О. Кошаева считает основным объектом «установленную законом экономическую деятельность, интересы субъектов этой деятельности» [10].

Такое определение основного объекта преступления к тому же «грешит» существенными неточностями: действующее законодательство не раскрывает даже понятие экономической деятельности. В ст. 34 Конституции Российской Федерации только уточняется, что закреплено право каждого на свободное использование своих способностей и имущества не для любой экономической деятельности, а только *не запрещенной законом*.

В приведенном определении автор не использовал даже очевидно относящийся к объекту преступления конституционный запрет: «Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию».

В этом смысле формулировка основного объекта преступного ограничения конкуренции, данная В.А. Авдеевым и Е.В. Авдеевой, хотя и является неоправданно широкой, но включает не только социально-значимые интересы и отношения в сфере законной предпринимательской деятельности, но и свободную и добросовестную конкуренцию [11, с. 103].

Ряд авторов определяет основной объект как свободу «предпринимательской деятельности в части беспрепятственного осуществления предпринимательских прав, гарантированного от неправомерного экономического либо внеэкономического вмешательства со стороны органов государственной власти или местного самоуправления, должностных и иных лиц» [12, с. 17] либо свободу конкуренции и честной конкуренции [13, с. 394].

С такими определениями согласиться трудно. Первое из них в настоящее время не соответствует признакам объективной стороны: в ней речь идет об ограничении конкуренции исключительно хозяйствующими субъектами-конкурентами, а не органами государственной власти или местного самоуправления.

Второе определение представляется неясным: конкуренция либо есть, либо ее нет. Понятием свободы конкуренции Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ не оперирует.

Как и при определении общего понятия объекта преступления, большинство специалистов определяет основной объект преступления, предусмотренного ст. 178 УК, именно как отношение, однако формулируют это отношение по-разному.

С.И. Улезько основным непосредственным объектом считает «общественные отношения, регулирующие порядок осуществления монополистической конкурентной деятельности и охраняемое данной нормой» [14, с. 64]. Однако приведенное определение противоречит основным положениям теории права: общественные отношения выступают не регулятором, а объектом регулирования.

По мнению Е.В. Жукова, основной объект преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, – общественные отношения, складывающиеся в сфере регулирования добросовестной конкуренции и деятельности хозяйствующих субъектов в условиях рыночной экономики [15, с. 65]. Немного уже, но, по существу, так же определяет объект П.Н. Репин, называя им охраняемые уголовным законодательством общественные отношения в сфере регулирования добросовестной конкуренции на товарном рынке, рынке финансовых услуг [16, с. 66]. Однако «отношения в сфере регулирования» – это отношения в сфере нормотворчества, а на эти отношения преступление, предусмотренное ст. 178 УК, не посягает.

По мнению Н.А. Лопашенко, объектом преступления следует признавать «общественные экономические отношения, основанные на принципе добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности» [17, с. 397]. К такой позиции мы не можем присоединиться по причинам, которые приведем ниже.

Наиболее распространена точка зрения, согласно которой основной непосредственный объект преступления – это общественные отношения, обеспечивающие экономические интересы, развитие конкуренции или что-то иное.

Например, Л.Д. Гаухман определял непосредственный объект как общественные отношения, обеспечивающие интересы экономической деятельности, во-первых, в сфере распределения материальных благ, во-вторых, в той части такого распределения, которая исключает монополизацию цен и ограничение конкуренции [18, с. 209–210].

Т.Д. Устинова считает непосредственным объектом общественные отношения, обеспечивающие свободное формирование рыночных отношений на основе развития конкуренции, исключающей недобросовестность и монополизм [19, с. 115].

Близкие по смыслу определения объекта дают И.В. Бацин (называет им общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование товарного рынка, состязательность (конкуренцию) на нем хозяйствующих субъектов) [20, с. 23], а также Б.В. Яцеленко [21, с. 164], Н.Г. Кадников [22, с. 543], В.Т. Батычко [23, с. 275], считающие непосредственным объектом этого преступления общественные отношения, обеспечивающие свободу добросовестной конкуренции.

Почти так же формулирует основной непосредственный объект А.В. Денисова. Однако она называет объектом общественные отношения, обеспечивающие не только поддержку конкуренции, но и реализацию прав граждан-потребителей, правомерных экономических интересов хозяйствующих субъектов, общества и государства в условиях конкуренции и деятельности субъектов естественной монополии [24, с. 100].

М.Ю. Челышев, М.В. Талан и А.В. Михайлов непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 178 УК, называет общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок осуществления законной предпринимательской деятельности и добросовестную конкуренцию [25, с. 258].

Однако каких-либо отдельных отношений, обеспечивающих свободное формирование рыночных отношений на основе развития конкуренции или установленный порядок осуществления законной предпринимательской деятельности, не существует. Что касается *установленного* (выделено нами – И.Ш., О.Д.) порядка осуществления законной предпринимательской деятельности, то он устанавливается и обеспечивается соответствующими правовыми нормами, а не общественными отношениями.

Следующая группа авторов, считающих основным объектом исследуемого преступления отношения, не называет их обеспечивающими что-либо, а уточняет их «содержание».

Так, Д.Б. Лаптев называет объектом отношения, характеризующиеся наличием конкуренции, т.е. функционированием рынка в условиях конкурентной среды, обусловленной наличием независимых хозяйствующих субъектов, соперничающих в равных условиях за право реализовать свой товар покупателю [26, с. 69].

К.М. Хуто определяет объект данного преступления как «общественные экономические отношения, складывающиеся на рынке между хозяйствующими субъектами, государством и потребителями, характеризующиеся состязательностью (соперничеством) или возможностью состязательности (соперничества) хозяйствующих субъектов за наилучшие условия предоставления то-

варов, работ и услуг, когда их самостоятельные действия исключают или эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения на определенном рынке» [27, с. 12].

Несмотря на некоторое сходство этих определений, второе в значительной степени отличается: при схожем содержании отношений (они характеризуются состязательностью (соперничеством) или возможностью состязательности (соперничества) хозяйствующих субъектов, в круг сторон автор вводит не только хозяйствующих субъектов, но и государство, и потребителей.

Однако главная причина, исключающая наше присоединение к любому авторскому представлению об основном объекте как об отношениях, заключается в другом. С нашей точки зрения, видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности являются только экономические правоотношения [28, с. 24–27]: «многие реальные отношения, в том числе важнейший круг отношений в сфере производства, распределения и потребления, могут существовать только в виде правоотношений» [29, с. 36]. Эту точку зрения разделяли и разделяют и другие авторы [30, с. 60; 31, с. 73; 32, с. 51; 33, с. 79; 34, с. 226]. Следовательно, и основным непосредственным объектом ограничения конкуренции может быть только правоотношение.

По мнению Г.А. Есакова, «теоретическое понимание объекта преступления как общественных отношений либо же интересов, либо же ценностей и т.п. само по себе не имеет здесь весомого значения, так как важно скорее то, чем наполнено соответствующее понимание объекта, поскольку это содержательное наполнение позволяет корректно определить объём экономического уголовного права» [35, с. 108]. Однако без определения того правоотношения, которому преступление в сфере экономической деятельности причиняет вред в первую очередь, понять «наполнение» объекта невозможно.

Правильное установление непосредственного объекта экономических преступлений обеспечивает и правильный выбор нормативной базы, к которой следует обращаться при исследовании признаков соответствующего преступления [36, с. 3]. Теоретически обоснованное определение объекта, но «не привязанное» к нормативному массиву, регулирующему отношения в сфере экономической деятельности, охраняемые конкретной уголовно-правовой нормой, наоборот, лишает такое определение объекта его важной «направляющей» функции.

Рассмотрим, как определяют объект ограничения конкуренции сторонники признания объектом правоотношения. Например, А.Н. Бойцов и К.В. Ображиев отмечают, что основным непосредственным объектом недопущения, ограничения или устранения конкуренции (более раннее название ст. 178 УК)

является общественное отношение конкуренции, урегулированное нормами антимонопольного законодательства [37, с. 64]. Конкуренция, указывает А.Н. Бойцов, как объект уголовно-правовой охраны представляет собой диалектическое единство экономических отношений состязательности хозяйствующих субъектов и их правового выражения [31, с. 73].

Исследуя другие авторские позиции, необходимо отметить следующее.

Картельные соглашения – одна из форм монополистической деятельности. Согласно п. 10 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции»¹ (далее по тексту – ЗоЗК) такой деятельностью признаются злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением, соглашения или согласованные действия, запрещенные антимонопольным законодательством, а также иные действия (бездействие), признанные в соответствии с федеральными законами монополистической деятельностью. В связи с этим многие авторы устанавливают объекты именно монополистической деятельности (диспозиция ч. 1 ст. 178 УК в предыдущих редакциях охватывала и такие формы монополистической деятельности, как злоупотребление доминирующим положением, а ранее – и согласованные действия).

Так, С.А. Паращук указывает, что монополистическая деятельность посягает на *публичный порядок* в сфере конкуренции, т.е. приводит к недопущению, ограничению или устранению конкуренции [38, с. 334]. Ни в законодательстве, ни в доктрине публичный порядок не раскрывается. Законодательные акты лишь упоминают его в качестве синонима основ правопорядка (например, ст. 1193 ГК РФ, ст. 167 СК РФ).

В Определении № 91-Г08-6 от 19.08.2008 Верховный суд РФ разъяснил: «содержание понятия «публичный порядок» не совпадает с содержанием национального законодательства Российской Федерации. Под публичным порядком Российской Федерации понимаются установленные государством основополагающие нормы об экономическом и социальном устройстве общества, главные устои основ правопорядка, закрепленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством Российской Федерации»².

Вместе с тем С.А. Паращук не раскрывает, что он понимает под главными устоями правопорядка в области конкуренции. Близкое к приведённому определение основного объекта дает К.Ю. Тотьев. Он называет объектом монополистической деятельности конкурентный порядок. Автор обосновывает свою

¹ СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ч 1. – Ст. 3434.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 5.

позицию тем, что согласно ч. 1 ст. 8 Конституции РФ и ст. 1 ЗоЗК целями реализации антимонопольного законодательства являются обеспечение свободы экономической деятельности, поддержка конкуренции, предупреждение, ограничение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Государство стремится гарантировать как само существование конкуренции, так и её качественные характеристики (добросовестность, справедливость, честность). Все это и составляет основу правопорядка в сфере конкуренции, на который посягает монополистическая деятельность [39, с. 177; 40, с. 24].

В.И. Тюнин не именует основной объект правоотношением, но формулировка им объекта как отношений, «которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции» [41, с. 187], свидетельствует о том, что он опирался на ч. 1 ст. 3 ЗоЗК РФ.

Рассматривая объект во взаимосвязи положений ст. 2 и 3 ЗоЗК, мы видим, что антимонопольное законодательство и иные нормативные правовые акты о защите конкуренции действительно регулируют отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

Однако, как уже отмечалось, картельные соглашения – это одна из форм монополистической деятельности, а недобросовестной конкуренцией признаются «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» (п. 9 ст. 4 ЗоЗК).

Недобросовестная конкуренция, в отличие от любых соглашений, не воздействует на товарный рынок в целом, она «является односторонним незаконным поведением отдельных компаний с целью причинить вред конкурентам» [42, с. 75]. Содержание понятия «недобросовестная конкуренция» раскрывается в нормах гл. 2.1 ЗоЗК, запрещающих такие акты недобросовестной конкуренции, как дискредитация, введение в заблуждение в отношении товара, некорректное сравнение хозяйствующего субъекта и (или) его товара с другим хозяйствующим субъектом – конкурентом и (или) его товаром, незаконное получение, использование или разглашение информации, составляю-

щей коммерческую или иную охраняемую законом тайну и другие. В диспозиции ч. 1 ст. 178 УК нарушение этих запретов не указано. Ответственность за них установлена другими статьями УК – ст. 180 и 183.

Учитывая изложенное, считаем необходимым «сузить» понятие основного объекта. Им следует признавать **отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением картельных соглашений** (а не всей монополистической деятельности). Отношения, связанные с предупреждением и пресечением недобросовестной конкуренции, в объект включаться не могут.

Список использованных источников:

1. Филимонов, В.Д. Охранительная функция уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб. : Изд-во «Юридический Центр Пресс», 2003. – 198 с.
2. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1 / Н.С. Таганцев; Сост. и отв. ред.: Загородников Н.И. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
3. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А.В. Наумов. – М.: Изд-во «БЕК», 1996. – 560 с.
4. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2001. – 208 с.
5. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. Ин-т государства и права РАН. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – 573 с.
6. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. проф. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2003. – 872 с.
7. Мальцев, В.В. Учение об объекте преступления: монография: в 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы / В.В. Мальцев. – Волгоград, 2010. – 264 с.
8. Российское уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / Под ред. проф. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. – М.: «КОНТРАКТ», 2014. – 560 с.
9. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П.В. Агапов и др.; под ред. О.С. Капинус; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М.: Проспект, 2017. – 483 с.
10. Кошаева, Т.О. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в сфере конкуренции / Т.О. Кошаева // Конкуренция в рыночной эконо-

- мике. Пределы свободы и ограничений [Электронный ресурс] : монография / А.А. Амангельды и др. – М.: Юриспруденция, 2016. – 374 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/68050.html>-ЭБС «IPRbooks».
11. Авдеев, В.А. Преступления в сфере экономики: теоретико-практический курс : учеб. пособие / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева. – Иркутск, 2015. – 176 с.
 12. Хакулов, М.Х. Преступления, посягающие на свободу и добросовестность конкуренции в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Х. Хакулов. – М., 2009. – 39 с.
 13. Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А. Клепицкий. – М. Статут, 2005. – 570 с.
 14. Улезько, А.Ю. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Улезько. – М., 2005. – 191 с.
 15. Жуков, Е.В. Уголовная ответственность за монополистически действия и ограничение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Жуков. – М., 2003. – 161 с.
 16. Репин, П.Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции: уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук / П.Н. Репин. – М., 2007. – 161 с.
 17. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономики. Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 720 с.
 18. Гаухман, Л.Д. Преступления в сфере экономической деятельности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М.: ЮрИнфоР, 1998. – 290 с.
 19. Устинова, Т.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность : дис. ... д-ра юрид. наук / Т.Д. Устинова. – М. 2005. – 494 с.
 20. Бацин, И.В. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) / И.В. Бацин // Российский следователь. – 2015. – № 2. – С. 23–29.
 21. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. – М.: ИМПЭ: Триада, 1996. – 479 с.
 22. Уголовное право. Общая и Особенная части. Учебник / Под ред. Н.Г. Кадникова – М.: Городец, 2006. – 911 с.
 23. Батычко, В.Т. Уголовное право. Особенная часть : учебник / В.Т. Батычко – Таганрог: ИТА ЮФУ, 2015. – 942 с.

24. Денисова, А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Денисова. – Хабаровск, 2006. – 217 с.
25. Чельшев, М.Ю. Ограничение конкуренции: межотраслевые связи уголовного права и иных правовых образований / М.Ю. Чельшев, М.В. Талан, А.В. Михайлов // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2015. – Т. 157. – Книга 6. – С. 256–267.
26. Лаптев, Д.Б. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Б. Лаптев. – М., 2016. – 181 с.
27. Хутов, К.М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / Казбек Мухаметович Хутов. – Саратов, 2006. – 224 с.
28. Шишко, И.В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности / И.В. Шишко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 307 с.
29. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – М.: Юридическая литература, 1974. – 352 с.
30. Яни, П.С. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления : дис. ... д-ра юрид. наук / П.С. Яни. – М., 1996. – 424 с.
31. Бойцов, А.Н. Недопущение, ограничение или устранение конкуренции по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Н. Бойцов. – М., 2006. – 247 с.
32. Винокуров, В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика : монография / В.Н. Винокуров. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 224 с.
33. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная : учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.Г. Кибальник, Т.В. Кленова, А.И. Коробеева, Н.А. Лопашенко. – М.: Проспект, 2016. – 224 с.
34. Хилjuta, В.В. Проблемы доктринальной оценки уголовно-правовых норм, закрепленных в гл.25 Уголовного кодекса / В.В. Хилjuta // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 6. – С. 220 – 226.
35. Есаков, Г.А. Экономическое уголовное право: часть / Г. А. Есаков; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 359 с.

36. Шишко, И.В. Объект охраны «экономических» уголовно-правовых норм / И.В. Шишко // Правовое регулирование рыночных отношений в современной России : материалы науч.-практ. конф. – Челябинск: ЧелГУ, 2003. – С. 3–10.
37. Бойцов, А.Н. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции / А.Н. Бойцов, К.В. Ображиев. – Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – 152 с.
38. Паращук, С.А. Понятие и виды монополистической деятельности // Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2016 года, г. Москва) / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности. – Юстицинформ, 2016. – 496 с.
39. Тотьев, К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции) : учебник / К.Ю. Тотьев. – М.: Издательство РДЛ, 2000. – 352 с.
40. Владимирова, П.М. Теоретический анализ составов правонарушений в области конкурентного права Российской Федерации / П.М. Владимирова // Юриспруденция. – 2010. – №3. – С. 24 – 30.
41. Тюнин, В.И. Уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ) / В.И. Тюнин // Ученые записки юридического факультета. – 2012. – Вып. 24–25. – С. 187–195.
42. Конкурентное право России : учебник / Д.А. Алешин, И.Ю. Артемьев, Е.Ю. Борзило и др.; отв. ред. И.Ю. Артемьев, А.Г. Сушкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 391 с.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

© Н.В. Щедрин, Н.А. Никитина

Сибирский федеральный университет

Предупреждению распространения криминальной субкультуры среди молодежи в последнее время не уделялось должного внимания как со стороны специалистов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, так и научного сообщества. Во многом это обусловлено «головокружением от успехов» в деятельности по профилактике преступности несовершеннолетних. Так по состоянию на 1 декабря 2018 года в России 38 293 преступления совершено несовершеннолетними и при их участии [1], в 2013 году эта цифра составляла 67 225 преступлений [2]. Снижается и абсолютное число несовершеннолетних, совершивших преступления, так по официальным данным статистики МВД России в целом по стране их число составило 36 257 (для сравнения в 2013 году – 60 761) [1; 2]. Также беспрецедентно для России сократилось и количество самих пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних – традиционных мест «культивирования» криминальной субкультуры. Так в 2013 году на территории РФ осуществляли работу 46 воспитательных колоний (из них 3 для лиц женского пола), в 2018 году их количество сократилось до 23 колоний (из них уже только 2 для девочек) [3]. К причинам, обусловившим недостаточное внимание к данному вопросу, также можно отнести и традиционное отрицание фактов наличия криминальной субкультуры в молодежной среде со стороны должностных лиц, отвечающих за воспитание и защиту прав несовершеннолетних.

Одновременно с этим, криминальная субкультура как неотъемлемый инструмент воспроизводства профессиональной преступности умело пользуется возрастными особенностями правосознания несовершеннолетнего, такими как правовой инфантилизм и правовой нигилизм для трансляции в молодежной среде системы идеологических, правовых, нравственных, философских, эстетических ценностей и традиций, образа мышления и жизни, оправдывающих и восхваляющих опыт преступного поведения. Так по данным проведенного контент-анализа электронных ресурсов (проведен Министерством образования и науки РФ в сентябре 2017 года) криминальная субкультура интересуется большое количество пользователей информационно-коммуникативной

сети «Интернет». Видеоблоггинг и тематические каналы Youtube, группы в социальных сетях прямо или косвенно пропагандирующие ценности криминальной субкультуры в среднем насчитывают около 104 тысяч подписчиков каждый¹. Интерес молодежи к криминальной субкультуре, рассматриваемый нами в совокупности с устойчивой тенденцией роста числа общественно опасных деяний, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности (в том числе совершенных повторно, в том числе совершенных в группе) вызывает серьезные опасения. Эти опасения во многом подтверждаются сотрудниками правоохранительных органов Красноярского края. Так исследование осведомленности несовершеннолетних о криминальной субкультуре АУЕ, проведенное сотрудниками Красноярского центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП)² показывает, что из 16 подростков в возрасте от 10 до 17 лет (100% от контингента) лишь 3 подростка, имеющие явные признаки умственной отсталости, не имеют представления о данной субкультуре. Остальные 13 подростков имеют представления об АУЕ, в повседневной жизни слышат эту аббревиатуру от друзей, знакомых. Четверо информацию почерпнули из соцсетей, 6 подростков, являющихся городскими жителями, знают расшифровку аббревиатуры, оперируют сленгом, имеют общее представление о ценностях криминальной субкультуры. По мнению сотрудников ЦВСНП, несовершеннолетние в беседах демонстрируют лишь общую осведомленность, но по ряду невербальных признаков можно предположить, что они не искренни. Интересно и само отношение подростков к данному явлению: 2 подростков заявили о негативном отношении к идеологии АУЕ, 10 – относятся нейтрально, один считает себя приверженцем АУЕ (совершивший самовольный уход из СУВУ ЗТ). Справедливости ради нужно отметить, что все подростки отрицают наличие фактов присутствия в образовательных учреждениях так называемых «смотрящих», сборов денег в «общак» и т.д.

Исследования, проведенные сотрудниками ГУФСИН в октябре 2017 года в Канской воспитательной колонии, показали, что основными источниками «заражения» несовершеннолетних криминальной субкультурой являются:

¹ Информация взята из методических материалов Министерства образования и науки РФ «О проведении совещаний по вопросам профилактики распространения криминальной субкультуры среди обучающихся» сентябрь 2017 года.

² Исследование было проведено сотрудниками ЦВСНП в рамках подготовки к заседанию Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края и отражено в Постановлении Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Красноярского края от 06.10.2017 № 137-кдн «О превентивных мерах по профилактике подростковой преступности, противодействию распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних» и информационной справке. – URL: <http://www.krskstate.ru/kdns/reshen/doc/0/id/28527/>.

близкие родственники, имеющие судимость (24 % респондентов, такой ответ указали 12 несовершеннолетних); друзья (20 % респондентов, такой ответ указали 10 несовершеннолетних); общеобразовательные организации (12 % респондентов, 6 несовершеннолетних, в т.ч. в специальных учреждениях закрытого и открытого типа 4 несовершеннолетних); группы «АУЕ» в социальных сетях Интернет (6 % респондентов, такой ответ указали 3 несовершеннолетних). Следует отметить, что из 51 воспитанника колонии (100% контингента) 25 человек были подвергнуты заражению криминальной субкультурой еще до ареста, и только 17 несовершеннолетних в ИВС; 7 несовершеннолетних в СИЗО.

На наш взгляд, прежде чем разрабатывать систему мер, направленных на предупреждение распространения криминальной субкультуры в молодежной среде, необходимо определиться с причинами ее популярности среди данной социально-демографической группы и временно сместить «фокус» профессионального внимания с последствий ее негативного влияния (деформация правосознания, стимулирование противоправного поведения и др.) на возрастные особенности самого подростка, делающие его уязвимым данному влиянию. Следует отметить, что именно криминальная субкультура, в отличие от многих других социально одобряемых форм и институтов социализации, «отвечает» основным возрастным особенностям подростка [4, с. 46–72]. Так отсутствие моральных ограничений и участие в экстремальных ситуациях обеспечивают подростку чувство «взрослости»; причисление себя к тайному и опасному для большинства людей сообществу – чувство значимости; «членство» в агрессивной и жестко иерархичной системе – чувство защищенности; наличие атрибутов (жаргон, татуировки и др.), ритуалов – компенсирует несобытийность образовательной и досуговой сред; трансляция псевдоценностей о воровском единстве («брат за брата») – компенсирует чувство одиночества, особенно остро переживаемого именно в подростковом возрасте; многообразие возможностей для самоутверждения – компенсируют систематическое пребывание ребенка группы риска в ситуации «социального неуспеха», и переживания, связанные с отчуждением от образовательной деятельности, неудачным опытом построения взаимоотношений со сверстниками и родителями и др.

Так на наш взгляд, именно понимание возрастных дефицитов, делающих подростка уязвимым к ее влиянию, должно лечь в основу педагогически насыщенной комплексной и межведомственной профилактической деятельности. Приоритетность же исключительно административно-правовых способов воздействия, применяемых специалистами, лишь укрепляют «статус» несовершеннолетнего как в криминальной среде, так и в группе сверстников. К таким

методам профилактики можно отнести: 1) организацию досуга с повышенным риском (активный туризм, экстремальные виды спорта и др.), 2) организацию и обеспечение возможности участия подростков в молодежных волонтерских отрядах спасателей, медиков, МЧС, полиции; 3) проектирование и увеличение числа «событий» в жизни подростков, а не скучных мероприятий в образовательной и досуговой сферах; 4) создание хорошо организованных, иерархичных, престижных молодежных сообществ, имеющих атрибутику и символику, членство в которых будет престижно для юношей, а деятельность – отвечать чувству взрослости (возможно, в перспективе такими станут проекты «Юнармия» и др.); 5) создание условий для позитивной самореализации личности подростка, в том числе находящегося в социально опасном положении и др.

Таким образом, на современном этапе деятельность по предупреждению распространения криминальной субкультуры в молодежной среде требует от специалистов не только умения вовремя распознать признаки «АУЕ» и пресечь деятельность криминальных групп и авторитетов, каналы распространения криминальных ценностей в информационном пространстве, систематически проводить деятельность по развенчанию мифов криминального мира, но и одновременно с этим усилить посредством вышеуказанных мер «ресурсность» (устойчивость) каждого подростка к ее воздействию путем компенсации возрастных дефицитов.

Список использованных источников:

1. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2018 года [Электронный ресурс] // МВД.РФ. – URL: <https://мвд.рф/>.
2. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2013 года [Электронный ресурс] // МВД.РФ. – URL: <https://мвд.рф/>.
3. Воспитательные колонии [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний. – URL: <http://fsin.su/>.
4. Балаева, А.В. Основы гуманитарной компетенции судьи, рассматривающего уголовные дела в отношении несовершеннолетних : методическое пособие / А.В. Балаева, Е.Д. Женодарова, Л.М. Карнозова; под ред. Л.М. Карнозовой. – М.: ООО «Акварель», 2011. – 174 с.

УДК 349.6

**НОВОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ОБРАЩЕНИЮ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА**

© Ю.В. Юрченко
ООО «Пепеляев Групп»

1. Правовое регулирование нормирования отходов с 1 января 2019 г.

Федеральным законом от 21.07.2014 № 219-ФЗ (*далее – Закон № 219-ФЗ*) в положения о нормировании отходов вносятся следующие изменения:

- нормативы образования отходов и лимиты на их размещение (*далее – НООЛР*) разрабатываются только для объектов I и II категории;
- при этом для объектов I категории НООЛР устанавливаются на основе комплексного экологического разрешения (*далее – КЭР*);
- для объектов II категории установлена обязанность подавать декларацию о воздействии на окружающую среду;
- для объектов III категории установлена обязанность сдавать отчетность об образовании, использовании, обезвреживании, о размещении отходов в уведомительном порядке;
- для объектов IV категории¹ предоставление какой-либо отчетности об образовании, использовании, обезвреживании, размещении отходов не предусмотрено.

Таким образом, Законом № 219-ФЗ установлены требования о нормировании образования отходов и установлении лимитов на их размещение с учетом категории объекта² – то есть с учетом его потенциальной опасности для окружающей среды и уровня оказываемого негативного воздействия на окружающую среду (*далее – НВОС*).

Законом № 219-ФЗ предусматриваются следующие положения о КЭР:

- КЭР включает нормативы по оказываемым видам воздействия, а также комплексную программу экологического контроля;

¹ К объектам IV категории отнесены небольшие энергетические предприятия (оборудование мощностью менее 2 Гкал/час), предприятия опытного производства, научно-исследовательские институты, опытно-конструкторские бюро, а также непромышленные предприятия и организации, НВОС которых является минимальным.

² Критерии отнесения объектов (предприятий) к определенной категории установлены Постановлением Правительства РФ от 28.09.2015 г. № 1029.

– объектам II категории предоставляется возможность получить КЭР только при наличии отраслевых информационно-технических справочников по НДТ;

– срок действия КЭР устанавливается на семь лет, продлевается на такой же срок при соблюдении установленных нормативов и других условий КЭР и отсутствии задолженности по плате;

– КЭР подлежит пересмотру частично или полностью в случаях изменения технологических процессов основных производств, замены оборудования, сырья, повлекших за собой изменение установленных нормативов НВОС, в том числе, лимитов на размещение отходов производства и потребления;

– КЭР подлежит отзыву в случае нарушения в течение шести месяцев и более установленных КЭР обязательных требований при осуществлении деятельности без его пересмотра в предусмотренных настоящей статьей случаях, а также в случае снятия объекта, оказывающего НВОС, с государственного учета.

Сроки подачи заявки для получения КЭР установлены пунктами 6, 7 статьи 11 Закона № 219-ФЗ: до января 2025 года для всех объектов, относящихся к области применения наилучших доступных технологий¹ (далее – НДТ), и до конца 2022 года – для 300 объектов, внесенных в специальный перечень², и составляющих в совокупности 60% негативного воздействия на окружающую среду.

При этом, пунктом 1 статьи 11 Закона № 219-ФЗ предусмотрено, что разрешительные документы, нормирующие НВОС³, полученные природопользователями до 01.01.2019 действуют до получения КЭР. Это очень важное положение закона, поскольку, с учетом 5-летнего срока действия таких документов, даже в случае получения, например, НООЛР в декабре 2018 года, его срок истекает в декабре 2023 года. Однако в соответствии с пунктом 1 статьи 11 Закона № 219-ФЗ, полученный до 01.01.2019 года НООЛР будет продолжать действовать до окончания срока подачи заявки на получение КЭР – то есть до января 2025 года.

¹ Области применения НДТ установлены Распоряжением Правительства РФ от 24.12.2014 г. № 2674-р, Порядок определения технологии в качестве наилучшей доступной, а также разработки, актуализации и опубликования информационно-технических справочников по наилучшим доступным технологиям утвержден Постановлением Правительства РФ от 23.12.2014 г. № 1458.

² Утвержден Приказом Минприроды России от 18.04.2018 г. № 154.

³ Разрешения на выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух, лимиты на выбросы загрязняющих веществ, разрешения на сброс загрязняющих веществ в окружающую среду, лимиты на сбросы загрязняющих веществ, нормативы образования отходов и лимиты на их размещение.

Это важно поскольку подпунктом б) пункта 2 статьи 7 Закона № 219-ФЗ с 1 января 2019 года вводится административная ответственность за осуществление деятельности без КЭР (ст. 8.47 КоАП РФ): наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от четырех тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

В отношении декларации о воздействии на окружающую среду (*далее – ОС*) Законом № 219-ФЗ предусматриваются следующие положения:

– декларация о воздействии на ОС помимо данных о видах и объемах воздействия на окружающую среду включает информацию о реализации природоохранных мероприятий, данные об авариях и инцидентах, о программе производственного экологического контроля;

– декларация представляется один раз в семь лет при условии неизменности технологических процессов основных производств, качественных и количественных характеристик НВОС.

На сегодняшний день нормативно-правовые акты (*далее – НПА*), необходимые для перехода на новые правила нормирования не приняты. Разработаны проекты следующих НПА:

1) Минприроды России разработан проект Приказа, которым предусмотрено содержание заявки на получение КЭР и пакет необходимых документов, а также содержание КЭР;

2) Правительством РФ разработан проект Положения о выдаче КЭР, переоформлении, пересмотре, внесении изменений, а также отзыве КЭР;

3) Проект Приказа Минприроды России об утверждении формы декларации о воздействии на окружающую среду и порядка ее заполнения.

Содержание проектов перечисленных НПА позволяет сориентироваться, какой пакет документов необходимо будет подготовить для получения КЭР, а также, какие сведения и документы необходимы для заполнения декларации о воздействии на окружающую среду.

Так, в соответствии с проектом Приказа Минприроды России, которым предусмотрено содержание заявки на получение КЭР, заявка должна содержать следующие сведения:

– о производимой продукции, используемом сырье и других ресурсах (потребление воды, электрической и тепловой энергии), об авариях и инцидентах, реализации программ повышения экологической эффективности;

– расчет нормативов допустимых уровней НВОС, включая нормативы образования отходов производства и потребления и лимитов на их размещение;

- обоснование нормативов образования отходов производства и потребления и лимитов на их размещение;
- проект программы производственного экологического контроля;
- о наличии положительного заключения ГЭЭ в случае необходимости проведения такой экспертизы в соответствии с законодательством об экологической экспертизе.

КЭР включает, в частности, следующие разделы:

- нормативы допустимого НВОС, в том числе, нормативы образования отходов производства и потребления и лимиты на их размещение;
- требования к обращению с отходами производства и потребления;
- согласованная программа производственного экологического контроля или программа повышения экологической эффективности;
- временно разрешенные нормативы НВОС.

Проектом Приказа Минприроды России об утверждении формы декларации о воздействии на ОС и порядке ее заполнения предусмотрены следующие положения о декларации:

- декларация о воздействии на ОС представляется не позднее наступления даты окончания срока действия документа об утверждении нормативов образования отходов и лимитов на их размещение;
- в случае изменения характеристик технологических процессов основных производств, источников НВОС, внесение изменений в декларацию о воздействии на ОС осуществляется одновременно с предусмотренной статьей 69.2 Закона № 7-ФЗ актуализацией сведений об объектах, оказывающих НВОС.

Содержание декларации о воздействии на ОС включает следующие сведения:

- Раздел I: данные о видах и объемах производимой продукции¹ (представляются максимальные значения показателей за период);
- Раздел II: о результатах реализации действующего до подачи декларации плана мероприятий по охране окружающей среды;
- Раздел III: о произошедших за предыдущие семь лет авариях и инцидентах, повлекших за собой НВОС;
- Раздел VI: о массе образования и размещения отходов;

¹ Указанные сведения приводятся на основании данных бухгалтерского учета и (или) иных документов, содержащих информацию о планируемых видах и объемах производимой продукции на период действия декларации; наименования и коды производимой продукции приводятся в соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008).

– Раздел VII: содержит информацию о программе производственного экологического контроля.

Таким образом, КЭР и декларация о воздействии на ОС будут содержать сводные данные о комплексном (по всем компонентам) НВОС.

Производственный экологический контроль.

Статья 67 Закона № 7-ФЗ предусматривает проведение производственного экологического контроля (*далее – ПЭК*) на объектах I, II и III категорий, порядок его проведения, а также общие требования к содержанию Программы ПЭК.

Подробно, требования к содержанию Программы ПЭК, порядка и сроков представления отчета об организации и о результатах осуществления ПЭК регламентированы Приказом Минприроды России от 28.02.2018 № 74.

В отношении отходов производства и потребления, Программа ПЭК включает:

1) сведения об инвентаризации отходов производства и потребления и объектов их размещения (сведения об отходах, образующихся в процессе хозяйственной и (или) иной деятельности).

2) Программу мониторинга собственного объекта размещения отходов (*далее – ОРО*) (при наличии).

Отчет по результатам осуществления ПЭК в уполномоченный орган представляется не позднее 25 марта года, следующего за отчетным.

Отчет о проведении экологического мониторинга представляется в уполномоченный орган не позднее 15 января года, следующего за отчетным.

То есть, лица, владеющие, эксплуатирующие ОРО должны сдавать два отчета – по ПЭК и экологическому мониторингу ОРО.

Приказом Минприроды России от 14.06.2018 № 261 утверждена форма отчета об организации и о результатах осуществления ПЭК. В отношении деятельности предприятия по обращению с отходами, отчет о результатах ПЭК должен содержать сведения:

- о применяемых технологиях;
- об испытательных лабораториях;
- о результатах мониторинга на территории ОРО.

То есть, для предприятий, образующих отходы и осуществляющих другие виды деятельности по обращению с отходами, но не имеющих собственного ОРО, сведения, подлежащие включению в отчет не предусмотрены. При этом предусмотрена обязанность представить отчет не позднее установленной даты.

В целом, необходимо отметить, что в новом нормативном регулировании сохраняются требования и положения, знакомые природопользователям по-старому (еще действующему), правовому регулированию нормирования НВОС. Например:

1) предусмотренное в рамках КЭР ежегодное подтверждение неизменности технологического процесса – сейчас предприятия, обладатели НООЛР, ежегодно представляют технический отчет о неизменности производственного процесса и используемого сырья;

2) требование об обосновании нормативов образования отходов и лимитов на их размещение для получения КЭР предполагает подготовку проекта НООЛР, который разрабатывается предприятиями для утверждения НООЛР согласно действующему порядку (только называться он будет теперь «Обоснование нормативов образования отходов и лимитов на их размещение»);

3) сведения для декларации о воздействии на ОС о массе образования и размещения отходов, предполагают наличие на предприятии учета в области обращения с отходами, который на сегодняшний день предусмотрен Приказом Минприроды России от 01.09.2011 № 721;

4) программа производственного экологического контроля, сведения о которой включаются в КЭР и декларацию о воздействии на ОС предполагает проведение инвентаризации НВОС, в том числе, отходов и ОРО, требования о проведении которой действуют на протяжении нескольких десятилетий.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что предприятиям необходимо придерживаться выполнения действующих правил, в части обеспечения учета отходов, проведения инвентаризации, производственного экологического контроля. В этом случае, наличие сведений и документов, необходимых для получения КЭР или составления декларации о воздействии на ОС будет обеспечено.

Новые положения о плате за НВОС.

С 1 января 2020 г. предусмотрено применение новых коэффициентов при расчете платы за НВОС в части размещения отходов.

Так, предусмотрено применение «повышающего» коэффициента 25 – за объем или массу отходов производства и потребления, размещенных с превышением установленных лимитов на их размещение либо указанных в декларации о воздействии на ОС, а также в отчетности об образовании, использовании, обезвреживании и о размещении отходов производства и потребления.

При этом, непонятно, как администратор будет определять случай применения $K=25$ к объектам III категории, которые не обязаны утверждать лимиты.

Также, с 1 января 2020 г. предусмотрено применение коэффициента 0 – за объем или массу отходов производства и потребления, подлежащих накоплению и фактически использованных с момента образования в собственном производстве в соответствии с технологическим регламентом или переданных для использования в течение установленного срока накопления.

Практическая ценность данного коэффициента не вполне понятна, поскольку законом предусмотрено внесение платы только за размещение отходов, их использование (как в собственном производстве, так и при передаче третьим лицам) – не влечет возникновения обязанности по внесению платы.

Кроме того, постановлением Правительства РФ от 29.06.2018 № 758 установлено, что в 2019 году применяются ставки платы, установленные на 2018 год, с использованием дополнительного коэффициента 1,04.

Зачет природоохранных затрат.

После принятия новых Правил исчисления и взимания платы за НВОС¹, появились тревожные попытки Росприроднадзора внедрить практику применения зачета природоохранных затрат в счет уменьшения платы за НВОС только к затратам по выбросам и сбросам².

Положения новых Правил дают повод для такого их толкования и применения:

*«25. Из суммы платы вычитаются затраты на реализацию мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду, фактически произведенные лицами, обязанными вносить плату, в пределах исчисленной платы по тем показателям (по каждому загрязняющему веществу, по которому производится расчет платы в части выбросов и (или) сбросов загрязняющих веществ), по которым в соответствии с планами снижения **выбросов** вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух и **сбросов** загрязняющих веществ, иных веществ и микроорганизмов в поверхностные водные объекты, подземные водные объекты и на водосборные площади предусматривается снижение таких выбросов и (или) сбросов (далее – планы снижения выбросов и сбросов).*

26. Затратами на реализацию мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду признаются документально подтвержденные расходы лиц, обязанных вносить плату, в отчетном периоде на

¹ Утверждены постановлением Правительства РФ от 03.03.2017 г. № 255.

² Например, судебные акты по делам № А60-58135/2017 и № А60-6053/2017.

финансирование мероприятий, предусмотренных пунктом 4 статьи 17 Федерального закона "Об охране окружающей среды" и включенных в планы снижения **выбросов и сбросов**, а также расходы на реализацию мероприятий по обеспечению использования и утилизации попутного нефтяного газа...

*28. Затраты, указанные в пункте 26 настоящих Правил, не учтенные в отчетном периоде, могут быть учтены в последующие отчетные периоды в течение срока выполнения планов снижения **выбросов и сбросов**».*

И только упоминание в п. 26 Правил п. 4 ст. 17 Закона № 7-ФЗ – в пользу природопользователя, поскольку перечень природоохранных мероприятий, предусмотренный данной нормой, содержит, в том числе мероприятия, связанные с установкой оборудования по использованию, транспортированию, обезвреживанию отходов.

Послесловие.

В целом, изменения природоохранного законодательства, по крайней мере, в области нормирования НВОС, призваны снизить нагрузку на предприятия (в частности, 7-летний срок действия КЭР и 7-летний период сдачи деклараций о воздействии на ОС).

При этом, в части платы за НВОС вводятся повышенные коэффициенты за превышение допустимых уровней воздействия (коэффициент 25 за размещение отходов с превышением лимитов), несбалансированные понижающими коэффициентами, в связи с отсутствием их практической ценности (коэффициент 0 за использование отходов – вид деятельности, который в любом случае не влечет возникновение обязанности по внесению платы за НВОС), а положения о зачете природоохранных затрат позволяют толковать их не в пользу природопользователя.

Таким образом, необходимость в реформировании природоохранного законодательства сохраняется.

СОДЕРЖАНИЕ

Акунченко Е.А. «Продажность» избирателей как вид коррупционного злоупотребления правом в избирательном процессе	3
Боровков А.А., Тарбагаев А.Н. Корыстная цель как признак хищения	6
Будкина И.С. К вопросу о законодательной регламентации норм о тяжких насильственных преступлениях против жизни и здоровья, совершаемых в отношении детей	11
Григорьева М.В. Некоторые проблемы правовой охраны атмосферного воздуха (региональный аспект)	16
Дамм И.А. Коррупционные риски при переходе с платного обучения на бесплатное в образовательной организации высшего образования	20
Долголенко Т.В., Староватова С.В. Актуальные проблемы применения Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 07.06.2017 № 120-ФЗ	28
Дробышевский С.А. К критике учения Э.А. Хобеля о частном праве в примитивном обществе	34
Ефремова Е.С. Уплата налога третьими лицами: ведет ли это к коммерциализации налоговых правоотношений?	41
Захарова О.А. Уплата налогов третьими лицами: правовые нюансы и последствия	48
Кондрашев А.А. Основные тенденции развития федерального законодательства о коренных малочисленных народах в России: системные недостатки и пробелы	52
Моргун О.В. О соотношении уголовной и административной ответственности за совершение финансовых правонарушений	63
Москалев Г.Л. Распространение информации экстремистского содержания в сети интернет: проблемы профилактики	66

Николаев А.В. Международная фискальная концепция бенефициарной собственности: российская специфика	71
Питецкий В.В. Понимание объективного вменения в судебной практике по уголовным делам	81
Рычкова Н.Ю. Исключительное право как основной непосредственный объект преступного присвоения авторства (плагиата)	87
Староватова С.В. Актуальные проблемы реализации и применения Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ	93
Тепляшин И.В. Конституционные основы института участия граждан в управлении делами государства: вопросы законодательного закрепления	100
Тепляшин П.В. Редукционистский подход европейского суда по правам человека к разрешению жалоб заключенных	105
Тимофеев А.В., Климович Л.П. Способы выявления и документирования преступлений, совершаемых в организациях, предоставляющих жилищно-коммунальные услуги (на примере северных территорий Красноярского края)	110
Шишко И.В., Деревягина О.Е. Объект преступного ограничения конкуренции	114
Щедрин Н.В., Никитина Н.А. К вопросу о профилактике криминальной субкультуры в молодежной среде	125
Юрченко Ю.В. Новое правовое регулирование деятельности по обращению с отходами производства	129

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

